

Даванда
Май

Три желания для
РЫБЬКИ

Лина Беляева запуталась.

Все вокруг твердят, что романтические отношения — важная часть взрослой жизни.

А затем все вокруг замечают, как ей повезло, что на неё, первокурсницу, обратил внимание такой крутой парень, как Глеб Пожарский.

Всё время все вокруг что-то говорят.

Только сама Лина чувствует себя рядом с «выбором общественности» несчастной и всё сильнее подавлена от невозможности быть с Михаилом Князевым, который с ней просто дружит.

А что если с его стороны «просто дружбы» давно уже нет?

Готова ли она научиться противостоять чужим мнениям, отстаивая себя и свои истинные желания?

Три желания для рыбки

Глава 1. Молодой человек желает познакомиться

Лина

— Утро. В дверь моей комнаты стучат. — Людмила, моя подруга, драматично понижает голос, привнося мистические нотки в свою историю. — А я же понимаю, что живу одна. Только-только открыла глаза после сна, но соображалка-то работает уже — в доме, кроме меня, ни души!

— Так, ладно, ты меня заинтриговала. Что дальше?

Я не хотела слушать очередную историю её любовных приключений, которыми она снабжает меня слишком часто, для того, чтобы я могла без последствий для своей психики это выносить. Но сегодня рассказ Ажиновой не имеет привычных сюжетных поворотов и юмористических настроений.

Мы сидим в холле напротив расписаний социологического факультета и ждём пока кто-нибудь из нашей группы не подойдёт узнать куда должен держать свой сегодняшний путь студент-первак пятьсот сорок девятой группы кафедры экономической социологии и маркетинга.

Да, уже конец сентября, но мы никогда не были в пятом корпусе нашего вуза, так что пришли в некоторую растерянность при виде сегодняшних изменений в расписании.

— Сначала подумалось, что мне просто послышалось, — подруга склонила голову немного вниз, и свет от потолочных ламп молнией отразился в стёклах её очков. Людмила на какое-то время замолкает, выдерживая напряжённую паузу.

— Но тебе не показалось, верно? — поторапливаю её.

— Верно, — монотонным, вызывающим напряжение мышц, голосом ответила Ажинова.

— Ну так и что дальше-то?

Признаться честно, всегда спокойная я, начинаю терять терпение. Почти невыносимо перед самым кульминационным моментом сталкиваться с кинематографической паузой. Хуже только то, что пришли мы самые первые и вынуждены теперь ждать появления хоть какого-то знакомого лица в надежде, что тот знает куда нам идти. Меня это всё начинает слегка нервировать, но для утра понедельника такой настрой простителен.

Другие студенты тоже не сияют счастьем бытия — сонными мухами волочат ноги к расписаниям, недовольно бубнят, но смиренно фотографируют на свои телефоны белые листы со строками и набором букв в них, разбредаясь затем кто куда. Мимо нас снуют и совсем «зелёные» и уже «бывалые».

За почти месяц в роли студентки я научилась отличать старшаков от перваков. Если студенты собираются небольшими стайками и ярко выражают эмоции, то это скорее всего перваки. Если на лице видна печать деловой скуки, походка ленива и небрежна, то это, вероятно, уже умудрённые опытом старшаки. Они идут, а ты мысленно представляешь пожарище за их спинами и примеряешь на их лица чёрные и супергеройские солнцезащитные очки. Неужели и я когда-нибудь перестану ощущать себя пугливой маленькой птичкой и превращусь в серьёзную, твёрдо стоящую на ногах девушку? Пока это кажется несбыточной мечтой, но я не отчаиваюсь.

— А дальше я вспоминаю, что сегодня у меня на ночь остался Андрей. Он шуточно постучал в дверь со словами: «Мадам, позвольте угостить вас чашкой кофе!». В его руках действительно была дымящаяся чашка с моим любимым утренним ароматом. — Людмила

отбросила всякую мистику, перевоплотившись в обычную себя. Её нагловатая улыбка даёт мне понять, что подруга намеренно дразнила меня сейчас. Так эпично развернуть свою историю, и так грубо её слить — вот как?

— Эх, ожидала большего... — не скрываю своего разочарования.

Снова её парни. Ничего нового. То Алексей, то теперь Андрей. Ажинова особе влюбчивая и непостоянная, но нисколько не печалится по этому поводу. А к чему ей грустить, если у неё неисчерпаемый источник увлекательных романтических историй? Такой человек всегда будет интересным собеседником.

Это мне нужно грустно вздыхать и тихо лить слезы где-нибудь у окна, обнимая кружку с какао. Все школьные годы провела без пары, когда одноклассники деловито ходили под ручку со своими вторыми половинками. Хихиканья, обжимания по углам и слюнявые поцелуи у всех на виду — круто же, для своего статуса полезно. Ведь если ни с кем не встречаешься, то, конечно, неудачник. Наивно думала, что в вузе студенты слишком заняты учёбой, чтобы обращать внимание на каких-то одиночек, но как же я ошиблась.

Студенты — это вовсе не умняши с папочками в руках. Это выпускники школ с ветром в голове, эйфорией от начала взрослой жизни, предвкушения свободы. Я ощущаю это собственной кожей, точно так же паря над землёй от мысли, что теперь я сама по себе, отдельно от родительской опеки. Не знала, что так бывает, но чувствовать себя пугливой птичкой и свободным взрослеющим человеком одновременно — возможно!

— Когда уже ты мне расскажешь про своего парня? — Людмила не впервые раз задаёт мне такой вопрос.

— Ты же знаешь, что у меня никого нет.

— Ужасная риторика! Нет-нет, Лина, у тебя есть я. Но это неправильно — я не твой парень. Однако, я знаю как исправить ситуацию!

Людмила подмигивает мне, вызывая во мне желание язвить. Ведь меня не впервые хотят с кем-нибудь свести, познакомиться, случайно столкнуть лбами с каким-нибудь красавчиком.

— Решила стать моим парнем? Смена пола вошла в чат? — коротко смеюсь от собственной шутки.

— Нет, у меня есть идея получше. Ты же помнишь, что в пятницу у социологического факультета студенческая вечеринка? Один шикарный молодой человек, друг моего Андрея, интересовался о тебе и, как бы между прочим, сказал, что придёт на празднование. В общем, он ожидает увидеть тебя там.

— Этот молодой человек мог бы и лично меня пригласить, — демонстративно бубню, чтобы скрыть своё волнение. — Он тоже с нашего факультета что-ли?

— Ого! Неужели заинтересовалась? — Людмила аж подпрыгнула на скамье под нами.

— Нет, конечно. — Придаю максимальной невозмутимости всему своему виду, со скукой осматривая мимо проходящих. — Просто не понимаю ход его мыслей. Скромный?

— Про таких говорят «плохой парень», — подруга мечтательно вздохнула, прижав руки к груди. — Если бы не Андрей... В общем, подруга, весьма лакомый кусочек этот молодой человек. Советую прийти на вечеринку. К тому же она в пятницу, а впереди выходные. Не о чём переживать, зубрилка.

Ажинова снова подмигивает мне, называя меня зубрилкой. Мне не обидно — знаю, что любя. И даже уважительно. Ведь сама Людмила в прошлом году уже вылетела из

аналогичного вуза в соседнем городе за прогулы и неуспеваемость. Как итог: новая жизнь и вторая попытка, но теперь уже на платной основе. Бедняга всё время, помимо отношений со своим возлюбленным, занята зарабатыванием денег на фрилансе — рисует иллюстрации для заказчиков. Но больше всего поддерживать финансовую независимость от своего отца ей помогает умение писать невероятно красивые картины маслом.

— Да, он с нашего факультета. Кафедра только другая: политологии и социологии политических процессов. Как-то так. А ещё он третьекурсник, — добавляет подруга.

— Аргумент, — хмыкаю. — Посмотрю на своё настроение, — бросаю с максимальной небрежностью, на какую только способна, а сама мысленно уже понимаю, что никуда не пойду.

Шумные вечеринки меня утомляют. Чем отличается эта от всех остальных, на которых мне было невыносимо скучно и с которых всегда скорей хотелось удрать? Меня не соблазнить интересом в мою сторону «плохого парня», как о нём выразилась Людмила. Мне и без отношений хорошо живётся. И жилось бы ещё лучше, если бы не тыкали мне в моё одиночество и не качали сочувственно головой. Да почему вы жалеете меня?! — хочется спросить. У меня же всё хорошо! Хорошая успеваемость, друзья, куча свободного времени, в отличие от влюблённых парочек. Но реальность взрослой жизни неумолима: у тебя должен быть парень. Желательно крутой, красивый, успешный и так далее по списку.

— О, девчонки! — а это Михаил и Антон, наши друзья и одногруппники, появились в холле.

Парни сразу направились к нам, даже не глядя в расписание. Какое счастье, что именно они пришли первыми. Ведь мы вчетвером довольно хорошо ладим с самых первых дней учёбы. Особенно близко я общаюсь с Михаилом Князевым, с которым мы были знакомы много лет назад, так как учились вместе в одном классе в начальной школе.

— Чего сидите? — недоумевает Антон, теребя широкую лямку рюкзака.

Мы всё время недоумеваем зачем Хомякову такой большой рюкзак, а тот только отстреливается шутками, не давая внятного ответа. Он и одевается своеобразно: сегодня на нём серая майка с клетчатой рубашкой поверх. Выглядит это всё так, словно парень отстал на десяток лет от текущей моды. Но весельчаку всё прощают и закрывают глаза на его неумение одеваться актуально — разве это главное, когда человек-то хороший?

А вот о Михаиле совсем не скажешь подобных слов. Я едва узнала его, когда увидела впервые спустя многие годы. Возмужал. Тёмные, бронзового оттенка волосы уже не были такими ярко-рыжими, как в детстве. Больше нет пухлых щёчек, невинного выражения лица с любопытно распахнутыми круглыми глазками. Широкие плечи, мускулистые руки-лапища, сдержанный стиль одежды.

Одно осталось прежним — Михаил всё так же хорошо воспитан и доброжелателен. Про такого Людмила бы сказала «хороший парень» в противовес тому загадочному молодому человеку, о котором сейчас мне рассказывала.

— Расписание сменили, — отвечаю. — В чате «Заключённые 549 камеры» же вчера писали, что изменения будут. Вот и заменили одну аудиторию на другую.

— В пятом корпусе пара будет, — дополняет меня Людмила, отбрасывая свои каштановые волосы за спину. — Ждём того, кто знает куда идти.

— Чего ждать? — спрашивает Антон. — Надо спрашивать!

Наш бесстрашный друг без раздумий ринулся к первому попавшемуся студенту, намереваясь узнать дорогу. Поднимаемся со скамьи и вместе с Михаилом движемся за

Хомяковым.

— Про вечеринку-то подумай! — Шепчет напоследок мне Людмила, завершая наш разговор.

— Угу.

Михаил посмотрел на нас с не читаемым выражением лица, на секунду приподняв одну бровь. Он так делает когда не расслышал или когда не понимает о чём идёт речь. Я эту его привычку с детства помню. Даже удивительно, как можно помнить такие мелочи о ком-то из знакомых, но забывать целые куски своей собственной жизни.

Глава 2. Друг из детства

Ли́на

Вчера днём, когда учебный день ещё только начинался, мне в глаза бросилась необычная задумчивость на лице Михаила. Нет, он определённо точно не витал в облаках, воображая себе супергеройские приключения с собой в главной роли. Напротив — максимальная собранность и сосредоточенность на происходящем вокруг. Какой вопрос не задай — ответит на всё и сразу. А если тихонько пихнуть его локтем, то не вздрогнет от неожиданности. Мы часто сидим рядом: Людмила, я, а затем Михаил и Антон. Дружная четвёрка, занимающая своим составом сразу половину ряда где-нибудь в середине студенческого «амфитеатра». Так я оказываюсь бок о бок с другом из своего далёкого детства, которого могу пихать локтем сколько душе угодно. Князев успешней, чем я, справляется с написанием лекций под слишком быструю для меня диктовку преподавателей. Он уже привык, что я периодически заглядываю к нему в тетрадь за пропущенным словом, ведь в тетрадь Людмилы смотреть не имеет смысла — я совсем не разбираю её почерк. Иногда Михаил кладёт руку таким образом, что мне не видно текст — тогда и толкаю его руку своей, чтобы явил мне свою писанину. Михаил, как и я, учится довольно старательно, находясь здесь не ради галочки в списке дел на свою жизнь, а из искреннего интереса к социологической науке. Поэтому вчера он не упустил возможности вступить в дебаты с преподавом, что ещё раз подтверждает мою теорию о том, что в облаках мой друг не витает.

Он сегодня имеет такое же выражение лица, что и вчера. Наблюдает за всеми, внимательно слушает разговоры, даже если сам не принимает в них участия. А разговаривают все в основном о предстоящей пятнице. Многие ждут наступления тридцатого сентября, чтобы отдохнуть и расслабиться, а кто-то, как перваки, чтобы познакомиться с таким явлением, как студенческая вечеринка у социологического факультета. Местные студенты каждый год её устраивают, скидываясь деньгами своим старостам, чтобы те затем передали всю сумму сборов главным организаторам (а это зачастую старшаки) для последующей оплаты аренды клуба на одну ночь. Из нашей четвёрки деньги сдали только Людмила и Антон. Я не люблю шумные компании, а Михаил, видимо, думает. Иного объяснения его задумчивости я не нахожу.

— Я походил поспрашивал, — заговорил Михаил, провожая взглядом Людмилу с Антоном, что присоединились к очереди сдачи денег старосте группы. — Это обычное клубное времяпрепровождение с понятными атрибутами.

— А ты думал все собираются вырезать бумажные кленовые листики в честь золотой осени и танцевать бальные танцы? — тоже наблюдаю, как наша Маша, староста, помечает в своём блокноте «купивших билет» в мир пятничного веселья.

— Не думал, — он хмыкнул и повернулся ко мне, задев мимолётно коленом. — Ты не пойдёшь?

Князев кивает головой в сторону очереди у самой кафедры с Машей во главе. Лишь немногие во время перемены остались просто сидеть на своих местах, а не вышли в буфет перекусить или занять очередь к старосте.

— Не люблю всё клубное, — отрицательно качаю головой и морщу нос. — А ты?

— Тоже не любитель, — мне нравится его голос в этот момент. — Рад, что ты благоразумна.

— Слово-то какое подобрал...

Михаил может и пай-мальчик, но никому и в голову не придёт заявить ему об этом. Ему, в отличие от меня, никогда не говорят что-то вроде: «Эй, Мих, а когда девушку заведёшь?». Набегающие грозовые тучи в глазах этого парня при любых некорректных вопросах в миг лишат желания приставать или неудачно шутить.

— Хорошее слово, — он заёрзал с нахальной полуулыбкой, снова задев меня уже вышеупомянутым коленом. — Чем не нравится?

— А если бы я тоже сейчас стояла с Людой и Антоном?

— Встал бы рядом с деньгами наготове, — пожал плечами. — То, что я рыжий, не значит, что особенный.

Меня охватило волнение, заставшее врасплох. Этот тембр его голоса... Я вдруг остро ощутила рядом присутствие молодого и симпатичного мужчины с строгими чертами лица, небольшими чёрными клипсами в мочках ушей, придающими брутальность всему виду, не смотря на отсутствие наглого поведения, приправленного хамством или чем-нибудь подобным из того, что свойственно типичным бруталам. А ещё он носит цепь на шее — мой взгляд опускается ниже, запнувшись о родинку на ключице. Моё непонятное наваждение обрывает взрыв хохота поднимающихся навверх, мимо нас, на свои места парней. Они смеются над чем-то своим, а мне думается, что смеяться сейчас стоило бы надо мной — на друга детства засмотрелась вдруг. С ума сошла!

Остальные пары сегодня прошли для меня, как в тумане. Всё оставшееся время, проведённое в стенах вуза, не покидало то самое ощущение, на котором я себя поймала во время разговора с Михаилом о вечеринке. Мне начинает казаться, что Людмила права, и мне действительно стоит попробовать познакомиться с кем-то классным. Даже организм уже подаёт сигналы — пора. А Князев, сам того не подозревая, только усугублял моё шаткое положение: то ногой заденет, то наклонится слишком близко, чтобы что-нибудь сообщить Людмиле через мою голову.

В начале третьей пары, когда Екатерина Николаевна, преподаватель по методологии и методах социологического и маркетингового исследования, начала озвучивать наши фамилии по списку, я вдруг решила окончательно упасть в своих собственных глазах. Смотрела в одну точку на доске, сообщающей своей надписью мелом, что сегодня двадцать седьмое сентября, и думала. Думала долго и напряжённо. У меня лишь три дня на то, чтобы решиться. Мне показалось, что я слышу свою фамилию. Следом за этой мыслью рука Михаила обхватила моё предплечье, от чего я дёрнулась так, словно коснулись меня не тёплой человеческой рукой, а раскалённым железом.

— Беляева! — уже громче повторяет Екатерина Николаевна.

— Здесь! — отвечаю запоздало, привлекая к себе внимание одногруппников.

Преподавательница по-старчески недовольно поджимает губы и делает пометку в своём журнале. Неряшливый пучок на голове этой женщины так же делает её несколько старше, чем она есть на самом деле. По факту же она даже моложе моих родителей.

— Ты спишь что-ли? — Михаил предпринимает ещё одну попытку коснуться моей руки, но я трусливо прячу её под аудиторный стол.

— Задумалась, — отвечаю, пряча глаза.

— Ничего себе как задумалась, — шепчет Ажинова по другую сторону от меня. — Я тебя щипаю, а ты не реагируешь!

Больше казусов, к счастью, не было. Остаток пары прошёл относительно спокойно, не считая того факта, что дисциплина эта не самая увлекательная для меня, а преподавательница не самая приятная. Слишком строгий вид она имеет и шуток совсем не понимает. Даже у самых смелых из нашей группы ещё на первом её занятии пропало желание веселиться.

Домой я попала только ближе к вечеру, так как после пар моталась с Людмилой по торговому центру в поисках её идеального платья для пятницы. Один магазин за другим, бесконечные «Добрый день! Могу я вам чем-то помочь?», череда примерочных и коллекция платьев прошедших через наши руки. Я молилась всем возможным богам, чтобы наши шатания по миру женских нарядов не прошли даром. Мои молитвы были услышаны — Ажинова нашла платье, которое посчитала достойным обнимать её стройное тело. Я же ходила по пятам своей подруги в качестве моральной поддержки и некоего личного консультанта. Себе ничего не смотрела. Во-первых, платья у меня есть, и покупать ещё одно не вижу смысла. Во-вторых, карточка осталась дома, оберегая меня от импульсивных покупок.

Ноги гудят от длительной ходьбы, когда поворачиваю ключ в двери и захожу в квартиру. Здесь пахнет розами — это Диана, моя школьная подруга, с которой мы вместе живём, любит распылять освежитель воздуха в прихожей, чтобы, как она говорит, не воняло нашими осенними ботинками, что топчут грязь на улице.

— Диан, ты дома? — вешаю ключ на крючок вешалки, снимаю ветровку и ботинки.

— Да! — она кричит из кухни.

Я иду на голос и звуки непонятной возни, подмечая для себя, что шлейф с ароматом роз продолжает следовать за мной, не застревая в прихожей, как обычно. Не к добру это.

— Что ты делаешь?.. — но мой вопрос больше не требовал ответа.

В нос ударил запах гари, а Диана, стоящая передо мной в растерянности, кажется, вот-вот пошлёт меня куда подальше с моим любопытством. У неё снова не получился морковный пирог. Он лежит в противне на столе, весь чёрный, соседствуя рядом с флаконом освежителя «Розовая вуаль».

— Может закажем пиццу? — спрашивает, беспомощно разводя руки в стороны. — Ты, кстати, поздно сегодня.

— Люде выбирали платье для вечеринки. Про пиццу звучит здорово.

Мы одновременно, не сговариваясь, садимся за стол и смотрим на уродливое кулинарное творение. Русые пушистые волны Васильевой качнулись, когда она резко вскидывает голову, переводя своё внимание на меня.

— Ты про ту самую вечеринку? — спрашивает.

— Угу.

— Так и не идёшь?

Я уже рассказывала ей о таком приколе нашего факультета. У неё, в педагогическом, есть что-то подобное, но зовётся иначе. У них это посвящение в студенты. Всё чинно и серьёзно. Прямо как сама Диана.

— Я думаю, — отвечаю.

Далее я рассказываю ей о загадочном молодом человеке, что якобы интересуется мной. На что сама Диана удивляет меня тем, что познакомилась сегодня с одним парнем. Ну, вот. Даже Васильева теперь на пороге романтических отношений. И она, гадина такая, не

упускает возможности ткнуть меня в это:

— А ты так и будешь всю жизнь думать сидеть? Может не стоит упускать шанса, и пора сказать себе «да»?

— Так говоришь, будто я уже имею полную аптечку, вешаю календарики на стену, выращиваю домашние помидоры на подоконнике и планирую выход на пенсию. А мне восемнадцать всего! И вообще: начинаю чувствовать себя серой мышью из-за вас всех!

— Вау! — Диана поднимает ладони в защитном жесте. — Полегче, подруга! Не злись так. Я же добра желаю... Не хочешь — не иди. Как там наш бывший одноклассник поживает?

А что одноклассник? Хорошо поживает, видимо. Даже ни разу сегодня в «Вконтакте» не скинул какую-нибудь смешную картинку, как обычно. За месяц возобновившегося общения с Князевым я уже успела привыкнуть к ежедневным мемам. Чувствую теперь себя обделённой.

— А знаешь, — говорю со всей решительностью, — я пойду и посмотрю так ли хорош этот парень, как говорит о нём Люда.

Глава 3. Кажется, влюбился

Михаил

Лина Беляева. Я узнал её практически сразу при виде знакомых имени, фамилии и фотографии на аватаре в созданном старостой чате «Заключённые 549 группы». Не поверил собственным глазам. Разве бывают такие совпадения? Мы учились вместе с первого по четвёртый класс и даже сидели за одной партой. Я тогда был пухлощёким, и все называли меня «рыжик», в то время как сама Лина походила на принцессу в моих глазах. Ведь только у принцесс бывают такие длинные красивые и белые волосы — так я тогда думал. Правда, именовали её всё же рыбкой, а не как-то иначе, но это уже отдельная история. Наши пути разошлись, когда я с родителями переехал в соседний город из-за работы отца. И вот, окончив школу, я оказался снова здесь, но теперь уже для поступления в приглянувшийся вуз. К тому же в этом городе оставалась родительская квартира, в которой мы жили прежде и какие-то наши родственники. И это надо же такому случиться, что бывшая одноклассница оказывается со мной не только в одном вузе, на одном факультете, но ещё и на одной кафедре, являясь мне теперь одногруппницей. Мне даже не всегда верят, когда рассказываю.

Сначала был первый учебный день с кучей новых незнакомых прежде лиц. Мы, учащиеся группы 549, познакомились друг с другом, выискивая сразу тех, с кем планируем дружить и кто на наш взгляд для этого подходит. Всё заработало по принципу «ты нагловаато ходишь по аудитории в кепке, а я ношу тату на лице — отлично, подходим друг другу!». Или «ты в короткой облегающей юбке, а я на высоких каблуках и с острыми стрелками на глазах — привет, будущая подружка!». Я по итогу подсел к тому, кто меня меньше всего напрягал — к Антону Хомякову. Держался он просто, без лишних выкрутасов, а выглядел настолько же безобидно, как звучит его фамилия. На девчонках я внимания особо не заострял, и Беляеву в тот день не узнал. Она меня, как призналась позже, тоже. А вот уже на следующий день назначенная староста группы создает тот самый чат, где планировалось обсуждать насущные вопросы касаясь нашей студенческой жизни. Там-то я и увидел Лину. В голове щёлкнула догадка, но я не верил до конца. Тогда решил отправиться на её страницу, которая оказалась открытой, и посмотрел какую школу она указала в своей анкете. И да, это была та самая школа, в которой я провёл четыре года своей жизни. Ошеломлённый своим открытием, сразу принялся печатать бывшей однокласснице сообщение:

— Привет, одногруппница! Помнишь толстого рыжего парнишку — школьного соседа по парте?

Она онлайн, но долгие восемь минут ничего не отвечает, не смотря на то, что сообщение было прочитано.

— Серьёзно? — получаю, наконец, ответ с удивлённым смайликом в конце.

— Ага. Теперь думаю, что ты за мной следишь, чтобы отомстить за школьные обиды.

— Ха! Рыжик! Ничего себе... Я обзывала тебя колобком — это ты должен мне мстить.

— Обязательно отомщу, — прикрепляю злорадный смайлик.

— Мне теперь страшно идти завтра на пары!

— Ходи и оглядывайся, — мне начинает нравиться наша игра, я увлекаюсь.

— Давай договоримся о гибких условиях: я тебя обижаю, мстя за школьные обиды, а ты меня нет!

— Чую какой-то подвох...

— Побольше доверия людям, и жизнь станет проще!

Переписка неожиданно растянулась на весь вечер, не теряя своего шутливого настроения. Мы общались так, словно не было никаких семи лет друг без друга. Словно мы старые добрые друзья, и общаемся каждый день уже очень давно. Начальную школу не очень интересно было вспоминать, так как слишком мало воспоминаний о ней сохранилось у нас обоих. А вот о средней и старшей рассказывать было гораздо интересней. Ну а позже плавно перешли к вопросу о том, почему же решили стать социологами.

Одним вечером дело не ограничилось. На следующий день Хомяков имел возможность наблюдать как его новообретённый друг вдруг срывается и подходит к одной из девчонок вошедших в аудиторию перед началом первой пары. К Лине. Она не сразу заметила меня, занятая разговором с подругой, но когда повернула голову в мою сторону, я неожиданно для себя почувствовал некоторое волнение. Будет ли она такой же милой в жизни, как в Интернете? Но моё опасение развеялось, разбилось о самую красивую улыбку, что я когда-либо видел.

А ещё через неделю сформировался наш квартет: Лина с Людмилой и я с Антоном. Получается, что я и Беляева стали неким клеем для создания такой компашки. И нет, мы не держимся обособленно от других — просто даже в самом дружном коллективе всё равно есть такие вот микрогруппы по интересам. Но если изначально все прощупывали почву, изучали одноклассников и начинали дружить с одними, то сейчас, спустя месяц, половина союзов распались и перемешались между собой. Ведь по прошествии времени вдруг так получается, что тот, кто показался тебе интересным, может раскрыться и оказаться совсем не тем, кем казался. Нашу же четвёрку такая участь миновала — чему я несказанно рад.

Месяц это не так и много, но этого времени мне хватило для одного важного понимания: мне нравится моя бывшая одноклассница. И не просто как душевный человек и приятный собеседник. Не просто потому что она своими «принцессовскими» волосами навевает приятные ностальгические воспоминания из детства. А потому что меня к ней тянет, как к девушке. Как к той, кого хочется обнять и поцеловать, взять за руку и увлечь на романтическое свидание, как в глупом девчачьем кино. С каждым прожитым днём это чувство во мне было всё сильнее, оно росло и крепло, добиваясь моей полной уверенности в нём. И вот, в одно прекрасное утро я проснулся и понял — надо хотя бы понять есть ли у меня шанс, а уже потом отталкиваться от этого.

Это самое утро было сегодня. Я и раньше стремился прикоснуться, обнимал, прикрываясь дружбой — Людмилу же тоже обнимаю, Антона похлопываю по плечу. Даже придумал один крутой способ для того, чтобы ощутить запах её волос: намеренно отодвигаю тетрадь с лекцией так, что Лине приходится наклоняться ближе ко мне, когда она хочет подсмотреть в рукописный текст. Делал это всё скорее неосознанно. А сегодня наблюдал. То наклонюсь, то ногой задену. Каково же было моё разочарование, когда в один момент рука Беляевой спряталась от меня под стол. Я переборщил со своими экспериментами. Кажется, я ей даже неприятен в своей навязчивости сегодня. Я для неё просто друг. Для Лины что я, что Антон — всё одно.

— Скорей бы оттянуться, — стонет Хомяков, отвлекая от мрачных мыслей, когда мы стоим на автобусной остановке после пар.

— Немного осталось, потерпи.

— Мне показалось, или у вас с Линой что-то происходит? — неожиданно сменил он

тему.

— Тебе показалось.

— Ты злой или мне кажется? — ветер смешно треплет его волосы, заставляя стоять их столбом, но мне не до смеха.

— Тебе кажется.

— Может, тебе всё же стоит отдохнуть с нами?

— А ты упрямый, не сдаёшься — смеюсь. Нет, я в пятницу занят. Уже сказал родителям, чтобы отправляли малого ко мне.

Малым я называю своего младшего брата, Тимофея, который иногда проводит у меня выходные. В свои одиннадцать эта мелочь до безобразия умный. Я в его годы не додумался бы до такой схемы, что применяет он: строит невинные глазки и подходит к каждому члену семьи по очереди с просьбой помочь с домашкой. К отцу напросится на помощь по биологии, географии, к матери за математикой и физикой примчится, а я вдруг каким-то неведомым образом стал репетитором по русскому языку. С каждого понемногу, и домашка готова. Пока объясняешь материал, половина оказывается выполненной. Отмахнуться не вариант, так как сразу заявляет: «Я стараюсь хорошо учиться, всё понимать, а вы меня просто посылаете? Не стыдно? Я теперь даже не знаю на горячую линию мне звонить или к школьному психологу идти». Маленький манипулятор. Но в этот раз я как будто бы даже рад его приезду — хорошая возможность отвлечься. К тому же за Лину могу быть спокоен, не придётся дёргаться на эту вечеринку из-за неё. Выбор-то невелик: либо за Тимофеем присматриваю, либо за Беляевой. И первый вариант развития событий нравится мне гораздо больше. А хорошие девочки пусть дома чай с пирожными пьют да книжки умные читают.

— Просто к Люде ты так не жмёшься, — снова взялся за своё Антон.

— Я хотя бы жмусь к кому то, а ты вот нет. Стоит ли мне тебя начать подозревать?

— Да пошёл ты, Мих. Просто же спросил.

— Лину я с семилетнего возраста знаю. Вот и всё. Говорил же.

— Понял-понял, — сдаётся друг.

Вот за что Хомяков мне нравится, так это за понятливость. Что же, тема закрыта. Во всех, видимо, теперь уже смыслах.

Глава 4. Долгожданная пятница

Лина

Тридцатое сентября. Пятница, которую все ждали. Я ведь и в самом деле это сделала: позавчера сдала деньги старосте, поймав её за рукав в коридоре. Не слишком ли отчаянно я выглядела при этом? Возможно, я была последней, кто решился на сие мероприятие, так как Маша даже растерялась от моего намерения и не сразу отыскала в своей сумке нужную тетрадь со списком фамилий и галочками напротив них. С тех пор я чувствовала некий мандраж, но оставила свои переживания при себе. Не хотелось бы в ответ получить новую порцию нравоучений о необходимости завести романтические отношения с крутым парнем. Людмиле решила сказать за пару часов до начала вечеринки, чтобы посмотреть на удивлённую реакцию подруги. Пожалуй, это будет весело. Она решит, что я шучу. Но нет. Я даже не передумала до сих пор, а ведь могла бы. Стоит правда признать, что поменять своё решение мне мешала Диана. В том смысле, что ей-то я уже сообщила о своих планах на пятницу. Людмиле я не рассказала для повышения шанса на «не передумать». Неловко бы вышло: сначала объявить о сдаче денег старосте, а потом вдруг струсить и не прийти. Упс...

Повезло, что сегодня всего две пары, и у меня было время хорошенько подготовиться после. Ещё раз проверить всё ли в порядке с платьем, хорошо ли лежат волосы и достаточно ли позитивны мои мысли. У Антона вот точно всё с позитивом хорошо — весь день довольно руки потирал, предвкушая. По-моему, он больше всех горит желанием посетить вечеринку. Мы все только ухмылялись при виде забавных рожиц Хомякова с несдержанной глуповатой улыбкой, которые сообщают всему миру, как он безмерно счастлив.

— Тебя что родители взаперти всё время держали? — удивлялся Михаил эмоциональности Антона. — Твоя первая в жизни вечеринка?

— Вот вы смеётесь все, — тыкал Хомяков в нас троих пальцем. — А я просто наслаждаюсь жизнью по полной и получаю от каждого момента всё!

У Князева тоже с настроением получше стало: после двухдневного перерыва вновь шлёт мне смешные картиночки в нашей переписке и в целом общается, как прежде. До этого же он как-то замкнулся, став более задумчивым и неразговорчивым, чем обычно. Спрашивать о тех двух днях было неловко — кто я такая, чтобы требовать сообщений на ежедневной основе? Может, личное что-то. Не моё, наверное, дело. Главное, что теперь он снова в порядке.

День пролетает незаметно, таща за собой вечер, должный заступить на освободившийся пост. Темнеет сейчас рано, и солнце почти село. Звоню подруге. Ажинова, как я и предполагала, удивилась. Но я даже не подумала, что она ещё и обидится на меня при этом.

— Я, конечно, рада, что ты передумала, — кричит она мне в ухо через мой телефон, — но какого чёрта? Почему раньше не сказала?

— Хмм... Сюрприз!

— Вот так сюрприз. Нет, подруга, ты, конечно, странная. Где встретимся? — Людмила почти сразу переходит на деловой тон, так как времени для разбирательств у нас уже нет.

— На остановке возле пятой школы?

— Отлично. Через полчаса тогда встречаемся.

Добралась я до остановки точно минута в минуту. Ещё бы: Диана перед выходом шуточно перекрестила меня на удачу, даруя своё благословение. Видимо, уже начало

работать. Надо будет воспользоваться услугами Васильевой во время сессии. А вот Людмила опаздывала. Ветер подул совсем холодный, вынуждая меня усиленно кутаться в утеплённую куртку и подтягивать её выше, чтобы прикрыть замёрзшую шею. Но окончательно продрогнуть я не успела — Ажинова появилась в поле моего зрения. Очень вовремя. Ведь опоздай она еще на несколько минут, я начала бы уже злиться. Подруга, как и я, в тонких капроновых колготках, не особо согревающих сегодня — цена за красивые платья. Только вот я уже десять минут стою, топчусь на месте, а она только-только явилась. Нужный автобус, конечно, уехал. Решили вызвать такси — быстрее будет.

До клуба доехали без приключений. При виде сверкающего огнями входа, почувствовала лёгкое возбуждение. Удастся ли мне хорошо провести время? Людмила на правах старшей хватает меня за руку и тащит к дверям, где уже толпятся студенты нашего социологического факультета. Словно боится, что я сейчас же развернусь и побегу домой.

— Чего все столпились? — спрашиваю, наблюдая как люди входят по одному или парами.

— Фейсконтроль, — смеётся Ажинова. — Сейчас очередь до нас дойдёт и узнаем в чём дело.

Оказалось что при входе всех останавливают организаторы вечеринки и просят сначала показать студенческий билет, чтобы сверить со списком, а затем вслепую вытянуть из предложенной коробки первый попавшийся бейдж на шнурке. Что-то интересное начинается. Людмила первой окунает руку в коробку, имея на лице при этом выражение едва ли не детской радости и наслаждение от всего происходящего. Вскоре в её руках оказывается бейдж, на котором красуется надпись «Золушка».

— Интересно... — она игриво поправляет очки, когда задевает их шнурком при надевании на шею своего статуса на эту ночь.

Я, долго не мешкая, сразу после подруги цепляю в коробке пальцами торчащий из общей массы шнурок и тяну за него. Во мне вдруг тоже просыпается внутренний ребёнок: резким движением прикрываю надпись ладонью, чтобы никто из нас не успел прочесть.

— Да покажи, что там у тебя! — Ажинова в нетерпении трясёт меня за руку, а мне смешно, и я уворачиваюсь.

— Подозреваю, что тоже сказочный персонаж, — дразню и улыбаюсь, наслаждаясь мучениями своей одноклассницы.

Будет знать, как интригу тянуть! Мы успешно минуем тамбур, общий холл с гардеробной, где попутно оставляем верхнюю одежду, а моя ладонь намертво приклеена к секретному тексту на бейдже. Ажинова уже в который раз пытается выдернуть у меня злополучный пластиковый прямоугольник, а я и сама уже не выдерживаю и читаю надпись. «Золотая рыбка».

— Кто-кто? — Людмила наклоняется так низко, будто и нет на ней вовсе очков, благодаря которым она прекрасно видит.

— Рыба золотая, — хмыкаю.

— Тебе не нравится? — на её лице такое переживание за меня, что мне становится ещё смешней.

— Нравится. Лишь бы не Иван-дурак какой-нибудь.

— Тогда надевай, пока из клуба не выкинули! — её лицо разгладилось и теперь снова светится весельем.

Забавно, но я вдруг вспоминаю, как в начальной школе меня также называли рыбкай. Надо будет рассказать Михаилу и Диане об удивительном совпадении. Судьба, видимо, такая у меня — желания исполнять.

— Интересно, а у Антона какой персонаж? — кричу Ажиновой в ухо, так как громкая музыка обрушилась на нас, стоило только войти в главный зал.

— Ты его видишь вообще? — подруга вертит головой во все стороны. — Слишком много людей. Одной ночи мало будет, чтобы найти Хомяка нашего.

Да что Антон. Тут бы хоть одно лицо знакомое вообще увидеть. Людей и правда слишком много: они волнами всё прибывают и прибывают, вваливаясь в зал. Где только бейджов столько нашли на всех?

— Смотри, — обращаюсь к Людмиле, — вон там, похоже, в какие-то весёлые старты играют или вроде того.

Мне не хочется терять возможность повеселиться, не смотря на то, что предпочитаю не заливать в себя сомнительные жидкости. Раз уж пришла, то нужно хотя бы попытаться урвать кусочек веселья и для себя. Тем более что Людмила не долго будет довольствоваться моей компанией — она то как раз хотела смочить горло, как она сама выразилась.

— Только бы туфельку раньше времени не потерять, — смеётся Золушка-Ажинова при виде бегающих людей с ложкой в руке, удерживающей куриное яйцо.

Но всё же соглашается присоединиться к толпе, развлекающих себя различными конкурсными заданиями. К тому же, помимо веселья, денежные и сладкие вознаграждения обещали.

Пока мы играли в различные игры типа «Крокодил», «Твистер» и прочее из стандартного набора развлечений для компаний из нескольких людей, другие студенты тоже не скучали. Весь зал условно поделился на секции: бар с самыми отчаянными, наша зона с играми, столы с настолками, диваны для скучающих и нерешительных, и танцпол, конечно. Уверена, что в какой-то момент появится и секция для драк. Какая же вечеринка без бойни?

Спустя час нам уже надоело пребывать в «игровой зоне», выигрывая лишь какие-то не мотивирующие вещи в виде сторублёвых бумажек или не очень дорогих шоколадок. Людмила созвонилась со старостой, а та уже ждала мою подругу у бара. Меня звать было бесполезно. Диванчики — моя следующая остановочка — на один из них я и плюхаюсь. Хомяков скорее всего тоже где-то в районе бара. Но это и не важно, так как у меня начинала болеть голова от шума, царящего в этих стенах. Слишком много музыки, голосов, криков, звона разбитого стекла... Мне уже ничего не хотелось.

Где тот молодой человек, что хотел познакомиться со мной? Ему бы поспешить, пока я не устала слишком сильно и не начала вызывать такси.

Словно услышав мои мысли и готовность вот-вот покинуть вечеринку, появился он. Высокая фигура заслонила обзор на бар, в сторону которого я поглядывала, хотя и не могла никого конкретного разглядеть.

Ну, здравствуй...

Глава 5. Первая встреча с Котом в сапогах

Лина

— Почему ты одна? — надпись на бейдже гласит, что передо мной «Кот в сапогах».

Каким-то своим внутренним чутьём понимаю, что это именно он. Тот загадочный третьекурсник с кафедры политологии, который хотел со мной познакомиться. Вот и познакомимся, похоже. Но если до его появления я чувствовала себя относительно спокойно, то сейчас охватило волнение, и я только надеюсь на то, что мой голос не будет дрожать. Потому что такие парни, как этот, не из моего мира. Слишком самоуверенный взгляд, слишком уверенный голос, слишком... Всё в нём слишком для меня. С меня будто разом содрали кожу и наблюдают теперь, как я справлюсь без своей защиты. У незнакомца кольцо на левом крыле носа, множественные тату от самого плеча по всей длине рук. Да даже тыльные стороны ладоней покрыты рисунками. На нём простая чёрная футболка с короткими рукавами, чёрные джинсы и кеды. Не броско, но именно на нём это всё смотрится... круто?

— Потому что я одна не при делах, — пожимаю плечами, пытаюсь делать беспечный и расслабленный вид, хотя спокойной под взглядом этой высокой громадины надо мной я себя вовсе не чувствую.

— Ну, почему же одна, — «Кот» садится рядом со мной на диван. — Я вот тоже дел не имею в этот вечер, рыбка.

— Поэтому ты здесь? — отодвигаюсь от парня на метр. Мне просто необходимо личное пространство и возможность свободно дышать.

— Я думал будет весело, но даже рожу не кому набить.

— А бить рожу весело? — эх, Лина, во что ты себя втянула?

— Еще как! Вот ты, я уверен, не умеешь веселиться! — незнакомец кладёт локоть на спинку дивана и подпирает этой же рукой голову, наблюдая за мной, как за интересным зверьком в зоопарке.

— Предлагаешь и мне начать увлекаться избиением людей?

— Нет, что ты. Миленьким маленьким девочкам не пристало заниматься подобным. Веселье в твоём случае это получение букетов цветов и последующие фотки с ними в социальных сетях.

— Это глупо.

— Пожалуй, фото не обязательны, — согласно кивает головой. — Но вот цветы точно не помешают. Я подарю тебе их в следующий раз.

— В какой следующий раз? — поглядываю на экран телефона, чтобы посмотреть настал ли тот приличный час, чтобы уже можно было без угрызений совести свалить отсюда.

— Торопишься? — отвечает вопросом на вопрос.

— Не планирую задерживаться здесь слишком долго, — снова пожимаю плечами. Любимый жест на сегодня.

— Невежливо с твоей стороны, ты делаешь мне больно, — театрально прижимает руку к груди.

— Ты не представился. Насколько это вежливо?

— Виноват, каюсь и прошу прощения, — «Кот» складывает ладони в просительном жесте. — Меня зовут Глеб. Глеб Пожарский. Мне двадцать лет, учусь на третьем курсе на

кафедре политологии и социологии политических процессов. В свободное от работы и учёбы время хожу в тренажёрный зал, слушаю современную музыку, люблю золотых рыбок.

— Меня Лина зовут.

Мой ответ весьма краток в сравнении с ответом Глеба. Он застал меня врасплох своим откровенным флиртом. Кажется, я ответила сейчас слишком агрессивно.

— Знаю, рыбка.

— Что тебе от меня нужно, Глеб?

— Сразу к делу, значит? Ты и вправду торопишься, — Пожарский смеётся, обнажая ровные белые зубы.

— Просто не понимаю, что происходит.

— Видишь ли в чём дело... — Глеб снова сокращает между нами дистанцию, двигаясь ближе, — Ты мне нравишься. Что плохого в том, что я хочу познакомиться с тобой поближе? Извини, что вот так, в клубном шуме. К сожалению был занят все эти дни работой, а до понедельника ждать не хотел. Поэтому решил, что сегодня тот самый день — день нашего знакомства. К тому же хотел дать тебе возможность подумать и решить хочешь ли встречи со мной.

Говоря мне всё это, Пожарский стёр со своего лица нагловатую улыбку, сделавшись более приятным и располагающим. Может он и самоуверен, но ему хватило сообразительности не говорить со мной на протяжении всей беседы шаблонами из учебника по пикап мастерству для чайников. Я даже в какой-то мере смогла расслабиться в процессе нашего общения, ставшего более непринуждённым и ни к чему не обязывающим. К тому же Глеб позволил сменить курс на более нейтральные и безопасные темы, когда я начала расспрашивать его каково быть третьекурсником и чем вообще жизнь первака отличается от его жизни. Так, знакомство начавшееся с напряжённых ноток переросло во что-то более дружелюбное. Я даже забыла в какой-то момент о том, что устала. Радует ли меня сейчас, что я не сижу дома, а нахожусь здесь? Уж точно не расстроена. Ведь рядом сидит красивый молодой мужчина, оказывает мне явные знаки внимания, и мне даже весело. А главное: я почти не думаю о Михаиле...

Думала, что закончу сегодняшнее приключение «секцией с диванчиками», но новое знакомство внесло свои коррективы. Глеб предложил разнообразить наш ночной досуг «хотя бы настолкой», как сказал сам Пожарский. Потому что я чётко дала понять, что хотела бы вернуться домой с совершенно ясной головой и, желательно, на крепко стоящих ногах. Наш выбор пал на «Дженга», так как это одна из немногих присутствующих здесь игр, которая подходила для компании из двоих человек. Мы быстренько построили необходимую башню и принялись по очереди извлекать блоки, чтобы затем класть их на верхушку, каждый надеясь, что всё более неустойчивое и высокое строение устоит. Удивительно, что всё это не рухнет без нашего участия от громкой музыки и усиливающихся громких голосов нетрезвых умов присутствующих в зале студентов.

— Давно я не проводил время вот так, — Глеб насмешливо обводит взглядом наш скромный стол с деревянными брусками в виде башни, тарелками с салатами, нарезкой из овощей и фруктов, и двумя стаканами виноградного сока, добытые Пожарским в баре до начала нашей с ним игры.

— Это, конечно не рожу бить, но, по-моему, тоже вполне весело.

— Да, мне не грустно. Но пить виноградный сок и играть в «Дженгу» я согласен только

при условии, что ты рядом со мной.

— О нет, не начинай быть слишком слащавым! — морщусь нос и смеюсь.

К этому часу его пикаперские высказывания уже не вызывают во мне того раздражения, что было в начале нашего знакомства. Привыкла к его компании или просто сытно и вкусно поела?

— Разве не все бабы пишат от романтики? — он осторожно толкает пальцем блок, а пальцами другой руки тянет его наружу. Башня колеблется, но держится на месте. Извлечённый брусок благополучно оказывается на вершине. Мой ход.

— Бабы? — повторяю за Глебом недавние манипуляции пальцами.

— Девушки, — поправляется невозмутимым тоном с последующей усмешкой. — Прекрасные и милые создания.

На этих его словах башня под моей рукой с приглушённым из-за общего шума грохотом обваливается деревянными искрами-блоками на стол.

— Ох, нет. Я была уверена, что выиграю!

— Но ты проиграла. Теперь ты должна мне три желания.

— Что? Почему? Мы так не договаривались. Мы вообще никаких ставок не делали!

— А потому, милая Лина, что ты золотая рыбка! — Глеб выглядит весьма довольным собой.

Такой, как он, проигрыш, наверное, не потерпит. Уж больно сильно радуется своей победе. Как мальчишка потирает ладони и едва ли не топает под столом ножками. Взрослыми мужскими ножками в кедах. Но я злюсь.

— Нет, Глеб. Никаких желаний я выполнять не буду. С чего вообще?

Сидящий напротив меня парень в миг отбросил озорство в сторону. Брови нахмурились, последовал тяжёлый страдальческий вздох, сопровождаемый немым укором в карих глазах. Он даже из стакана отпил так, словно его содержимое было вовсе не таким безобидным и было приспособлено для борьбы с тяжёлым невыносимым в своих гранях горем.

— Ты почти весь вечер относишься ко мне так, словно я только и думаю как бы обидеть тебя. Я же просто хочу поладить с симпатичной мне девушкой, сблизиться, произвести приятное впечатление и продолжить наше общение и после вечеринки. Мне жаль, что ты так агрессивна на меня порой реагируешь. Я не хотел как-то обидеть тебя — извини, если сделал или сказал что-то не так. А первым моим желанием было бы наше с тобой свидание. Ничего более.

Глеб говорит, а мне так неловко и стыдно. Неужели я правда слишком груба с ним? Парень просто пытается подружиться со мной и в целом довольно мил. Какая же я, оказывается, колючка. Даже не ожидала от себя.

— В общем, — продолжает Пожарский, вставая из-за стола, — Мне стоит уйти и не тревожить тебя больше. Жаль, что свидания не будет. Я был слишком уверен в себе. В нас. Ещё раз: извини меня.

Сразу после этих слов «Кот в сапогах» срывается с места и стремительным шагом уносится к выходу из зала, протискиваясь сквозь веселящуюся толпу. Совсем недавно я и сама хотела скорей удрать, но почему сейчас так тошно? Чувствую себя так, словно натворила что-то нехорошее, сделала некрасивую пакость.

Глава 6. Трусишка

Лина

10 лет тому назад...

— Бросай на Лину невод! — слышится паникующий шёпот культурного организатора из-за шторы, отделяющей сцену и закулисье.

Я, восьмилетняя уставшая начинающая актриса, сверлю взглядом такого же восьмилетнего Мишу Князева, который забыл сценарий. Пухлый рыжеволосый одноклассник тербит в руках импровизированные сети и замахивается, готовясь бросить их на меня. Сжимаюсь, зажмурил глаза. Невод благополучно опадает мне на голову, растрепав все мои косы с блестящими пайетками в них, имитировавшие рыбью чешую.

— Отпусти ты, Миша, меня в море, — начинаю говорить свою реплику, но за шторкой отчаянный шёпот:

— Старче!

— Старче-Миша, — исправляюсь, — дорогой за себя дам откуп: откуплюсь чем только пожелаешь.

Зрительный зал взрывается хохотом.

— Отпускаю тебя, золотая рыбка, — Миша краснеет в щеках, но изо всех сил пытается вспомнить текст. — Твоего мне откупа не надо.

На этих словах мальчик подходит ко мне, и я снова зажимаю глаза — время снимать с моей головы верёвки, от которых хочется чесаться. Миша делает это неуклюже, я помогаю ему — теперь мы оба боремся с неводом под хихиканья наших и чужих родителей в зале. Наконец, я свободна. От моей взлохмаченной причёски встают антеннами наэлектризовавшиеся белокурые волосинки.

— Плавай в синем море, — продолжает Миша, — на свободе!

Размахиваю руками-плавниками (длинные перчатки с пришитым золотистым тюлем — важная часть моего костюма) и покидаю сцену.

Культурный организатор, Марина Генриховна, то краснеет, то бледнеет, глядя на выход на сцену старухи, Леночки Барановой. Наша «старуха» выглядит так, словно только что посетила бои без правил: волосы в стороны, костюм порван и висит лохмотьями. Если перевести взгляд на не менее растрёпанную Диану Васильеву, то становится ясно, что так оно и было. Они всегда дерутся.

Мои волосы немногим лучше, чем у этих двоих — на сегодняшней генеральной репетиции невод на меня кидали столько раз, что голова уже болит. Весь месяц с верёвками на голове, а раньше казалось, что это лучшая роль в сценке.

— Марина Генриховна, — зову учительницу.

— Не сейчас, Лина, — а у самой нос на сцене.

— Пусть рыбкой в следующий раз будет Миша — он же рыжий! Золотой!

— Хорошо- хорошо, Лина, — она по-прежнему не смотрит на меня.

— А кем тогда будешь ты? — вклинилась Диана.

— Просто Линой, которую никто больше не мучает со своими дурацкими

желаниями. Голова от них болит, — осторожно, чтобы не повредить причёску, чешу голову подушечками пальцев.

Васильева смеётся.

— Рыбка! Рыбка! — слышу зов Миши.

«Старуха», Леночка Баранова забегает в закулисье, а мои руки-плавники снова в деле и несут меня на сцену.

— Чего тебе, Миша, надобно? — вопрошаю.

— «Старче!» — шипит Марина Генриховна из-за шторы.

— Старче-Миша, чего тебе надобно?

Субботнее утро не радовало. Экран телефона издевательски сообщает мне, что уже полдень. Давно я ещё так долго не проводила время в постели — даже в выходные. Всё потому что вернулась я уже во втором часу ночи. К счастью, Диана уже спала, и на меня не посыпались любопытные вопросы о прошедшей вечеринке, которую я покинула сразу после ухода Глеба. Чёртов «Кот в сапогах» встряхнул мои мысли так, что я ещё долго беспокойно вертелась в кровати в бессильной попытке найти ту удобную позу, что позволила бы мне погрузиться в глубокий сон.

Со стороны кухни я слышу некий погром. Возможно, Васильева снова предпринимает попытку испечь морковный пирог. Он совсем ей покоя не даёт, ведь это любимое блюдо, что готовит её мама. Есть такой пунктик для сильной и независимой женщины в понимании Дианы: научиться самой готовить так, чтобы это было похоже на материнскую стряпню. Так что в нашей квартире главный повар это Васильева, а я помощник, мешающийся у неё под ногами и лезущий под руку. В общем, чтобы сбереечь руки и ноги подруги, я просто не суюсь больше в царство кастрюль и прочей кухонной утвари.

— Пахнет неплохо, — хвалю старания повара при входе в кухню. Она как раз накладывает себе в тарелку только что приготовленный омлет, от которого ещё пар валит столбом.

— Решила ограничиться тем, что у меня точно получится, — Васильева садится за стол с вилкой наготове. — Я не слышала когда ты пришла. Всё нормально? Выглядишь не очень.

— Вполне, — беру себе тарелку и накладываю свою порцию обеда, жадно вдыхая запах еды.

— Сегодня суббота. Справишься?

По субботам я делаю генеральную уборку по квартире. Кому кастрюля, а кому швабра — без дела никто не останется.

— Виноградный сок не смог лишить меня сил, — усаживаюсь за стол напротив Васильевой. В окно позади неё ярко светит солнце, из-за чего её пушистые волосы словно светятся, придавая всему облику ангельский вид.

— Что же тогда так повлияло на твои синяки под глазами и помятый вид?

В голосе Дианы слышится скепсис. Она просто не любит, когда люди ведут себя, как она говорит «не правильно».

— Мысль о том, что, кажется, я трусишка. Заяц, а не рыбка.

— Ой, ты бы ещё вспомнила как тебя в младенчестве бабушки, тёти и мамыны подруги называли, сюсюкая с тобой! Почему трусишка? Это как-то связано с тем парнем?

— О, да.

Я коротко рассказываю ей события прошедшей ночи, надеясь услышать что-нибудь, что поможет мне пережить неловкость за себя и свои действия. Да и просто чтобы выговориться.

— Может, — говорит Диана, — ты и правда его обидела. Похоже, что действительно понравилась. А он тебе?

— Он красив.

— Эх, ты... — сочувствующий вздох. — Похоже, ты жалеешь. Почему струсил?

— Не знаю... Это было неожиданно. Всё это.

— Трусишка и есть.

— Я и говорю.

— Но с «Золотой рыбкой» забавно вышло, — добавляет с усмешкой Диана. — Помнишь, как я с Барановой дралась? Меня родители потом жёстко отругали, когда узнали про драки в тот вечер.

— Да уж. Тот школьный вечер мы никогда не забудем. Весь зал смеялся до слёз.

— У меня даже фото есть, хотя я и не выступала.

— У меня тоже есть.

— Только парня теперь нет, — беззлобно подмигивает. — Плохой с него кот. Либо с тебя рыбка. Ладно уж, не переживай. Будет и на твоей улице мужчина.

Не скажу, что разговор с Дианой сильно меня утешил, но натолкнул на мысль поискать в своём ноутбуке среди детских фото то самое, где я и Михаил неудачно начинаем свою актёрскую карьеру на школьной сцене. Разыгрываемая нами сценка оказалась настолько нелепой и одновременно милой, что нам ещё долго припоминали тот вечер. Прозвище «рыбка» закрепилось за мной потом надолго. И дома у родителей я была золотой рыбкой, и в школу приходила, а меня вновь приветствовали не иначе, как «рыбка». Прямо таки второе имя, а не прозвище.

Мои поиски не прошли даром. Фото всё ещё в целостности и сохранности нашлось в папке с детскими фотографиями. Захожу в браузер, запускаю «Вконтакте». Михаил как раз онлайн.

— Помнишь? — отправляю ему наше фото.

— Ха! Конечно. Такое сложно забыть.

Согласна.

Уже собираюсь отправить ноутбук в спящий режим и пойти заниматься уборкой, но Князев успевает следом отправить мне очередную смешную картиночку. Мем, иначе говоря. Открываю, чтобы лучше разглядеть и вижу фотографию рыбы, плавающей себе где-то в море. На ней вдруг неожиданно медицинская маска, а текст поясняет: «Так вот почему не клюёт...».

Знал бы Михаил, как попал в контекст текущих событий в моей жизни. Расскажу в понедельник при встрече в вузе. Думаю, он тоже оценит юмор.

Михаил

Субботнее утро не радовало. Тимофей, как и ожидалось, привёз с собой учебник по русскому языку в комплекте с рабочей тетрадью. Он по школьной привычке встал рано и сразу после опустошения холодильника ринулся к моей постели. Не обращая внимания на моё полусонное состояние, ткнул пальцем в книгу, чтобы показать, что ему задала училка на понедельник. Но даже своей утренней субботней головой я понял, что делать домашку малого придётся снова мне. Потому что знаю, что он будет максимально долго не воспринимать мои объяснения и в конечном итоге я в очередной раз пойму, что проще просто сделать самому без попытки научить. Я думаю, Тимофей делает это специально. И его намерение разбудить меня — просто психологическое насилие и изощрённая пытка, чтобы ещё сильнее подавить мою волю к сопротивлению. Засранец.

— Дай мне час ещё поспать, мелочь, — отталкиваю руку с протянутым учебником прочь и с головой ныряю под одеяло.

— Но потом ты будешь выспавшимся и не захочешь поддаваться моему обаянию!

— А сейчас тем более не хочу! Свали.

Слышу возмущённое сопение и удаляющиеся с намеренным топотом шаги. Ха! И не с таким справлялись.

Спустя пять минут веки снова тяжелеют, погружая меня всё глубже в спасительное никуда. Уже завис в том состоянии между сном и реальностью, когда начинаются различные абсурдные видения, но при этом продолжаешь слышать происходящее вокруг. И я слышу. Вот болван — я забыл отключить на ночь звуковые оповещения в телефоне. И кому там тоже не спится в восемь утра? Мой тяжёлый вздох раздаётся в тишине комнаты. Как выяснилось, не спит Ажинова. Отрубиться всё равно уже не получится, так что я просто открываю её сообщение:

— Спасибо за краткий, но очень полезный совет, Мих.

И тебе спасибо. За то, что теперь я точно не смогу доспать нужный мне час. Но печатаю другое:

— Помог?

— Да. Андрей сам подошёл ко мне сейчас и извинился.

— Вот и молодец.

Всё дело в том, что вчера во время большой перемены Людмила вдруг задала мне интересный вопрос. Мы как раз сидели в буфете одни, пока Лина и Антон с некоторыми другими нашими одноклассниками задержались у препода, демонстрируя ему свои практические работы, которые мы выполняли на паре. Я и Людмила были в числе первых, кто уже «отстрелялся» и ушёл на перемену. И вот она спрашивает:

— Мих, Хочу посоветоваться с тобой, как с парнем, — она кладёт ложку, прекращая есть картофельное пюре с котлетой из говядины. Она почти каждый день покупает именно его. Я бы уже с ума сошёл.

— Хм, слушаю, — немного удивился её вкрадчивому тону и неожиданному вопросу.

— Андрей закатил мне истерику, как девчонка. Из-за того, что сегодня собираюсь на вечеринку. Говорит, что раз я отказываюсь от его просьбы остаться с ним дома и посмотреть новую серию сериала, то значит не ценю его. Но это не правда! — с каждым словом голос

Ажиновой всё громче и эмоциональней. — Неужели я теперь должна быть на привязи у него? Я что, сама не могу решать куда мне идти? А сам-то он тоже не святой!

— Я твоего Андрея не знаю, но думаю, что он просто переживает за тебя и твою безопасность.

Получается, я высказал просто то, что чувствовал сам при мысли о Лине на этой вечеринке.

— А о моих чувствах он не подумал? — Ажинова смотрит на меня так злобно, словно перед ней сижу не я, а сам Андрей.

— Так скажи ему о них, — говорю с набитым макаронами ртом, но выходит невнятно.

— Прожуй, — Людмила ждёт пока я справлюсь с текущей задачей.

— Короче, — говорю спустя несколько секунд, — так и скажи ему, что чувствуешь себя собакой на привязи, а хочется быть свободным человеком с правом на своё личное пространство. Спроси ценит ли он тебя настолько, чтобы сесть и попытаться договориться, найти компромисс.

— Звучит всё круто и правильно, но не знаю... Мне кажется, он просто накричит на меня и хлопнет дверью, истеричка.

— Дело ваше, — вмешиваться я и в самом деле не собираюсь. — Думай сама. Решайте сами.

— А если бы твоя девушка пошла на вечеринку? — Людмила аж подалась вперёд в ожидании моего ответа.

— Пошёл бы с ней.

— Но, Мих, вечеринка с ограниченным кругом лиц для участия в ней. Вот, например, как в нашем случае: только студенты социологического факультета. А Андрей вообще не из нашего вуза!

Ну, Лина-то с социологического... Но не моя девушка. Она мой друг. Вот. Дерьмо. Но это не помешало бы мне сопровождать её чисто по-дружески, если бы она хотела пойти. Однако, вопрос о её взглядах на эту вечеринку я уже выяснил ранее.

— Люда, говорю же: с ним говори, а не со мной, — отправляю в рот очередную ложку макарон, случайно стукнув ею по зубу. Ауч.

— Ладно, Князев. Всё равно спасибо.

— Коуч по отношениям, не имеющий своих собственных отношений, всегда к вашим услугам.

— Тебе никто не нравится? Не поверю, что никто из особей женского пола не пытался рядом с тобой кокетливо похлопать ресничками.

— Уф... — усердно делаю вид, что очень увлечён макаронами. А скоро я их совсем доем и чем я тогда буду прикрываться от каверзных вопросов?

— Может тебя познакомить... — на этом моменте я её резко прерываю:

— Нравится.

— Кто? — Ажинова хищно поправила свои очки на носу, предвкушая узнать имя моей дамы сердца.

— Секрет.

— Я её знаю? — не унимается подруга.

Пожимаю плечами, как бы говоря, что не уверен знакомы ли они между собой. Макароны у меня в тарелке закончились, и я поспешил встать из-за стола, оправдываясь

желанием посетить туалет.

— Доедай пюре, — бросил я ей тогда напоследок и был таков.

Что же, я рад, что смог помочь. Хотя и не сделал, казалось бы, ничего такого. А почему в квартире так тихо? Обычно Тимофей не стесняется спящего меня и смотрит бесконечное число видео у себя в телефоне без использования наушников. Специально как можно тише выбираюсь из-под одеяла и осторожно опускаю ноги на пол. Как есть, в одних трусах, крадучись ступаю в коридор и прислушиваюсь. Тишина. Оглядываюсь по сторонам и понимаю, что в кухне, кажется, его нет, а вот дверца гардеробной приоткрыта. Раздалось поспешное и резкое шуршание куртки, когда я дёрнул дверь на себя и увидел Тимофея внутри.

— Привет, милый! — это он пародирует нашу мать, которая так же приветствует меня.

Глаза широко распахнуты, и я даже почти уверен, что вижу в них испуг. Ничего себе я его как напугал, однако.

— Что ты здесь делаешь, мелочь?

— Ты входи, не стесняйся. Открыто. — Тимофей сопровождает свои слова приглашающим жестом внутрь гардеробной. Что за нелепость.

— К твоему сведению мой шкаф не ведёт в Нарнию, — скрещиваю руки на груди, грозно сдвинув брови к переносице. Обычно это работает.

— Я просто искал жвачку у себя в куртке. Я, похоже, её забыл дома. — Малой разочарованно надул губы и выбрался из гардеробной, прикрыв за собой дверцу.

Его плечи опущены, выражая всю степень горя и разочарования. Он понуро плетётся в туалет и закрывается там. Какая драма!

— Надеюсь ты не долго собираешься там торчать, — говорю захлопнувшейся двери.

— Пять сек, братишка! — Этим ответом я вполне доволен и спокойно иду одеваться.

Ох, знал бы он, какой это пустяк — забыть жвачку. Знал бы, насколько неважными и глупыми покажутся ему прежние детские проблемы, когда подрастёт. Да даже года достаточно, чтобы оглянуться назад и сказать себе: «какой же глупый я был двенадцать месяцев назад и как глупы были мои проблемы». И так, блин, каждый год. Что спустя год я скажу себе о своём теперешнем «секрете»? Буду считать, что это пустяк? Охладею? Или всё гораздо сложнее?

Весь день в итоге промаялся, задаваясь этим вопросом. За что бы ни взялся, все мысли о ней, а перед глазами, как кадры из фильма, её рука, прячущаяся под аудиторный стол. Подальше от меня. Подальше от моих прикосновений. Подальше от моего излишнего внимания. Не дружеского. Не правильного. Хватит! Я достал сам себя. Дошло до того, что сам лично припёр Тимофея к стенке с требованием дать чёртов учебник по русскому языку и рабочую тетрадь. Малой, конечно, удивился моему необычайному рвению, но послушно выполнил «просьбу». Правильно, сейчас меня лучше не злить. Мне достаточно уже того, что посреди дня кто-то вселился в меня и заставил отправить Лине рыбу в медицинской маске. Что за дерьмо я творю. Не я. Это не Михаил Князев. Говорю же — вселился кто-то. Не клюёт. Ха! И смешно и грустно.

Глава 8. Случайный обман

Лина

Начало октября заявило о себе весьма дерзко. Погода, словно подстроившись под смену месяца в календаре, не пощадила мои руки. Сижу уже десять минут, грею замёрзшие пальцы, то пряча их между коленями, то быстро потирая ладони друг о друга, словно пытаюсь разжечь костёр. Впрочем, он бы мне сейчас не помешал. Если ещё в пятницу я, пусть и с трудом, но могла ходить в ветровке с совсем тонким слоем утеплителя, то сегодня уже пришла на учёбу в более тёплой куртке. Ажинова задерживается, так что сижу в итоге пока одна, ожидая кого-нибудь, с кем можно поболтать до начала первой пары. И желательно чтобы этот «кто-нибудь» был из нашей четвёрки.

Постепенно аудитория наполняется одногруппниками, мы здороваемся, обмениваемся ничего не значащими репликами по поводу холодного ветра на улице и предстоящей лекции у не любимой всеми Екатерины Николаевны. У женщины, знаменитой своим вечно плохим настроением и небрежным пучком на голове. К всеобщему сожалению, эта преподавательница будет принимать у нас не зачёт, а целый экзамен, оценка которого повлияет на возможность получать стипендию. Но меня больше напрягает Аркадий Евгеньевич с его «экономической социологией», которая, кажется, не очень хорошо мне даётся. Радует только то, что до сессии ещё достаточно времени, так что в целом никто из нас ещё не паникует. Особенно сегодня, когда у многих вагон впечатлений после прошедшей вечеринки. Все взбудоражены, обсуждают прошлую пятницу. Никита Николаев, любитель сидеть в самом дальнем месте любых аудиторий, как раз принимается перечислять кого видел «из наших»:

— Тебя, Беляева, тоже видел! Ты там с каким-то татуированным парнем была!

— Поздравляем, Лина! — тут же кричат хором присутствующие девочки. — Теперь ты тоже нормальный член общества!

— Угу, — неловко улыбаюсь им, не зная что и ответить. Ведь самое неудобное во всём этом то, что это не попытка задеть меня или вроде того, а шутливая поддержка и одобрение. А если по добру, то уже и не находишь слов дать отпор. Тем более после того, как обидела того самого «татуированного парня».

Вскоре я с радостью наблюдаю, входящего в аудиторию Антона. Проходит целая вечность прежде чем он заканчивает обмениваться со всеми парнями рукопожатиями и, наконец, плюхается рядом со мной, громко взваливая свой неизменно огромный рюкзак на аудиторный стол.

— О, а Ажинова где? — это первое, что он говорит мне.

— И тебе, Антон, привет! Она не писала, что не придёт. Значит будет.

— Привет, привет! — Исправляется Хомяков. — Всё ясно. Будем делать ставки на то, кто из них первый придёт?

— Ну, нет. Я с тобой в такие игры больше не играю.

Антон уже каждого из нас троих успел развести на спор по разным подворачивающимся поводам и все трое каждый раз ему проигрывали. То реферат ему пишем, то обед покупаем... Ему бы по казино ходить с такими талантами, а он на нас отрывается. Хорошо хомяк наш устроился, в общем.

— А вот и Люда, — Антон с нашего места в середине аудитории приветственно машет

ей рукой.

— И Мих, — добавляю при виде Князева, вошедшего следом за Ажиновой.

Я тоже поднимаю руку, Людмила машет нам в ответ. Михаил же повторяет за Антоном важный мужской ритуал по рукопожатиям всех присутствующих парней. Пока он этим занят, подруга уже оказывается рядом, прижимается ко мне всем телом, и я при виде озорных огоньков в стёклах её очков понимаю, что сейчас на меня посыпятся вопросы. Ведь мы все выходные даже не списывались в Интернете.

— Ребята, — начинает она игриво, — а ну рассказывайте, как пятница прошла!

— Боюсь, что я почти ничего не помню, — смеётся Антон с такой гордостью, словно это большой подвиг.

— Лина! — Она быстро переключается на меня, и я заранее понимаю, что она спросит. — Как твоё знакомство с Глебом? Рассказывай быстрее! Умираю от любопытства!

Ловлю себя на том, что быстро нахожу глазами Князева, чтобы убедиться, что он занят разговором с другими парнями на достаточном от нас расстоянии. Мне отчего-то не хочется, чтобы он слышал о Глебе.

— Лина?! — Удивляется Антон. — Ты была на вечеринке? Да ещё и с каким-то Глебом?

— Да, да, — начинаю переживать из-за начатой темы. — Он... действительно такой, как ты описывала, Люд.

— Тааак... — тянет Ажинова, подталкивая меня на продолжение. Антон тоже уставился на меня во все глаза. А я в панике наблюдаю за приближением Михаила. Он всё ближе и ближе. Время почти остановилось, и я смотрю на него словно в замедленной съёмке. Модная укладка на бронзовых волосах, чёрные брюки, чёрный свитшот с минималистичной надписью на английском языке, неизменные чёрно-белые кеды. Шаг, другой, и вот он — прямо перед нами. Хомяков встаёт, чтобы пропустить моего друга из детства на его законное место возле меня, а затем снова садится. И таращится Антон на меня. О, нет.

— Антон, — быстро придумываю на что переключить его внимание, — что у тебя на бейдже было?

А сама резко поворачиваюсь к Ажиновой, говоря ей одними губами: «потом расскажу». Она не довольна, что её любопытство не будет удовлетворено сейчас же, но согласно кивает. А Антону всё равно и он с лёгкостью забывает о Глебе:

— А вот это я, увы, хорошо помню! — он со стоном хлопает ладонью по столу, и я понимаю, что персонаж у него явно был что надо.

— Что за бейдж? — Пытается понять Михаил наш разговор.

— Одна из крутых фишек вечеринки, — Людмила начинает рассказывать ему о сказочных персонажах, которыми на одну ночь оказывались все посетители клуба. Князев посмеивается, слушая её, явно оценив юмор организаторов. Ему понравилась сама эта идея и теперь он тоже хочет знать кем же был наш Хомяк и почему у него сейчас такая реакция от воспоминаний о своём бейдже.

— Вы уверены, что хотите знать? — тянет резину Антон.

— Глядя сейчас на тебя, теперь точно хотим! — говорю я, и все остальные согласно кивают.

Хомяков начинает смеяться, теребя свои и без того не слишком аккуратно уложенные

волосы и говорит:

— Белоснежка! Белоснежка, блин!

— Вот не зря я тебя подозревал, — хохочет громче нас всех Михаил. Но это какая-то их локальная шутка, так что я не особо понимаю почему Хомяков и Князев с громким смехом обмениваются толчками в плечо. Но нам всё равно всем весело. Людмила даже вынуждена утирать выступившие от смеха слёзы.

— Хомяк, — она еле говорит из-за того, что всё ещё борется со смехом, — ты сделал мой день!

— А у вас, девчонки, что на бейдже было? — отсмеялся, наконец, Антон. Я вижу недоумение и непонимание в глазах Михаила и то, как дёрнулась вверх одна его бровь.

— У меня Золушка, — отвечает Людмила.

— У меня Золотая рыбка, — тоже даю свой ответ, тайно надеясь, что мы всё же не вернёмся к разговору о Глебе.

— Ты же говорила, что не идёшь. Зачем обманула? — Михаил говорит это таким тоном, что мне становится стыдно перед ним. Ведь я и в самом деле так сказала ему. Но затем передумала и всё таки оказалась на вечеринке. Но подождите, я же имею право передумать? И вовсе не обязана отчитываться перед ним или, допустим, Антоном, или перед кем либо ещё. Разве нет? Не преступление же я совершила в самом деле.

— Передумала, — отвечаю ему. — С кем не бывает?

Князев выглядит уже не таким весёлым, как всего минуту назад. И что? Что ты мне скажешь? Чувствую необъяснимую злость на друга. Сидит здесь весь такой красивый и правильный, мне что-то предъявляет, а я почему-то должна испытывать стыд за вечеринку, Глеба и, может быть, за что-нибудь ещё. За случайный обман, например? За просто стечение обстоятельств. Не понимаю себя и тот ураган мыслей и противоречивых чувств, пронёсшийся в моей голове всего за несколько секунд. Ответить Михаил мне ничего не успевает или не хочет. Звенит звонок, оповещающий о начале пары, и Екатерина Николаевна уже деловито осматривает нас всех, как предстоящее поле боя.

За всю пару мы не перекинулись ни словом, не взглядом. Рука начала болеть от стараний успевать записывать слова преподавательницы, потому что смотреть в тетрадь Михаила мне совсем не хочется. А если какое слово и упускаю, упрямо делаю вид, что ничего подобного со мной не произошло и в подглядывании в соседний конспект не нуждаюсь.

Я точно знаю, что Людмила заметила повисшее напряжение между мной и Князевым. Она никак не вмешивается, когда пара заканчивается, мы все высыпаем в коридор, но Михаил, придерживая меня за локоть, и говорит ребятам, чтобы шли без нас.

— Мы вас догоним, — говорит он им, и Антон с Людмилой уходят, оставляя меня один на один с Князевым.

— Нам нужно поговорить, — он заговорил со мной спустя минуту наших молчаливых гляделок.

— Хорошо, как скажешь, — развожу руки в стороны, а затем ладонями хлопаю по своим ногам, облачённых сегодня в голубые джинсы. Я направляюсь к ближайшему окну, чтобы не стоять посреди коридора странными статуями, и Михаил следует за мной, становясь рядом. Мы бросаем свои сумки на подоконник, а затем, как дуэлянты, встаём друг напротив друга.

— Так почему ты не сказала? — голос его спокоен, в глазах простое желание узнать ответ. Видимо, за прошедшие полтора часа успокоился. Я тоже.

— Мне нужно было на лбу у себя маркером написать о своём графике на ближайшие дни? — вздыхаю с усталостью, хотя мы ещё даже толком не начали выяснять наши дружеские отношения. — В чём дело, Мих? Ну, пошла и пошла на эту дурацкую вечеринку. Не видела повода и надобности оповещать всех о своём намерении.

— Знаешь, что самое обидное? — он вздыхает с не меньшей усталостью, чем я. — Я ведь тебе говорил, что пошёл бы вместе со всеми вами, если ты тоже идёшь. Ты лишила меня моего же выбора.

— Так и что теперь, Мих? — чувствую, как стучит моё сердце от нарастающей паники. — Мне в ноги перед тобой падать? Из-за такой мелочи поругаемся? Ты сейчас серьёзно?

Мне совсем не хочется продолжать это всё. Хочу, чтобы как раньше: смешные картинки в «Вконтакте», шутки, подколы, дружеские поддерживающие объятия в минуты печали, всякая болтовня. Мы ведь даже не ссорились ещё ни разу. У меня стресс от одной только мысли, что сейчас случится что-то непоправимое. Даже от ухода Глеба в пятничную ночь мне не было так по-настоящему нехорошо. Это же Михаил. Мой друг. Один из самых умных и уравновешенных людей, что я знаю. Как он может говорить мне такие вещи и таким мрачным тоном? Что это с ним?

— Нет-нет, Лин., — он быстро в растерянности отрицательно машет головой. — Извини, это просто я расстроился и валю теперь с большой головы на здоровую. — Князев, оказалось, тоже не настроен на ссору. Он подходит ближе, протягивает руки в мою сторону и тихонько обнимает, огладив ладонями мою спину. — Прости, я не прав сейчас. Ты не обязана была меня оповещать и уж тем более падать мне сейчас в ноги.

Я слышу его голос совсем рядом; он глухо тонет в моих волосах, и я не могу отказать себе в желании обнять друга в ответ. Потому что это всегда так приятно.

— Прощаю.

А в голове каруселью: «Я ведь тебе говорил, что пошёл бы вместе со всеми вами, если ты тоже идёшь». «Если ты тоже идёшь»...

Глава 9. Обида

Михаил

— Не смешно, — говорю я вслух сам себе. А жаль, что не смешно. — Да ты серьёзно?

В бессильном раздражении вынимаю руку из кармана своей куртки, висящей в гардеробной. Я точно помню, что с пятницы оставил в ней тысячу рублей, и собирался сейчас, перед выходом на улицу, вынуть бумажку и оставить её дома, чтобы не потерять в течение дня. Вся эта беда из-за того, что самый ближайший от квартиры магазинчик принимает платежи только наличными, а до более дальнего и современного бывает лень идти. Вот к чему приводит эта самая лень: косарь я уже благополучно успел где-то посеять. Но когда? Все выходные щеголял в другой куртке из-за резкого октябрьского похолодания. В джинсах тоже нет, в сумке пусто. Даже лекционные тетради полистал, с которыми ходил в пятницу — ничего. Да и в целом из дома в эти выходные я выходил только трижды: встретить Тимофея с междугороднего автобуса, купить продукты, чтобы прокормить не только себя, но и малого, а также, соответственно, проводить его и посадить на обратный автобус. Всё! И всё это время я был в другой куртке, а продукты покупал как раз таки в более дальнем магазине, где расплачивался картой. Магия какая-то. А говорил, что Нарнии в моей гардеробной не существует. Но тут же вслед за этой, стремительно и иронично проскользнувшей в моём сознании мыслью, я вспоминаю испуг в глазах малого и странное поведение, когда обнаружил его здесь, среди верхней одежды. Неужели?..

Если это действительно дело рук брата, то я разочарован. Он никогда так не делал. К тому же родители не обделяют его деньгами на карманные расходы, которых всегда хватает на общественный транспорт и какие-нибудь вкусняшки. Вот дождусь я выходных — будем разбираться. А пока... А пока я должен постараться не опоздать на первую пару к Екатерине Николаевне. Только не к ней.

Я удивился, встретив Ажинову в коридоре корпуса, где у нас должна быть пара, ведь обычно она и Лина приходят одни из первых. Людмила торопливо поправляет волосы, расчесывая их пальцами, придерживая другой рукой сползающую с плеча сумку, когда я подхожу к ней. Мы обмениваемся дежурным «привет» и направляемся к нужной аудитории, где уже сидят на своих местах Хомяков и Беляева. Антон, как всегда, в рубашке. Лина, как всегда, красива. Мне нужно немного времени прежде чем я буду готов подойти к ней ближе, так что с радостью хватаюсь за протянутую руку одного из парней, а затем обмениваюсь рукопожатиями и короткими приветствиями с другими. Всё, что угодно, лишь бы чем-то себя занять и выиграть время. И вот, спустя несколько минут пустой болтовни с одногруппниками, я почувствовал себя готовым встретиться с причиной своих волнений лицом к лицу. Эти трое сидят и что-то обсуждают, но вижу я только её. Светлые и слегка вьющиеся волосы аккуратно собраны в хвост, а бежевый лёгкий свитер не только отлично, на мой взгляд, сочетается с цветом волос, но и подчёркивает такую хрупкую и трогательную красоту Лины.

Но я совсем не был готов узнать, что Беляева, вопреки своим словам, всё-таки посетила вечеринку. «У меня Золотая рыбка» — говорит так спокойно, что это меня полностью обезоруживает. Пока я мирно спал дома, слушая сопение малого, Лина в это время находилась в клубе, наполненным студентами, бутылками и, самое главное, человеческим энтузиазмом. И да, всё уже позади, а девушка сидит передо мной целая и невредимая. Но

одна только мысль о ней там... Или о том, что она умолчала, не сказала мне... В итоге мы обменялись не самыми доброжелательными взглядами и репликами, вызывающими напряжение, повисшее между нами в воздухе. Так всю пару и молчали. Но я решил, что молчать — не наш метод, и вызвал подругу на разговор сразу после окончания пары. Так мы оказались стоящими в коридоре у окна если не на грани ссоры, то уж точно на волоске от формирования долгосрочных взаимных обид, что пустят свои корни и продолжают отравлять нас в дальнейшем.

— Так и что теперь, Мих? — Лина говорит более громко, чем обычно, а в её глазах такая обида и непонимание, что мне становится совсем не по себе от тона нашего разговора. — Мне в ноги перед тобой падать? Из-за такой мелочи поругаемся? Ты сейчас серьёзно?

Я болван. Веду себя, как ревнивый парень своей девушки, а мы просто друзья. Ах, да, мы же друзья — точно! Совсем вылетело из головы. К счастью, я вовремя пришёл в себя, в чём мне помогла сама Лина, выразив своё оправданное негодование, и извинился перед ней. Ведь мне совсем не хочется ругаться и портить наше общение. К тому же я действительно перегибаю. Моя обида — моя личная проблема. Беляева не обязана оправдывать мои ожидания. Но пусть мы просто дружим, обнимать я всё ещё имею право. И я обнимаю, не упуская возможности вдохнуть малиновый запах её волос и почувствовать тонкие руки, что обвили мою спину в ответ. Тёплые и почти невесомые.

Беляева сказала, что прощает меня, и не солгала. Потому что весь остаток дня мы снова были прежними. И вечер был таким же, как обычно. Я снова нахожу смешную картинку, чтобы тут же отправить её Лине. На этот раз это просто фото рыбы-пилы. Рыба-пила, ха! Мне показалось это смешным.

— Виноградный сок! — незамедлительно приходит мне ответ от Беляевой. О, да, она меня поняла. Она всегда понимает мои шутки.

— Очень благоразумно с твоей стороны, — меня действительно радует её ответ.

— Твоё любимое слово?

— Да. От того, что ты выбираешь сегодня и сейчас, зависит твоё будущее.

— Минутка философии от Михаила Князева.

— Она самая. Кстати, про Золотую рыбку и правда вышло забавно. Судьба, видимо, такая у тебя.

— Вот и я так подумала. А теперь представь: ты бы пришёл на вечеринку и получил бейдж «Колобок». Вот это я понимаю забавно! — она заканчивает предложение смеющимся смайликом.

— А ты всё издеваешься! Я давно уже не похож на хлебобулочное изделие! Говорят, похорошел.

— Мне тоже так говорят, но рыбкой быть от этого не перестаю, как видишь.

Да ты и была красавица, Беляева. У меня и доказательства есть в виде различных детских фото, где мы всем классом стоим недовольные, что нас расставили, как послушных солдатиков и фотографируют, приговаривая всякое: то стоишь не в той позе, то улыбаешься не достаточно широко, то моргаешь, когда не нужно. Помню я это всё, как и дразнилки в мою сторону, которые раздавала в основном как раз таки Лина с её подружкой Дианой Васильевой. Я, кстати, удивился, узнав, что они так и продолжают дружить и теперь совместно снимают квартиру на двоих.

— Но рыбка-то не простая, а золотая! — пишу ей ответ.

— Только это и утешает. Хорошо хоть не «щука» из «По щучьему веленью».

— Ты не похорошела. Ты и была красавица.

Да, я написал ей это. Почему нет? Тем более, что Лина в ответ молчаливо отправляет смущённый, но вовсе не недовольный смайлик. Друзья же могут делать комплименты друг другу? Могут. Скажу честно: я не просто могу, а хочу позволить себе такую малость. Не думаю, что это доставит подруге такое же неприятное чувство, как мои прикосновения. Обидно и грустно. Но тут же я вспоминаю сегодняшнюю готовность Лины охотно отвечать на мои объятия. Она ведь ответила. Всегда отвечала. Может, я слишком рано раскис?

Глава 10. Признания

Лина

Прошла неделя с тех пор, как я и Михаил впервые едва не поругались из-за пустяка. И немногим больше недели после встречи с Глебом. Уже десятое октября, и я начала забывать то чувство потерянности и некоторого стыда перед парнем. Спустя время мне стало казаться, что ничего плохого я всё-таки не сделала в ту пятницу. На что он обиделся? Мы уже начали хорошо ладить к середине нашей встречи, и всё, казалось бы, было хорошо. На отказ исполнять три желания? Но мы ведь правда не обговаривали каких-либо условий, которые должен был бы выполнить проигравший в «Дженге». Но Людмила добавляла дров в этот уже едва тлеющий огонь: раскритиковала по полной моё неподобающее поведение. Говорит, я злая и колючая была в ту ночь. Может, я просто не смогла достаточно достоверно и правдиво рассказать подруге суть произошедшего? Мне не показалось, что я как-то уж чересчур была груба. Но Ажинова отвечает:

— Нет, Лин. Не в том дело. Я не пытаюсь сказать тебе, какая ты неприветливая. Я лишь хочу донести до тебя, что это был отказ поддержать его игру и флирт. Смотри: ты сама сказала, что Глеб красив и крут. Даже слишком для тебя. Так признайся: может ты просто испугалась? — Людмила на эмоциях аж отодвинула в сторону пластиковый контейнер с салатом, который только что ела. Видимо, пюре с котлетой, покупаемое ею каждый день, успело надоесть. А мне начинает надоедать тема моего неудачно закончившегося знакомства с Пожарским. Ладно хоть Диана отстала и не достаёт больше с этим. Но не Ажинова. Мы сидим в наполненном студентами буфете, и подруга не упустила случая начать разговор о моём одиночестве, пока рядом нет парней.

— Ну, да. Очевидно, я струсила, — вяло отщипываю золотистую корочку булочки, чтобы затем отправить её в рот.

— Так я и пытаюсь тебе втолковать, что ты не просто грубо повела себя, а по сути отказала ему. И себе заодно. Но изначально ты пошла на вечеринку, Лина. И с ним, говоришь, хорошо время провела. И красивый он, говоришь. Но испугалась. А он не так тебя понял. Я говорила ему, что ты не собираешься ехать со мной в клуб. И тогда он по сути завуалированно пригласил тебя, сказав, что ожидает увидеть твою персону там, и в итоге увидел, а потом предложил тебе свидание в такой игровой и шутливой форме. Её можно критиковать, но вот так он сделал, и уже ничего не поделаешь. А ты отказала.

— Чего ты от меня сейчас добиваешься, Люд? — ребром ладони сгребая крошки по столу в одну кучу. У меня так скоро нервные клетки в такую же кучу соберутся.

— Мне просто обидно, что ты теряешь такого красавчика по собственной глупости. Да ещё и явно заинтересованного в тебе. При том, что и он тебе нравится. Мне просто обидно за всю эту сплошную глупость и недоразумение.

— Мне кажется, ты за мои отношения переживаешь больше, чем за свои, — морщю нос.

— Конечно переживаю! Ты моя подруга, Лина. Влюблённость — просто лучшее чувство на свете. Как без неё? Всё серое и однообразное...

Любимая песня Ажиновой начинается. Она и правда не представляет себе жизни без романтических отношений в своей жизни. Из одних сразу прыгает в другие, а иначе трагедия. Сейчас вот у неё Андрей, с которым она встречается два месяца, встретившись с ним ещё в августе в одном из антикафе города. А до этого был «Колян-троян»,

использовавший подругу, чтобы сначала втереться в доверие, а затем занять нескромную сумму денег и исчезнуть. А до него был кто-то ещё, но я уже не вспомню имени, да и история не была столь драматичной, чтобы помнить. Просто обычный парень, который стал скучен за полгода отношений и надоел.

— А оно же вот, прямо в руки тебе прыгало! — продолжает сокрушаться Людмила. — Ты одна из нашего квартета невезучая такая... Даже Антон, пусть и не удачно, но влюблён.

Да, Хомякову не позавидуешь. Он умудрился воспылать чувствами к молодой практикантке, преподающей философию. Бедняга даже подойти к ней боится, не знает как начать разговор так, чтобы не завалить у неё потом во время сессии зачёт. В итоге мы Антону все разом сказали, что лучше пусть вообще пока не суётся к Анне Ивановне, чтобы не рисковать своей успеваемостью. Потом. Вот потом, в следующем семестре, когда она больше не будет нашей преподавательницей, тогда и можно будет начать любовную атаку. Ха! Вот и ходит, любитесь, вздыхает, терпеливо ждёт. Даже выяснить успел, что никто на машине за ней не приезжает: ездит, как и все мы, на общественном транспорте. «Это не показатель!» — смеялся над ним Михаил. Но Антон, не теряя оптимизма, заявляет: «А кольца на пальце вот тоже нет!». Ну, а что тут возразишь? Следующий семестр всё расставит по своим местам в этой ещё не начавшейся истории любви. Но, кстати, о Михаиле и не начавшихся историях... любви.

— Почему одна? — возражаю Людмиле. — У Князева тоже нет никого!

— Да ты вообще всё проспала, Лина! — Подруга удивляется моему незнанию чего-то важного, и я, признаться, удивляюсь не меньше.

— Что я проспала?

— Мих глаз на кого-то положить уже успел. Сам мне признался! Но имя не называет — секрет, говорит. Даже понятия не имею, знаю ли я её.

Вот так сюрприз. Мне бы радоваться за друга, но я никак не могу обнаружить в себе хоть сколь-нибудь положительной эмоции. А ведь мне ещё высказывал за то, что о намерении пойти на вечеринку промолчала. Сам вот что скрывает. Ажинова знает, а я почему-то только сейчас от неё и узнаю. Внутри что-то неприятно скребётся. Ничего себе признание у Князева. Я совсем не ожидала, и даже не знаю от чего так расстроена: от того, что мне не сказал или от того, что он в принципе в кого-то влюблён... Я ведь после нашего перемирия в прошлый понедельник всё чаще начала вспоминать те ощущения, которые испытала от соприкосновения наших тел, когда мы обнялись. Я всё ещё чувствую, как его губы шевелятся совсем рядом с моими волосами, пока он говорил мне о своей неправоте в тот момент. Я, блин, что-то чувствую. Что-то странное. И это не проходит даже после встречи с красавчиком в клубе. Но Михаил в кого-то влюблён. Ауч. Неприятно. Неужели я успела начать фантазировать о Князеве, как о мужчине? О, нет. Я не должна испортить такую прекрасную дружбу своими соплями. Нет, нет, Лина. Успокаивайся, выбрось всё лишнее из головы. Что это на меня нашло в последнее время?

— Смотри! — Людмила вдруг перешла на полусшепот, уставившись во все глаза куда-то за мою спину.

— Куда смотреть? — поворачиваю голову назад, но ничего кроме жующих за столами студентов не вижу.

— Да смотри же! Возле окна!

— Уф, да посмотрю я, посмотрю... — уже совсем неприлично выворачиваю шею, чтобы

понять, что же я должна увидеть такого. За столом у окна сидит Пожарский.

— Ну, ты что, всё ещё не видишь? Это же твой «кот»! — нетерпеливо вопрошает Ажинова, пока я быстро осматриваю Глеба в компании с ещё двумя незнакомыми мне парнями.

— Да увидела я, — возвращаю своё внимание на подругу.

— Он нас заметил, — она всё ещё смотрит мне за спину и в следующий миг приветливо машет рукой невидимому мне Пожарскому. — Поздоровайся хоть! — подруга дёргает меня за руку, чтобы я тоже подняла её в приветственном жесте. Делать нечего, снова поворачиваюсь и смотрю на тот столик, несмело помахав скромно поднятой ладонью. «Кот в сапогах» ухмыляется, глядя на меня, но машет мне в ответ и даже игриво подмигивает.

— Боже, как он на тебя посмотрел! — Людмила едва ли не пищит от восторга.

— Да вроде обычно посмотрел, — пожимаю плечами, чтобы скрыть своё волнение.

Проблема только в том, что во мне поселилась уверенность в неминуемом продолжении теперь уже моей собственной истории. Если у Хомякова она ещё не началась, и своё признание в любви он держит при себе, а Князев в тайне от меня признаётся Людмиле о своей влюблённости к некой загадочной незнакомке, то я, похоже, должна буду пройти длинный путь, чтобы понять, а в чём же и кому должна признаться я. Потому что сейчас я совсем не понимаю себя. Со всеми своими странными чувствами к другу, которых не было, и странной тревоге от мысли о татуированном парне где-то за моей спиной. Мне не хочется его внимания, но вместе с тем я его желаю. Чтобы переключиться с Михаила или потому что Пожарский действительно красив? Я правда не знаю.

— Рядом с Глебом ни одна девушка не покажется серой мышью, — вторгается в мои мысли голос Ажиновой. — Потому что такие парни, как он, на таких и не смотрят. Только представь, как тебе повезло привлечь внимание такого мужика!

— Угу, — отвлекаюсь на звук входящего сообщения и поспешно беру в руку телефон, чтобы хоть на секунду занять себя. «Глеб Пожарский» оставил мне сообщение в «Вконтакте». Вот и отвлеклась, называется.

«Не могу забыть тебя, рыбка. Должен признаться: совсем сон потерял. Теперь я не Кот в сапогах, а ласкающийся пушистик, жаждущий немного внимания и любви». На автомате, не задумываясь, поворачиваю голову назад, но стол у окна оказался уже пуст.

Глава 11. Момент истины

Лина

Сегодняшний вторник определённо точно теплей, чем прошлые дни. Светит солнце, освещая последние оставшиеся листья на деревьях, прыгают воробьи по асфальту, пугаясь случайных прохожих вроде меня и Михаила, идущего рядом со мной по правую сторону. Мы идём ко мне, а так как живу я не так уж и далеко от вуза, а погода хорошая, то решили пройтись пешком. К тому же не хочется толкаться в транспорте с нашим багажом. Кстати о багаже... Князев с характерным шуршанием удобнее располагает ручки пакета с книгами в руке, и мы оба с опаской поглядываем при этом на то, как тихонько расползается «стрелка» по полиэтилену от острого угла учебника по общей социологии. Он самый большой из всех тех, что я получила сегодня в студенческой библиотеке для подготовки к сессии. Хотя она и будет в декабре, но лучше подумать обо всём заранее — не так ли? Михаил был согласен со мной, но получать вместе со мной книги не стал, а вместо этого просто предложил помочь мне с моими, так как вес пакета оказался неожиданно большим.

А я и рада. Ох, до чего же приятно идти вдвоём с ним и просто болтать. Тем более сейчас, когда мы вдвоём. Нет одноклассников рядом, других студентов, преподавателей... Мне нравится слышать этот особенный по-мужски низкий голос, не перебиваемый шумом вузовских стен, видеть возвышающуюся надо мной на целую голову широкоплечую фигуру. Хочется сказать что-нибудь особенное и приятное, но что? За помощь уже благодарила. А больше и не знаю, что сказать. Просто какой-то минутный душевный порыв, с которым нужно как-то совладать. А иначе посмотрит на меня, как на дуру — вот и всё.

— Осторожней, Мих! — говорю вместо всего ванильного, что в моей голове. — Стрелка ещё дальше вниз пошла...

— Ну уж нет. Твои книги я, в отличие от своих денег, точно не потеряю.

Мы как раз сейчас обсуждаем загадочное исчезновение тысячи рублей из его куртки. Не сказать, что Князев бедствует и считает каждую копейку, но он парень въедливый и внимательный к мелочам — так просто такое с рук не спустит.

— И что ты планируешь? — спрашиваю, а сама радуюсь тому, что не имею младших братьев и сестёр. Михаилу же так не повезло и, похоже, он всё-таки стал жертвой коварства Тимофея, а не какой-то неведомой мистической силы. Если только она не имеет лицо одиннадцатилетнего рыжего мальчика, конечно.

— Выяснить у малого всё напрямую. Делать вид, что ничего не заметил, я не буду.

— А если это всё же не он? — слегка запинаясь о незамеченный камень, и рука друга рефлекторно дёргается в мою сторону, чтобы поддержать.

— Извинюсь. Признавать ошибки я умею, — его рука благополучно возвращается назад, освобождая мою от своего захвата. — Но я почти уверен, что это малой. На эти выходные приехать отказался даже. Он не всегда приезжает, конечно, но вот такое совпадение.

— Посмотрим, приедет ли на этой неделе. А можно же ещё так проверить: подложить денег в карман куртки. Да так, чтобы Тимофей это увидел. А затем, после уезда брата, проверь всё ли на месте.

— Как вариант.

Отвлекаюсь на звук входящего сообщения. Ещё не открывая приложение, понимаю, что это он. Глеб. Со вчерашнего дня пишет, провоцируя меня на ответные сообщения. «Не могу

забыть тебя, рыбка. Должен признаться: совсем сон потерял. Теперь я не Кот в сапогах, а ласкающийся пушистик, жаждущий немного внимания и любви» — то самое сообщение, что получила вчера, когда с Людмилой сидели в буфете. С него-то всё и началось:

— *Пушистик, говоришь? Спустия десять дней мне это говоришь?*

— *Увидел тебя вновь уже при свете дня и поплыл окончательно.*

— *Быстро ты из буфета уплыл.*

— *Не хотел навязываться. Вдруг не нравлюсь?*

— *А сейчас что делаешь?*

— *Сдался. Не могу больше. Что мы станем делать теперь с моими чувствами?*

— *Я думаю, ты продолжишь жить так, как жил перед нашей встречей.*

Никаких смайликов. Лишь обмен текстом, который должен заставить моё сердце трепетать, как я думаю. Но я представляю то своё ощущение, если бы получала подобные сообщения от Михаила. Что если бы это был он? Я смотрю на его сосредоточенное лицо, а он смотрит на меня. Пристально, словно хочет прочесть, как я те книги, что он несёт сейчас. Опускаю глаза вниз, пряча их в переписке с новых входящим сообщением:

— *Ты флиртуешь или прогоняешь меня?*

Набираю ответ:

— *Надо подумать...*

— *Подумай ещё вот над чем: как на счёт свидания?*

В растерянности убираю телефон в карман куртки и говорю:

— Мы уже почти на месте. Вот мой дом, — тычу указательным пальцем в стоящую перед нами пятиэтажку. Князев ведь ещё ни разу не был у нас и увидит сейчас квартиру впервые.

— Очень вовремя, — отвечает он, — а то пакет уже еле живой.

Мы поднимаемся на второй этаж, когда я слышу очередной сигнал своего телефона. Пожарский — не иначе. Второй раз сигнал поступает, когда я отворяю дверь квартиры и приглашающим жестом машу Михаилу, чтобы проходил. Но Князев отрицательно качает головой, повторяя за мной движение рукой. Каков джентльмен.

— Кто там тебе всё время строчит сегодня? — он закрывает за собой дверь и ставит пакет с книгами на пол.

— Диана, — ляпаю первое, что приходит в голову.

К счастью, розами в прихожей не пахнет — значит её ещё нет дома.

— Васильева? — мне кажется или я слышу ревнивые нотки в его голосе?

— Угу.

— Может ответишь ей? — и снова этот пристальный острый взгляд. В самую душу смотрит, гад. Заставляет нервничать и чувствовать себя неловко. Так чувствуют себя инфузории, когда их рассматривают школьники под прицелом микроскопа на уроках биологии. Но колени у простейших не дрожат, как у меня сейчас. И вообще коленей у них нет. И сердца, что может биться чаще, тоже нет. А у меня есть, и оно стучит, реагируя на близость и расширившиеся в полумраке прихожей зрачки парня.

— Тебе правда кто-то нравится? — выпаливаю неожиданно для себя самой. Вот он. Момент истины.

Князев делает резкий вдох и делает шаг ко мне, не прекращая удерживать мой взгляд. Жарко. Из-за позабытых курток, что так и надеты на нас или из-за выдоха парня, опалившего

мои щёки.

— Да.

Одно просто слово, и такой серьёзный взгляд. Я вижу, что сейчас он собирается сказать что-то ещё. Сердце ухает куда-то вниз, испугавшись чего-то. Я даже почти слышу этот звук, но это лишь поворот ключа в двери и входящая в квартиру Диана.

— Ой, — пугается она, — Вы чего тут на пороге стоите?

— Привет, Васильева, — Михаил делает шаг назад, разрывая тонкую связующую нить между нами. — Совсем не изменилась.

— Князев, ты что-ли?! — подруга удивлённо хлопает глазами, разинув рот. Вот как выглядит падение челюсти на пол. Наглядно. — Вот это ты модель, конечно, стал. Тебе бы на обложку журнала, а не в нашей скромной конуре топтаться! Лин, ты чего сегодня молчишь и про гостя не предупредила? Я бы к чаю что-нибудь купила...

Звук очередного входящего сообщения и кривая ухмылка Михаила, адресованная мне, говорят о том, что я только что влипла в неприятности.

— Ответь ты *ей* уже, наконец, — говорит он мне.

— Кому? — не поняла Диана наших обменов взглядами.

— Кажется, у нас ещё оставалось печенье... — говорю, чтобы заполнить тишину. — Так что чай всё ещё актуален.

— Сначала Лина ответит на сообщения, — Михаил неумолим, — потом чай.

Я вижу те самые грозовые тучи, которые застилали его взор всякий раз, когда Князев был зол. Никогда ещё его злость не была так отчётливо направлена на меня, и я теряюсь в моменте. Даже Васильева притихла и молча стягивает с себя верхнюю одежду. Иду на поводу у своей растерянности и открываю переписку с Пожарским, где скопились непрочитанные сообщения:

— *Объявляешь мне бойкот, рыбка?*

— *Оставишь нас без свидания? Обидел чем-то?*

— *Как на счёт субботы? Я как раз свободен от работы, и на пары нам не надо. Вск развлекательную программу, разумеется, беру на себя.*

Мы втроём стоим слишком близко друг к другу в узком пространстве прихожей, и Диана видит имя моего собеседника в экране телефона. А, может, и сообщения тоже видит.

— Ого! — восклицает она. — Я-то думаю что за срочность, а у тебя свидание, оказывается намечается! Да ещё и с «котом», из-за которого ты загрустила в последнее время! Так это точно нужно чаем отметить! Поздравляю, Беляева, ты больше не серая мышь! Мих, разувайся и проходи уже. Раз Лина говорит, что печенье ещё есть — значит есть. Я-то его не ем.

— Я не буду чай, мне идти надо, — совсем хмуро ответил Князев, продвигаясь к двери.

— Как не будешь? А приходил зачем? А как же отметить?

— Правда не могу, — я вижу как он изо всех сил пытается быть вежливым перед Васильевой. — За Лину рад, конечно. Как раз только что говорили о том, что мне тоже кое-кто нравится. Но, Беляева, — обращается он уже ко мне, — врать нехорошо.

Так он и ушёл, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Глава 12. Больно

Михаил

Вот именно это всегда и случается, когда отваживаешься на важный шаг. С этой разрушающей душу мыслью несусь по улице — прочь от слов не нужных мне, неприятных. Нежеланных. Откровенно отвратительных. Что за чёртов «кот», по которому Беляева грустила всё последнее время? Грустила. По мне так не было ей грустно: всё время торчит в телефоне, странные перешёптывания с Ажиновой, мол, «девчачьи разговоры», ужимки какие-то. То не иду на вечеринку, то иду. То про Диану наболтаю, якобы это я с ней переписываюсь. Что за чёрт! Да, Лина действительно в последние дни немного иная. Смотрит как-то иначе, ведёт себя то более скованно, то снова, как обычно. Такое поведение может быть только по двум причинам: влюбилась или разлюбила. В данном случае актуально первое. «Жаль не в меня» — как жалка эта мысль. Боль застилает всё, но моя гордость пытается её сдержать.

Погрязнув в мыслях, случайно толкаю плечом прохожего мужчину лет тридцати.

— Извините, — говорю и мчусь дальше, не дожидаясь ответа, хотя и слышу проклятия летящие в мою спину.

Я же почти признался ей сейчас. Ещё хотя бы одна секунда и всё. Всё было бы сказано, если бы не приход Васильевой. Получается, Диана меня спасла от неминуемого позора. Хожу, сопли распустил, а Лина с каким-то «котом» на свидание собирается. Вот я болван. Идиот. Хватит с меня — полная безнадёга уже очевидна. Брось это, Мих. Если раньше жила и теплилась надежда, то теперь я с ней прощаюсь. С этой минуты я подбираю свои сопли и становлюсь нормальным обычным Михаилом Князевым. Таким, какой был до появления в моей жизни «рыбки». Пусть эти коты и рыбы как-нибудь сами без меня, а колобок покатится куда подальше от их амурных дел. Покачусь по пути выздоровления от не взаимной влюблённости.

На следующий день мне удаётся заставить поверить самого себя в свою нормальность. Мы просто друзья, и общаемся как таковые. Я не пытаюсь прикоснуться к ней, заводить лишние разговоры и прочую ерунду не совершаю. Во время одной из перемен, после утренней скованности между нами, Беляева пытается мне что-то объяснить про вчерашнюю переписку с «котом», который «Диана», а я отмахиваюсь:

— Забей, Лина. Я давно уже забыл. Зря только вспылел, заражая тебя своим настроением.

Конечно, мне хотелось схватить её за плечи и начать трясти, чтобы... Чтобы что? Да, мои чувства задеты, но откровенная враждебность и обида по отношению к девушке стала бы проявлением моей слабости. Лучше всего вообще ничего не показывать. Словно ничего и не произошло. Так я и планирую поступать.

— Когда же оно испортится у тебя успело? — Беляева смешно хмурит брови — Ещё пока шли ко мне, всё в порядке было.

— О Тимофее говорили, вот и испортилось. Пошли уже в аудиторию, скоро звонок, а мы всё ещё на втором этаже топчемся после прошлой пары, — делаю шаг, чтобы пойти к лестнице, но подруга меня не послушалась, а остаётся стоять на месте и продолжает разводить меня на разговор:

— Я подумала... Ты разозлился из-за неправды, как с вечеринкой тогда, — я вижу, как

не комфортно она себя чувствует, говоря это. — Но если причина не в этом, то, может, я зря спросила тебя вчера про твою секретную симпатию?

— Она не взаимна, — как ножом отрезаю.

— Прости, я не знала. Не хотела задеть.

— Забей, — старательно изображаю дружелюбие. — Зато у тебя всё хорошо. Когда на свидание идёшь?

— В субботу.

— Поздравляю. Рад за тебя.

— Спасибо.

Никто из нас не улыбается, но, по-моему, мы неплохо ладим. Вечером я даже снова, как обычно, нашёл картинку, чтобы затем показать её Лине в нашей переписке. Я отправил ей фото чайного пакетика в форме рыбки. Опускаешь такой в чашку, заливаешь кипятком, а пакетик разбухает, расправляя хвост и плавники, окрашивая воду в золотистый цвет. Такая вот золотая рыбка получается. Даже глазки имеются, благодаря стараниям производителя.

— *Если ваше чаепитие не выглядит так, то даже не зовите меня. Никакое печенье не спасёт — так Диане и передай,* — пишу я вместе с тем, довольный собой и своей выдержкой.

— *Она так мило плавает в чашке. Заберите мои деньги, я готова купить это!* — пишет она ответ почти сразу. Будто ждала меня и моего сообщения.

— *Васильева там не обижается на меня?*

— *Нет, только удивилась. Но я объяснила ей, что ты просто заскочил занести мои книги. Она поняла и сказала передать, чтобы ты заходил, если что. Поболтать да заново познакомиться.*

— *Как-нибудь обязательно.*

Но точно не сейчас. Переписки у нас, может, и благополучные, но в реальности мне совсем не хочется сидеть рядом с девушками, обсуждающими «кота» или что-нибудь вроде этого. На моём пути к «выздоровлению» не должны стоять подобные разговоры. Не хочу ничего слышать о хвостатом и усатом Беляевой. Отчего-то он представляется мне тем самым чёрным Бутчем из «Том и Джерри». Весь такой уличный и наглый, мешающийся под ногами. Тьфу.

Четверг тоже показал себя вполне сносным днём, не считая того, что Тимофей снова не собирается приезжать ко мне на выходные. Мать в телефонном разговоре и сама удивилась, спрашивая меня, не повздорил ли я с младшим. «Нет, насколько мне известно», — ответил я ей. Трепаться о пропаже денег не стал. Сами между собой разберёмся. Может даже в «Вконтакте» ему напишу. Мы обычно не переписываемся, но раз такое дело то, видимо, придётся.

В пятницу я тоже в порядке. По крайней мере, мне хочется в это верить. Сегодня отменилась последняя пара, так что я нахожу причину для радости. Мне кажется, что всё вошло в свою колею: всё так же общаемся внутри своего квартета, с одноклассниками хорошие отношения, неплохо выполняю практические задания и получаю баллы от преподав. Да, что-то ноет от осознания, что завтра суббота, а значит и свидание у Лины. Но я старательно отмахиваюсь от неё. Настолько, насколько могу.

— Ты в полном порядке, Мих, — заявляет мне вдруг Хомяков, словно мысли мои читая.

— Да ну? — слушаю его вполуха, занятый зашнуровыванием кроссовок. Сейчас у нас

будет физкультура, и мы с Антоном остались в раздевалке одни, как самые нерасторопные.

— Ага. Отлично выглядишь. Бодр, весел и полон сил, — он говорит это так, что я сразу считываю скрытую иронию в его словах.

— Ты сейчас что мне пытаешься сказать? — заканчиваю со шнурками и смотрю на друга. Ухмыляется, хомяк.

— Только то, что актёр из тебя так себе. Мне ведь не показалось всё же?

— Что не показалось? — включаю режим дурачка.

— Забыл наш разговор? Между тобой и Беляевой что-то странное творится. Встранные. Оба. Особенно когда вместе.

— Ты ещё более странный, Белоснежка. Из всех тысяч девушек влюбиться в преподашу и молча тосковать по ней.

«Я-то хотя бы почву прощупал... Хоть и неудачно», — закончил я про себя. Что за кнопку этот болван нажал внутри меня, что мне втащить ему захотелось? Веселится он тут за мой счёт сидит. Раздражает. Сам ты странный, а у меня полный порядок.

— Сам же соглашался, что в этом семестре не вариант, пока она у нас преподаёт, — поймал он меня. — Вот закончится семестр и поговорю с ней уже на другом уровне, а не как студент и преподаватель.

— Соглашался. А каковы перспективы, клоун?

Может, меня злит не столько пронизательность Антона, сколько тот факт, что у него, в отличие от меня, всё ещё есть надежда.

— Теперь уже и клоун? — Антон смеётся над моими словами. — Я не тоскую, а вдохновлён и предвкушаю. Вон как хорошо философия мне теперь даётся!

— Не оспаривай очевидного. Нет несчастней человека, что вечно шутки шутит и улыбку до ушей тянет.

— Я живу надеждой. Это делает меня счастливым, — улыбка его стала более напряжённой, выдавая с головой. Не только он зрит в корень. Я тоже кое-что умею. И про Хомякова давно всё понял. Слишком сильно радуется всему, что происходит вокруг него. Явно в прошлом чего-то не хватило. Но я не лезу, так как ни к чему это.

— Только убедись, что засматриваешься на кусок, который тебе по зубам, — отвечаю.

— Она не кусок, — от бывшей усмешки не осталось и следа. Он нервно дёрнул рукава своей футболки вниз, как если бы они задрались. Но этого на самом деле не произошло. Хомяков просто взвинчен. Из-за меня.

— Извини. Она не кусок. Она человек.

Я больше не чувствую злость. Мне просто хочется закончить этот разговор, который стал слишком крутым на поворотах. А мне это совсем не нравится. Я тут обычной нормальной жизнью жить пытаюсь, а не с другом бодаться. Сейчас явно что-то пошло не по плану. Даже всегда весёлый Антон погас в лице от моей «нормальности». М-да... Ещё немного и меня начнёт тошнить от этого слова.

— Не буду я больше с тобой про Беляеву разговаривать, — говорит Хомяков, вставая со скамьи с явным намерением уйти. — Вечно злой, стоит только имя её назвать. Как красная тряпка для быка. Да ну вас.

— Да пошёл я! — усмехаюсь.

— Вот именно, — соглашается он.

Глава 13. Свидание

Лина

— Ты с ума сошла, — Глеб удивляется моему рвению съесть всё, что я вижу в ассортименте витрины весьма дорогого кондитерского кафе, в которое он меня привёл сразу после кинотеатра, где мы смотрели романтическую комедию. Кто-то скажет, что это пошло и избито, но я, к своему удивлению, с интересом смотрела фильм, и компания Пожарского меня никак не стесняла в этом. Он даже охотно вступал со мной в обсуждение — вот что удивительно. Хотя фильм ему, в отличие от меня, совсем не понравился.

— Возможно. Но я действительно люблю шоколадные кексы.

— А еще эклер ванильный, эклер ягодный, пирожное «Прага», пирожное с пеканом и вишней, «медовик», банановый пудинг... — он перечисляет буквально всё, на что я только что тыкала пальцем, давая мне понять, что мои слова не прошли мимо его ушей.

На самом деле я дразнюсь, не рассчитывая всерьёз, что Пожарский действительно начнёт скупать всё, что я пожелаю. Скорее хочу поставить его в тупик, когда ему всё же придётся найти слова для того, чтобы корректно отказать мне в моих желаниях или увильнуть от перспективы больших растрат каким-то более изящным и хитрым способом. Что он предпримет в итоге? Слишком уверен в себе, а может, даже обладает несколько повышенным чувством собственной важности и исключительности. Все эти пикаперские высказывания в мой адрес, вальяжное поведение, широкие жесты в виде букета красных роз, вручённого мне при встрече, когда он приехал за мной на своей крутой тачке, — всё это сейчас лопнет, как мыльный пузырь или Глеб продолжит пытаться очаровать меня? Как он станет вести себя, если я вдруг стану неудобной? Иначе говоря, не милой скромницей с маханием рук: «Ой, нет, что ты, не надо! Так дорого же — мне неудобно». А вот такой, как сейчас: «Хочу то, хочу это».

Однако, «Кот в сапогах» отступить от своей затеи показать себя с максимально привлекательной стороны не отказывается и просто с непонятным мне азартом заказывает все перечисленные мной лакомства. В итоге мы оказываемся сидящими за столиком у окна в самом укромном уголке кафе для сладкоежек: я в полной растерянности, а он довольный собой. Сладкие блюда приносят нам одно за другим, и скоро вот-вот рухнет стол, потому что уже даже некуда класть подаренный Глебом букет. Но и об этом вскоре позаботились: сотрудник кафе услужливо принёс вазу с водой, предлагая разместить в ней цветы. Ценники соответствуют сервису, но я не то чтобы в восхищении, а скорее чувствую себя несколько потерянно. Не думала, что Пожарский отведёт меня именно в подобное заведение, а не в какую-то забегаловку, куда обычно ходят студенты. Либо он сынок богатеньких родителей, либо тратит сейчас всю свою зарплату, пуская мне пыль в глаза. Не знаю, что из этого правда, но вот оно — уже свершившееся свидание и мои противоречивые чувства.

С одной стороны, мне приятно такое внимание и общение идёт хорошо, а с другой стороны, я всё время ловлю себя на том, что думаю о Князеве. Меня не покидает ощущение, что что-то непоправимое произошло между нами в тот вторник в нашей с Дианой квартире. Он вдруг резко переменяется в лице и стал даже почти агрессивен. Михаил говорил сначала, что всё дело в Тимофее, который, возможно, стащил эту несчастную тысячу из кармана куртки Князева. Но я безостановочно прокручиваю в голове его слова о том, что врать нехорошо. И то, с каким выражением на лице признался, что влюблённость его не взаимна.

Если то, что я чувствую по отношению к Михаилу в последнее время, является влюблённостью, то тогда у меня такая же проблема, как и у моего друга. И обостряется она от понимания, что в нашем общении появились какие-то новые и незнакомые мне прежде оттенки: сдержанные, более формальные, почти холодные.

— Значит тебе кино понравилось? — врывается в мои мысли голос Глеба.

— Да. Хорошо что Таня бросила Никиту и замутила с Владом. Впрочем, без Влада и комедии бы не вышло, так что для сюжета иначе нельзя было.

— Чем же хорошо? — вскинул он бровь. — Никита ей в любви признался, она молча крутила с ним шашни, а потом собрала чемодан и свалила в закат.

— Так он же не ценил её совсем, — возражаю.

— А как же походы в рестораны и цветы с конфетами? — Пожарский, похоже, искренне недоумевает.

— Которыми он лишь покупал её, чтобы затем манипулировать этим? То есть, потвоему, если ты сводил меня сегодня в кино и в это кафе, то я автоматически перестаю иметь право порвать с тобой?

— Ну, прям в любви я тебе ещё не признавался, — усмехается он. — Но чувствую, что такое признание не за горами, — подмигивает в своей игривой манере.

Меня не трогают его слова до глубины души. Лишь льстят и воспринимаются как комплимент. Ведь всё в порядке? Я больше не серая мышь, как говорит Диана. Теперь и у меня, как у всех нормальных людей, есть романтические отношения. Да не абы с кем, а с Пожарским. Напротив меня сидит симпатичный парень, заваливающий меня комплиментами. Мы едим вкусные пирожные, вполне себе мило общаемся, а местами даже весело. Значит, всё в порядке.

Всё же сегодня прекрасный вечер. Последние лучи солнца гаснут за крышами зданий, что видны в окне у нашего столика. Они освещают гору не съеденного сладкого передо мной, с которым я не в состоянии управиться. Глеб ничего мне на это не говорит, но в этом нет и нужды, так как выражение его глаз ясно даёт мне понять, что парень просто веселится. Думаю, он даже рад, что я так разошлась при выборе десерта, ведь благодаря этой моей «проверке» он смог продемонстрировать свою финансовую состоятельность и щедрость. Позер — вот что я о нём думаю. Чего я добивалась вообще, устраивая это всё? «Может, ты хотела от него избавиться?», — предательски прозвучал мой внутренний голос. Но я же сама согласилась пойти на свидание с ним! «Потому что Диана насела, а Мих влюблён в кого-то, но точно не в тебя». Не знаю, куда завёл бы мой внутренний диалог дальше, ведь он обрывается о голос Глеба, что я слышу едва различимо.

— Что? — переспрашиваю его, так как совсем не расслышала, что он говорит.

— Ты даже не слушаешь меня. Всё время озираешься по сторонам и где-то в облаках витаешь.

— Извини, я просто немного устала. День очень насыщенный, — и это правда. Сегодня действительно много всего произошло и продолжает происходить прямо сейчас. Не каждый день я собираюсь на свидание с парнем.

— Надеюсь, это комплимент.

— Нет, всё хорошо, Глеб. Это приятная усталость, — и отчасти это правда.

— Рад слышать, рыбка, — он позволяет себе очередную самодовольную улыбку — Вот ты и исполнила моё первое желание.

— Я думала мы просто решили пойти на свидание.

— Так и есть. Мои желания созвучны с твоими. Как видишь, ничего страшного не произошло и бояться нечего.

Наши желания созвучны? Этот вопрос плотно засел в моей голове, чувствую, теперь надолго. Когда мы покидаем кафе и медленным прогулочным шагом идём к парковке, где Глеб оставил свою машину, ответа на этот вопрос у меня всё ещё нет. Он не появляется и тогда, когда мы уже прощаемся возле моего подъезда, покинув тепло машины. И даже тогда, когда я понимаю, что Пожарский явно хочет меня поцеловать. Его взгляд слишком часто опускается на мои губы, и я вижу в его глазах предвкушение, уверенность.

— До скорой встречи, — говорит он. — Не забывай воду для роз менять, чтобы дольше жили. Но даже если забудешь, то ничего страшного — просто буду чаще покупать цветы.

— Это вовсе не обязательно.

— Ошибаешься. У моей девушки всегда должны быть в доме свежие букеты, радующие глаз.

— Осторожно: уровень глюкозы в крови после кондитерского кафе и без того высок. Не переусердствуй.

Глеб лишь хмыкнул. Разговор ему уже не интересен. Его руки обхватили мою голову, и я понимаю, что за этим явно что-то последует. Нет времени сориентироваться — он не спрашивает, ничего не ждёт, а просто берёт и целует меня. Резко, сильно, глубоко. Без шанса избежать этого момента. Роняя на землю букет красных роз, руками рефлекторно вцепляюсь в его предплечья возле моего лица, словно пытаюсь удержаться на плаву. Слишком неожиданно. Слишком напористо. У Пожарского всегда всё слишком. Дыхания смешиваются, изолируя сознание от окружающего мира. Только он, его руки и губы. И чёртов вопрос: «Наши желания созвучны?».

— Я думала это будет твоим вторым желанием, — говорю Глебу, когда он оторвался от моего рта.

— Слишком мелко, — усмехается.

— В таком случае боюсь представить что у тебя на уме.

— Слушай, я тебе ещё раз повторяю: я не загадаю ничего, что навредит тебе. Все мои желания правильные и своевременные, — он наклоняется поднять выпавшие из моих рук цветы. — Ты потеряла, кажется.

Я действительно что-то потеряла на этой неделе, но это точно не розы. Увы. Это что-то гораздо более важное и ценное.

Глава 14. Радость за друзей

Лиана

— Я видела вас в окне кухни, — Васильева с горящими глазами встречает меня сразу у порога. Поджидала.

— Значит ты видела всё, — протягиваю ей букет роз, чтобы освободить свои руки.

— О, да, — подносит цветы к носу и вдыхает их запах. — Я видела всё. Теперь я точно знаю, что ты целованная.

— Я же говорила тебе, что целовалась в школе, — с характерным звуком дёргаю молнию куртки вниз.

— Но я-то этого не видела! И мальчика у тебя никакого не было. А сейчас увидела чётко и ясно: мальчик есть, поцелуй тоже прилагается. Значит, у моей подруги всё в порядке и можно больше за неё не переживать.

Да, так уж вышло, что мой первый поцелуй произошёл, когда мы учились в десятом классе, и был он на спор, а не из-за великой любви к одиннадцатикласснику, подарившему мне его.

— А у тебя тоже всё в порядке? — перевожу тему, принимаясь стягивать с себя ботинки. — Почему розами не пахнет, как обычно?

— Я забыла, что освежитель кончился, — с грустью вздыхает. — Хотела тебе сначала позвонить, чтобы ты в магазин заскочила, но решила всё же не мешать, а то мало ли чем вы будете заниматься в этот момент, — усмехается. — Ещё возьму и всю романтику сломаю освежителем своим. Но ты всё равно не с пустыми руками пришла, — выразительно покачала моим букетом. — Будем твои цветы нюхать сегодня.

— А ты не про освежитель отвечай, а про своего Колю, — забираю у подруги розы и направляюсь в кухню на поиски вазы, которую я точно где-то видела в шкафах. Диана следует за мной по пятам.

— А что Коля? У нас всё хорошо. Теперь уже официально и с твёрдой решительностью начали встречаться. А то всё ходили вокруг да около: целуемся, за ручки держимся, а слово «встречаемся» сказать не можем.

— Ну, наконец-то. Рада за вас, — нужная мне ваза благополучно найдена, я наполняю её водой из под крана.

— Я за тебя ещё больше рада, а то самой даже неловко: хожу вся такая счастливая и зацелованная, а ты всё одна да одна. Сидишь и слушаешь, как у меня всё классно и какой Коля замечательный. Ещё и Люда, говоришь, со своим парнем. Как там его? Не помню.

— Андрей, — отвечаю, опуская цветы в наполненную вазу.

— Вот, точно. Я уже заказала нам пиццу — она скоро придёт. Раз тебе сегодня было не до генеральной уборки, то и я решила, что тоже готовить не буду. Выходной у нас сегодня, подруга!

— Зато завтра отдуваться придётся с уборкой, — критически осматриваю кухню, прикидывая предстоящий фронт работы. — Откладывать на потом приятно только в тот самый момент, когда принимаешь такое решение.

— У тебя уважительная причина, не порть себе настроение. Свидание же хорошо прошло?

— Вполне.

— Вы теперь прям парочка?

— Вроде того.

На лице Васильевой расплывается такая улыбка блаженства, словно она только что выиграла миллион в лотерею. Она действительно радуется тому, что я и «кот» теперь вместе. Я представляю как сойдёт с ума от счастья Людмила, когда узнает, как я провела субботу. Ей я ещё ничего не говорила ни о начавшейся переписке с Глебом, не о свидании с ним. Реакция будет яркая — это уж точно. Ажинова больше всех за меня переживала. Если бы она не решила стать социологом, то стала бы профессиональной свахой, похоже.

Я подтвердила, что моё свидание прошло хорошо. И я не притворяюсь. Но мне было бы ещё приятней разговаривать с Глебом, если не возникали бы в моей голове одни и те же вопросы, связанные с Князевым. Всё время у меня в мыслях маячит его образ из того дня, когда мы стояли в прихожей нашей с Дианой квартиры, вызывая ежедневную тревогу. Мы общаемся, как и прежде. Мы шутим, переписываемся. Казалось бы: а что не так? Мы больше не обнимаемся — за всю неделю ни разу. Это меня убивает. А предъявить ничего ему не могу — всё у нас хорошо. Всё как и всегда.

Он даже пошутить сегодня с утра не забыл в нашей переписке. Отправил мне в «Вконтакте» картину «Женщина с рыбой» от Мэгги Тейлор. Изображённая женщина стоит в голубом измятом платье, отрешённо глядя куда-то в пустоту, держа при этом огромную золотистую рыбищу у себя под мышкой.

— *Рыбу, вот, выгуливает....* — подписал Князев.

Это он намекал на мою сегодняшнюю вылазку из мира одиночества в компании с Глебом. К тому же, на заднем фоне, позади женщины, что, кстати, стоит на полу из плитки тёмного и светлого цвета, имитирующей шахматную доску, изображено ведро и лужа возле него. Ха! Михаил ведь знает, что я занимаюсь уборкой каждую субботу. В общем, так и есть: ведро и «лужа» так и остались стоять, дожидаясь меня дома, пока меня «выгуливали».

Кастрюли Дианы тоже остались не при делах. Васильева действительно вместо привычной возни возле духовки заказала пиццу, и вскоре она была уже у нас на столе — ароматная и ещё горячая. Мы уплетали её, глядя при этом часовую серию сериала, который мы с ней смотрим каждый вечер. Особенно радостно было есть её мне — после недавней передозировки сладким.

В полночь я уже собиралась завершить противоречивую во всех смыслах субботу и лечь спать, но мои планы нарушил звонок от Ажиновой. В такое-то время? В волнении сразу принимаю входящий звонок.

— Прив... — начинаю говорить, но Людмила меня сразу перебивает:

— Лина, не поверишь! — она говорит это так громко, что я от неожиданности отодвигаю телефон подальше от уха.

— Что, Ажинова? Дед Мороз существует? Привет! — подруга так возбуждена, что забывает поздороваться со мной, так что я предпринимаю вторую попытку сделать это первой.

— Нет, лучше! Привет!

— Не тяни резину. Говори уж.

— У меня появился дорогой заказчик на картину!

— Ох, звучит здорово, Люд.

— А на деле ещё круче: я смогу оплатить целый год учёбы за счёт этой картины!

— Я рада за тебя. Это очень хорошая новость! — теперь понятно почему она звонит мне в такое время.

— Буду теперь всю душу вкладывать в её создание — всю без остатка!

— Ну, всю-то не надо, — смеюсь. — Оставь для декабрьской сессии хоть немного!

— И для Андрея, — тоже смеюсь, добавляет она.

— И для него, конечно, — соглашаюсь.

— А вот ты, видимо, всё на отлично сдашь, — я сразу понимаю к чему она ведёт. Ну, вот. О чём я и говорю: Ажинова слишком сильно переживает, придавая такое огромное значение моему потенциальному союзу с Пожарским. — Всю душу на учёбу только! Эх!

— Да вовсе не «эх»... — добавляю нотки интриги в свой голос.

— Так-так, Беяева. Что это я сейчас слышу?

— В понедельник узнаешь, — я безжалостна.

— Вредина, как я дотерплю-то теперь до понедельника?

— Ты сможешь, я верю в тебя, — усмехаюсь.

— Неужели это то, о чём я думаю? Ты сделаешь меня ещё счастливей, если это так!

— Ничего не скажу. Пока-пока!

— Птица обломинго! Пока, до понедельника! — голос её при этом звучит радостно. Думаю, ей теперь действительно просто неприлично было бы не быть радостной с такими успехами в работе.

А насколько прилична ситуация с хорошим событием в моей собственной жизни, при которой мои подруги чувствуют себя более счастливыми, чем я?

Глава 15. Куда пропадает аппетит

Михаил

Если вы видите большую и слегка нервную очередь студентов, которые договариваются между собой о чём-то и передают деньги впереди стоящему другу, то это почти наверняка очередь в буфет. Сейчас Антон как раз один из тех друзей, кому передают необходимую сумму с просьбой что либо купить, так как он стоит в самом начале, прямо перед витриной, а мы трое отстали и потерялись в гуще других голодных людей.

— Хомяк, мне пюре с котлетой! — беспокоится Людмила за свой обед, напоминая ему о своём «заказе» уже второй раз.

— Да помню я, Ажинова, — Антон посмотрел на неё осуждающе, но сделал это так смешно, что совсем никак не получалось у него выглядеть грозно. — Тебе пюре с котлетой, Лине салат «Цезарь» и булочку с чаем, Князю тоже «Цезарь» и рис с овощами.

— Молодец, Антон! — хвалит его Людмила, важно поправляя свои очки.

— Холодец! — отмахивается он, усмехаясь.

Вскоре у Хомякова в руках оказывается мой рис и салат, которые он тут же передаёт мне в руки и принимается покупать еду далее.

— Пойду столик пока займу, — говорю.

— Иди, иди, — отвечает Беляева, сводя меня немножечко с ума своим голосом.

Я приземляюсь за стол максимально далёкий от шумной нетерпеливой очереди. Это один из тех редких случаев, когда я один и могу без свидетелей изучать взглядом Лину на расстоянии. Её жесты, мимику, движение волос... И никто мне ничего не скажет и ничем не отвлечёт. Но долго моё уединение не продлилось — вскоре ко мне присоединяются и все остальные из нашей четвёрки. Они хвалят меня за удачно выбранное место и дружно скрипят стульями по плитке, когда садятся.

— А где твой «Цезарь?», — спрашиваю Беляеву, видя, что при ней только булочка и стакан с чаем.

— Кончился он. Тебе последний Антон взял, — отвечает она, расстроено поджимая губы.

— Ага, — подтверждает Хомяков с уже набитым ртом. Когда только успел?

— Возьми мой, — протягиваю ей пластиковый контейнер с её любимым салатом.

— Ну, нет, — упрямая Лина катит его по столу назад в мою сторону.

— Да соглашайся, — встревает Людмила. — Какой толк с булочки? У Миха хотя бы рис есть.

— Вот именно, — поддакиваю.

— Ладно, ладно, — сдаётся Беляева, но по лицу вижу, что не до конца. Принимается она всё же в первую очередь за булочку, отщипывая румяные кусочки, а не за предложенный мной салат, с которого обычно бы начала.

— Какая у нас сейчас пара будет? — по-хомячьи набивая щёки, спрашивает Антон, хитро стрельнув в меня взглядом. Я знаю, ему смешно наблюдать за мной.

— Экономическая социология, — закатывает глаза Ажинова, переглянувшись с Линой. Они обе не очень ладят с этой дисциплиной.

— Аркадий Евгеньевич — просто обожаю, — саркастично добавляет Беляева.

— Обожать теперь только Пожарского можно, — смеётся Людмила, — а то ревновать

будет!

— Какой Пожарский? — не понимает Антон. Зато я, к сожалению, понимаю.

— У Лины теперь парень есть, — важно заявляет Ажинова, словно бы испытывая невероятную гордость за свою подругу. — Тот самый, с которым она тогда на вечеринке познакомилась.

— Ох... — Хомяков понимающе хмыкнул, мельком взглянув при этом на меня. — Круто! — тут же улыбнулся.

— Теперь-то ты понимаешь почему я так хотела чтобы вы познакомились? — Люмила подмигивает Беляевой.

— Я ещё не достаточно хорошо его знаю, — пожимает она в ответ плечами. — Но да, возможно. Он весьма... любезен.

— Ауч! Что за пренебрежение, подруга! — восклицает Ажинова. — «Любезен»! Ну ты даёшь.

— Вот узнаю его получше, тогда и слов будет больше, — с улыбкой парирует Лина.

— Тебя что-то смущает в нём? — уцепилась за эту тему Людмила. Я же и Антон просто молча жуём свою еду, поглядывая то на одну, то на другую девушку.

— Нет, вроде... Хотя иногда мне кажется, что он слишком крут и всё такое... — неуверенно говорит Беляева, вызывая у меня какую-то эмоцию, которую я сразу вырываю из себя с корнем. Надежда?

— Ладно, слушай, — выпаливает Людмила, — вот мои личные наблюдения. Абсолютно достоверная информация, а не какие-то слухи. Из первого источника, так сказать.

— Слушаю — отвечает Беляева.

— Я не так часто его видела, но он всегда казался мне адекватным. Может и есть у Глеба тёмная сторона, но я ни разу ничего такого за ним не замечала. Ни разу слова плохого мне не сказал. Да и Андрей отзывается о нём положительно. Так что все эти тату и прочая атрибутика — просто аксессуары.

Ну, теперь я хотя бы знаю имя этого «кота». Хотя для меня он так и остаётся Бутчем из «Том и Джерри»

— Почему это ваш разговор выглядит так, словно ты её уговариваешь встречаться с Глебом? — встречаю, обращаясь к Ажиновой.

— И ничего не уговариваю! Лина сама захотела познакомиться с ним, пойти на свидание и начать встречаться! И точно так же, как и я, считает его классным! Правда же, Лин?

— Угу.

— Не угукай, а скажи нормально!

— Да, он класный.

— Вот видишь! — обращается Людмила уже ко мне.

— Вижу.

И слышу. Не слепой и не глухой. Чёрт с вами — делайте, что хотите. Встречайтесь, любите друг друга, женитесь и так далее по списку.

— Точно салат не будешь? — обращается Лина ко мне, невинно хлопая ресничками.

— Точно. Всё равно аппетит пропал, — отодвигаю стул и встаю из-за стола. — Голова заболела и всё такое.

«И всё такое» зовётся Тимофеем, который игнорирует мои сообщения в «Вконтакте» и

не отвечает на звонки. Хотя я не ставил его сразу к стенке с вопросом в лоб: «Ты у меня по карманам шарил?». Нет. Я лишь спросил почему он не приехал ко мне в прошедшие выходные. В ответ молчание непрочитанных сообщений. Но я не буду собой, если просто так оставлю это и поэтому сегодня вечером набираю номер матери, так как знаю, что, в отличие от отца, она уже должна была вернуться с работы домой.

— Привет, ма, — говорю, когда гудки прерываются знакомым голосом.

— Что-то случилось? — сразу следует вопрос.

— Ну, чего ты сразу на панике. Просто так звоню, узнать как дела, да с Тимофеем хочу поговорить по поводу следующих выходных. До него не дозвониться никак.

— Просто ты редко сам первый звонишь...

Далее следует обычный обмен любезностями между матерью и сыном. У кого как дни проходят, кто как питается и спит, у кого что и где болит, какая погода за окном и так до бесконечности. Я терпеливо отвечаю на все эти вопросы, выслушиваю всё то, что матери хочется высказать. Где нужно поддакиваю, а где и комментарии даю. Настаёт, наконец, нужный и удобный мне момент, чтобы задать тот вопрос, ради которого и затеял весь этот разговор.

— А Тимофей дома? — спрашиваю.

— Да, в комнате у себя сидит. За компьютером, наверное, играет опять.

— Позови его к телефону.

— Сейчас...

Я слышу как она его зовёт, говоря о моём желании поболтать с ним. А затем в трубке раздаются шумы, говорящие о том, что мать пошла через всю квартиру на поиски своего младшего. Приглушённо слышу, как они переговариваются, и до меня доносится: «я занят, потом сам позвоню ему».

— Он сам тебе перезвонит, говорит, — отвечает мне мать.

— Ладно, ма. Сам так сам.

Конечно я понимаю, что он не перезвонит. Вот засранец. Ну, погоди у меня.

— К дяде в гости ходил? — спрашивает она меня, когда я уже готов был начать прощаться и завершать наш разговор.

— Нет. Мы даже в вузе не видимся.

Князев Иван Ильич, родной брат отца, работает заведующим кафедры политологии и социологии политических процессов в том же вузе, в котором я учусь. Родители меня даже уговаривали пойти учиться именно на эту кафедру, но я настоял на своём интересе и желании учиться там, где хочу. Экономика и маркетинг, всё же, интересуют меня гораздо больше. А если бы не настоял, встретил бы Лину или так и не смог бы заметить её в гуще студенческих толп, снующих по коридорам? Какой была бы жизнь без этой влюблённости?

— Хотя бы в кабинет к нему загляни да привет от нас передай лично, — прерывает мои мысли материнский голос.

— Ладно, зайду, как время найду.

Его у меня не так и много, честно говоря. Нужно всё время проводить чистку в своих мыслях, чтобы не допустить лишних проявлений своих чувств в сторону Беляевой. Вот и сегодня снова нужно перезагрузиться, отвлечься на учёбу, например, или в качалку сходить на тренировку. А то уж больно напряжён от сегодняшнего обеда в буфете в компании друзей. Услышал то, чего не хотелось бы слышать. Как не крути, а такой информации полностью избежать не удастся до тех пор, пока я и Лина находимся в одной общей компании. Но

прекращать общение с ней я вовсе не готов и не намерен. Значит придётся свыкнуться и терпеть разговоры о её парне, который Бутч. И, конечно, жизнь без моей влюблённости кажется мне более мрачной, чем перспектива тайно сохнуть по подруге. Всё же я слишком привык к её присутствию в своей жизни.

Глава 16. Жутко романтичный первый снег

Лина

Прошёл месяц с момента, когда у меня случилось первое свидание с Глебом и состоялся наш первый поцелуй. При этом меня не отпускало то волнение, что охватывало меня всякий раз, когда рядом оказывался Михаил и слышал наши разговоры с Ажиновой о наших парнях. Для меня это было совершенно новым чувством. Трудно было не ощущать себя потерянной — нет, это неправильное слово, вернее — запутавшейся. Людмиле и Диане говорю о том, как счастлива, а они, как и все остальные, словно видят во мне успешную крутую девчонку, захохотавшей богатенького красавчика. А он и помогает им в этом: активно оказывает мне знаки внимания с постоянными букетами цветов, подарками, милыми сообщениями и прочими романтическими штуками. Пожарский стал часто подвозить меня на машине до вуза и обратно, если наши графики пар совпадали. Мог сюрпризом заказать доставку моей любимой еды к нам с Дианой в квартиру или даже организовать поход в то самое кондитерское кафе, где мы были на нашем первом свидании. Оказалось, тот наш поход туда был не разовой акцией — мой парень действительно при деньгах. Этот факт ещё больше заставлял всех окружающих девушек пищать от восторга при виде меня с ним. Особенно если при этом он делал что-то очень милое. Например, может просто так зайти по среди учебного дня в аудиторию, где сижу я со своей группой, и вручить мне какой-нибудь воздушный шарик и плитку молочного шоколада, с поцелуем в лоб пожелав хорошего дня. Однотруппники уже привыкли, но каждый раз удивляются, как в первый. Таким образом, сама не знаю как, но я стала объектом всеобщего внимания и девушкой, которой можно позавидовать. Я больше не была одинокой серой мышью в глазах студенческого общества. Но никто из них не знает, что в этих отношениях я стала по-настоящему одинокой для самой себя. Я знаю, что стоит мне сказать об этом им напрямую, как они покрутят пальцем у виска, поэтому просто молча кивала и улыбалась.

Я словно попала в какую-то ловушку, в которую загнала себя сама. Глеб вовсе не плохой парень, как мне кажется. Но его так много, что иногда я от него устаю. Это постоянные объятия, прикосновения, поцелуи, становящиеся порой слишком навязчивыми. Иногда мне просто хочется протянуть руки, положить ему их на плечи и отодвинуть назад от себя. Хотя бы на один шаг, чтобы глотнуть воздуха.

Да, мы весело проводим время и мне искренне приятно его внимание. Но вместе с тем мне жутко не хватает статуса одиночки, когда можно было проводить время с Князевым столько, сколько мы оба хотели. Теперь же, когда я «занята», я не так много времени провожу с ним и другими друзьями. Даже если очень хочется, то Пожарский всё равно найдёт способ занять меня.

— Мы же любим друг друга, — говорит мне всё время Глеб. — Так что вполне естественно, что мы всё время стремимся быть вместе, не отпуская ни на шаг.

— Но иногда у нас должна быть возможность жить своей отдельной жизнью, — возражаю.

— Нет больше никаких отдельных жизней, рыбка. Мы вместе, и в первую очередь должны заботиться друг о друге, а не о себе любимом.

— Но любим мы не только друг друга, но и своих друзей. Им тоже нужно наше внимание.

— Я так много его тебе даю. Неужели тебе мало? Что я делаю не так?

А после я ничем не могу ему возразить. Иногда даже приходится извиняться, так как испытываю чувство вины при виде его страданий от моих попыток отдохнуть хотя бы один день от его компании. Я мучаю его, не в состоянии дать так много, как бы он хотел. Зачем я говорю, что люблю? Иногда мне кажется, что я не лгу. А порой наступает момент, когда сомнения терзают мою голову. Есть ли чувство там, где есть место сомнениям? А Глеб словно чувствует и только больше переживает.

И Михаил ему, конечно, не нравится. И Антон тоже. Никаких подозрительных мужчин, которые друзья! Ведь по мнению Пожарского, дружбы между разнополыми людьми не существует. А это он ещё не знает, что Михаил уже третью неделю ходит в один из выходных дней ко мне в гости, чтобы помочь мне с экономической социологией, по которой я серьёзно не набираю баллов для зачёта. Мы, как послушные зубрилы, сидим корпим над тетрадами и учебниками, занимая кухню под порой недовольные взгляды Дианы, а затем все вместе пьём чай за этим же самым столом, за которым только что стонала я от усталости и нежелания вникать в занудную науку. Но я готова была терпеть это снова и снова. И не только потому что мне важно хорошо выполнять все практические задания, чтобы затем получить хорошую оценку на экзамене. Но и потому, конечно, что это лишний повод проводить время вместе с Князевым. Удивляюсь только, как он ещё не устал от меня. Тратит на меня время, лишая себя пары часов отдыха в заслуженный выходной. Всё таки репетиторство — тяжёлый труд. Повезло ещё, что Тимофей перестал приезжать, а то совсем бы отдыха бедному Михаилу не было.

— Тебе ещё не надоело возиться со мной? — спросила я у него в прошлую субботу, когда мы уже привычно раскладывали учебники на кухонном столе.

— Если бы до тебя совсем ничего не доходило, как до моего малого, то тогда бы давно бросил свою затею, — ответил он мне. Кстати, именно Князев сам предложил мне помощь, а я просто с радостью ухватила за возможность быть с ним чуточку больше времени, чем прежде.

И вот спустя такой странный месяц, сегодня, семнадцатого ноября, я понимаю, что явно делаю со своей жизнью что-то непонятное. Или это просто я такая странная — ищу поводы озадачиться, когда как на самом деле всё нормально. Какие мои проблемы? Вот у Антона и Михаила проблема. Одинокие влюблённые. А я просто «с жиру беспись», согреваемая любящими объятиями своего парня.

— Ты всё ещё думаешь о ней? — спрашиваю Михаила, пока мы идём вдвоём из одного учебного корпуса в другой. Антон с Людмилой разбежались каждый по своим делам и подойдут позже.

— Да, — отвечает он коротко.

— Совсем никакой надежды? — мороз щиплет мне нос, и я потираю его кончиками пальцев.

— Совсем, — кривая ухмылка.

— Я хотела ещё сказать: давай позанимаемся в этот раз в воскресенье? Диана в субботу велела не занимать кухню, так как будет готовить клубничный торт на день рождения своего парня.

— Без проблем, Лин. Я свободен все выходные.

А вот я нет. В субботу не только Васильева мешает организовать нам зону

репетиторства, но ещё и Глеб застолбил всё моё время на этот день. У нас очередное свидание с богатой программой развлечений. На этот раз идём в парк аттракционов, а затем будем греться в ближайшей от него кофейне.

— Тогда договорились, — говорю.

— Да, — Михаил поправляет свою шапку, натягивая её ниже, чтобы полностью закрыть уши. — Не надо переживать так за меня. Лучше своё сохрани.

— Угу.

— Всё же хорошо? — его внимательный взгляд слегка смущает меня.

— Конечно, — я даже верю в то, что говорю сейчас.

— Бутч тебя не обижает?

— Кто?

— Твой кот.

— Почему ты спрашиваешь? Всё хорошо — сам же видел.

— Просто хочу убедиться, что у моей подруги всё в порядке, — и смотрит так пристально.

— У твоей подруги всё в порядке, Мих, — снова тру замёрзший нос и наблюдаю, как начинает крупными хлопьями валить снег. — Ой! Снег пошёл!

Снежинки парят в воздухе, медленно опускаясь на промёрзшую твёрдую землю у нас под ногами. Потребовалась всего пара минут, чтобы всё вокруг нас из чёрного и серого превратилось во что-то более светлое и жизнерадостное. Это всегда так удивительно сказочно — даже когда уже исполнилось восемнадцать.

— День первого снега это очень романтичное время, — усмехается Князев. — Не зря у вас сегодня свидание, — добавляет он, пальцем смахивая снежинку со своих ресниц.

Да, сегодня вечером я снова занята и у меня действительно свидание с Пожарским. Правда я уговаривала его перенести наш поход в кино на другой день, так как сегодня у меня много пар и я уверена, что буду чувствовать усталость и, следовательно, нежелание куда либо идти. Глеб меня не услышал. Сказал, что нет лучше отдыха, чем совместное времяпрепровождение с любимым человеком. Просто жуть как романтично.

— Жутко романтичный первый снег... — бормочу себе под нос, вызывая недоуменное поднятие брови у своего друга. Кажется, он не расслышал.

Глава 17. Притяжение

Лина

В основном наши репетиторские занятия с Михаилом проходят по субботам. Лишь в прошлые выходные из-за торта Дианы я перенесла наши посиделки на воскресенье. Ничего особенного в тот вечер не произошло, мы просто, как и всегда, вместе готовились к практическому занятию на вторник. Князев выполнял все задания без труда, а вот мне приходилось опираться на ум друга. Михаил терпеливо объяснял мне все нюансы и отвечал на мою уточняющие вопросы, искренне желая донести до меня такое же понимание разбираемой темы, какое есть у него. Бесконечная благодарность ему за это и моё восхищение его отзывчивостью. Если бы не помощь Князева, то как бы я справлялась сама? С большим трудом.

Не менее трудно мне стало выкраивать время на общение с кем-либо помимо Глеба и родителей, с которыми созваниваюсь раз в неделю. Неделя за неделей, и всё, как в тумане. Одно свидание за другим, Пожарский, Пожарский и снова Пожарский... Даже в вузе на переменах всё чаще я была с ним, а не с друзьями. Многим кажется это ужасно романтичным: «Ах, вы не можете друг без друга и полтора часа провести!». Но я устала.

И вот как-то совсем незаметно пролетела ещё одна неделя. В этот раз решили встретиться сегодня, снова в субботу. Эти наши встречи то немного, что даёт мне чувство прежней свободы. И то лишь вечерами, ведь днём мы оба заняты: я уборкой и Глебом, а Михаил качалкой и встречей со своими друзьями.

— Благодаря тебе, Мих, мне начинает нравиться экономическая социология, — говорю ему, в удовлетворении от проделанной нами работы закрывая учебник и тетрадь.

— Тебе немного баллов набрать осталось до отметки «четыре». — Князев встаёт и помогает мне убрать всё со стола, чтобы затем всё переложить на верхушку мерно гудящего холодильника. Совсем скоро мы должны будем позвать Диану пить чай. — Думаю, мы успеваем до начала сессии.

— Всех нас порой притягивает то, чего мы боимся, — говорю, а сама в задумчивости смотрю на темнеющую улицу за окном. — Притягивает возможность слиться с этим, пробраться внутрь, в конечном итоге познав, полюбив и став его частью. Меня больше не пугает экономическая социология. Я чувствую даже азарт.

— Эй, что это с тобой? — Михаил тихо смеётся и шутливо хлопает меня по плечу, садясь снова за стол рядом со мной. — Что за заумные цитаты?

— Это ты меня заразил, — усмехаюсь. — Ты же у нас философ.

— Да не то чтобы...

— Просто заметила, что если чего-то боишься, но затем начинаешь бороться с этим и имеешь в этой борьбе успех, то потом получаешь настолько большой заряд счастья, что начинаешь любить весь этот процесс. И любить то, что ранее вызывало страх. Крутое ощущение!

— Да, понимаю о чём ты. Тоже как то думал об этом. — Князев, как и я, не торопится ставить чайник и доставать из шкафчика чашки. Мы просто сидим за уже пустым столом и размышляем на какую-то нейтральную тему, не отрывая глаз друг от друга. Безумно хочется зависнуть в этом моменте, задержаться в нём, застыть, как лужи на улицах нашего города. — И так не только с учёбой, но и в любом другом деле, — заканчивает Михаил.

Я должна что-то ответить, но мой взгляд опускается на его губы, словно магнитом притянуло и никак не оторвать. Буквально заставляю себя посмотреть ему в глаза, которые, как оказалось, тоже смотрят совсем не туда, куда положено смотреть друзьям. На мои губы.

«И что ты будешь делать? — горько спрашиваю я себя. — Когда ты поцелуешь его, ты знаешь, что это изменит всё. И что? Набросишься на него сейчас, пока этого не сделала какая-то другая?». Для него это лишь утешение. Он влюблён в загадочную незнакомку, но он молодой парень и имеет определённые желания.

В возникшей вдруг тишине слышно лишь тиканье настенных часов и гул холодильника. А головы наши всё ближе, я уже чувствую, как мои щёки опалает его дыхание. Лёгкое и щекотное. Ещё секунда и наши носы соприкоснутся, знакомясь друг с другом впервые. Взаимное сближение медленное и завораживающее. Дразнящее. Ещё лишь одна секунда...

— Вы уже закончили? — врывается в кухню голос Васильевой, заставив меня и Михаила в панике отскочить друг от друга. — Или только начали? — закончила подруга уже совсем другим тоном. Она всё поняла.

— Как раз собирались чайник ставить, — отвечает ей Князев таким ровным голосом и с таким невозмутимым видом, словно пытаюсь внушить Диане, что вся эта сцена ей привиделась.

— Не беспокойтесь, — продолжает она, рукой нервно взбивая свои пушистые волны волос. — Я и сама хочу отсюда убраться. Продолжайте, пейте чай без меня.

Я невольно фыркнула, наблюдая за удивлением в глазах подруги, сменяющимся осуждением. Она повернулась к нам спиной и направилась по коридору. Затем подошла к двери ванной и открыла её, скрывшись внутри. На мгновение я замерла.

— Думаю, мне пора, — говорит Князев, вставая с табурета.

Он спешно одевается и уходит, попрощавшись, как обычно. Словно ничего и не было. «Оно и к лучшему, Лина», — говорю я себе. Мне больше ничего не остаётся, кроме как начать греметь чашками и шелестеть упаковкой конфет. Диана всё так же сидит в ванной, не производя никакого шума. Даже воду для приличия не льёт.

— Иди сюда! — кричу я ей. — Ты всё не так поняла!

Наконец, дверь ванной отворяется и немного рассерженная фигура подруги появляется на пороге кухни:

— Нет. Теперь я как раз всё поняла, — она сделала глубокий вздох, уперев руки в бока.

— Ну, что ты там поняла? — наблюдаю за шумно закипающей водой в чайнике.

— Ты в последнее время жаловалась на Глеба. Якобы его слишком много. А теперь я вижу это. Не вертишь ли ты двумя одновременно, подруга? — она злится, но всё же заходит в кухню и садится за стол.

— Я, конечно, понимаю, что ты вся такая правильная и прочее, но не нужно так плохо обо мне думать, — разливаю кипяток по чашкам с опущенными в них пакетиками чая. — Мих безответно влюблён в какую-то девушку. Видимо, от одиночества и... — обрываю предложение, не зная, как его вообще закончить так, чтобы и его не подставить и себя.

— Мне начинает казаться, что влюблён Князь в тебя, — хмурит брови Диана.

— Нет. Это другая девушка.

— Тогда не нужно жалеть его. У тебя Глеб. Будь добра — не обижай Пожарского.

— Не буду, — расставляю чашки на стол, где уже лежат конфеты с печеньем. — Это больше не повторится.

— Надеюсь. Не хочу разочароваться в тебе после стольких лет дружбы, — она вдруг со стоном громко вздыхает. — Коля мне изменил.

— Как? — пришло моё время удивляться.

— А вот так. Теперь я снова одна. Но хотела кое о чём посоветоваться с тобой... — осторожно делает глоток из горячей чашки.

— О чём же? — повторяю за ней.

— Если бы тебе при этом уже нравился бы кто-то другой, то ты бы призналась ему? Учитывая, что ты только что вышла из прошлых отношений. И то, что ты ему тоже нравишься.

— Думаю, да.

А сама при этом представляю Михаила. А что если бы... Ах, это «если бы». Вот было бы оно, так я бы сразу порвала с Глебом и бросилась в объятия к Князеву. Не слишком ли некрасиво это звучит? Отвратительно. Я отвратительна. Мои мысли ужасны, и Васильевой их лучше не слышать. Хорошо, что она не телепатка, а то бы уже точно вышвырнула меня из квартиры с требованием поискать себе отдельное жильё для съёма.

Глава 18. Влюблённый дурак

Михаил

Открываю глаза — один. Я лежу на кровати в своей пустой квартире и понимаю, что вырубился, когда пришёл с сегодняшней тренировки и прилёг, как думал, прикрыть глаза на пять минут. Смотрю на экран телефона и вижу, что проспал целый час. Это говорит о том, что у меня остаётся не так много времени на сборы, чтобы пойти к Беляевой заниматься экономической социологией, жалуясь при этом параллельно на самого преподавателя — Аркадия Евгеньевича. Потому что, на мой взгляд, этот возрастной болван даже не пытается объяснить своим студентам самые сложные моменты, а просто надеется на то, что мы сами всему научимся. Хорошо хоть учебники есть в помощь.

А у Лины есть также помощь лично в моём лице. Быстро соскакиваю с постели, на скорую руку делаю неаккуратный бутерброд, а затем хожу с ним по квартире, удерживая зубами и бегая параллельно на кухню, чтобы сделать глоток только что приготовленного чая. На ходу натягиваю штаны, переодеваю толстовку. Затем я причёсываюсь перед зеркалом в ванной, поправляю и без того хорошо сидящую одежду. Нервно смотрю на часы в телефоне. Немного опоздаю, но не критично.

Почему я это делаю? Просто не могу иначе. Беляева совсем выпала в последнее время из нашей компании. Только на парах её и видим. Как только звенит звонок, сразу, словно из ниоткуда, возникает фигура Бутча, который забирает её от нас и возвращает уже только к началу следующей пары. В буфет она теперь тоже только с ним ходит. Прямо не разлей вода. Это насколько нужно влюбиться, чтобы настолько не отлипнуть друг от друга? Мне кажется это не совсем нормально. Но кто я такой, чтобы влезать в это? Моё дело — дружеская поддержка и участие. Чем и занимаюсь.

Зато остальные ничего странного в этой парочке не видят, от чего я только больше в тайне раздражаюсь. Какие они милые и замечательные — ладно, как скажете. Дабы не портить отношения с Линой, просто молчу на этот счёт. Хотя так и хочется спросить: «А ты не чувствуешь себя не комфортно в растущей изоляции от других людей?». Но вместо этого я просто каждый раз спрашиваю выполнила ли она домашние задания, готова ли к практическим занятиям. А один раз даже спросил всё ли у неё в порядке. Конечно, Беляева ответила, что у неё всё хорошо. Если так, значит и у меня хорошо.

На улице холод, шум машин, толпы людей спешащих с работы домой, и несущийся со всех ног я. В городском автобусе тесно, все толкаются, но я сохраняю бодрое настроение. Транспорт относительно быстро домчал меня до нужной остановки, и вот вскоре я уже у нужного подъезда. Сегодня на пороге меня встретила Васильева и привычный запах роз. В их прихожей всегда так пахнет.

— Лина хоть дома? — спрашиваю на всякий случай. Хотя ни о чём таком меня подруга не предупредила, когда мы переписывались днём в «Вконтакте».

— В комнате закрылась, — отвечает Диана. — С котом своим разговаривает. Ты проходи, разувайся, располагайся. Кухня свободна — всё для вас!

— Насколько сильно ты нас ненавидишь по шкале от одного до десяти? — расстёгиваю заклёпки у куртки и стягиваю шапку.

— Оцениваю свою ненависть в пять баллов, — с закатыванием глаз к потолку изображает задумчивость на своём лице. — Иногда вы слишком долго сидите, но всё

компенсируют посиделки с чаем. Так что можешь продолжать приходить.

— Весьма благодарен за разрешение, — усмехаюсь. Уже освобождённый от верхней одежды и обуви, с тетрадью в руке следую в уже почти родную кухню.

— Но по выходным... — с сомнением тянет Васильева, бредущая у меня за спиной. — По субботам занимаются только дураки или влюблённые. Почему во время перемен не занимаетесь? Или не выделяете часик в учебный день? Я обычно так и делаю. Зачем отнимать лишнее время в законный выходной?

Хороший вопрос. Плюхаюсь на табурет в ожидании своей «ученицы». Но особенно мне понравилось высказывание про влюблённых и дураков. Я бы, пожалуй, убрал из него «или» и адресовал бы сей диагноз персонально себе.

— А Беляева во время перемен с котом своим занята, — развожу руками.

— Но эти ваши занятия нужны в первую очередь именно ей, — Васильева стоит на пороге и хмурит брови, недовольно скрестив руки.

— Диана, душишь опять, — отмахиваюсь. — Как Лина тут с закрытыми окнами ещё не задохнулась?

— Ха! Ты вот точно дурак, раз тащишься сюда каждый раз. А Лина влюблённая дура. Она хоть спасибо говорит тебе?

— Так, — делаю самый серьёзный вид. — Во-первых, мне нравится ходить к вам в гости и болтать о разном. Во-вторых, «спасибо» Лина мне говорит.

— Ладно, ладно, — в капитуляции поднимает руки. — Я тоже рада твоей компании на самом деле.

К коридору раздаются шаги нашей общей подруги, и Диана размыкает до сих пор скрещенные на груди руки, обращаясь затем уже не только ко мне, но и к подошедшей Беляевой:

— Занимайтесь, ребятки, да на чай позвать не забудьте!

— Как же мы про тебя забудем, — отвечает ей Лина, усаживаясь на соседний со мной табурет.

— Ну что? — спрашиваю. — Начнём?

— Угу, — кивает она, демонстративно помахав своей тетрадью.

Мы просидели так не один вечер и не одну минуту, но что-то произошло сегодня. В какой-то момент возникла тишина. Это не было неловкой паузой в неуклюжем разговоре. Она возникла как-то сама собой — естественным образом. Больше не было тетрадей с нашими записями, обсуждения учебного материала или каких-нибудь других отвлекающих моментов. В возникшей тишине я не мог не смотреть на неё и её губы. Это какой-то гипноз, и мне явно нужна помощь. «Живой?», — спросил у меня как-то Хомяков, провожая взглядом Бутча и Лину, когда они в очередной раз решили уединиться на время перемены. Я тогда ничего не ответил, а Антон не стал продолжать. Сейчас, в эту минуту тишины я живее, чем когда либо. Пульс стучит в ушах, ладони замерли, удерживаемые от непреодолимого желания обхватить талию сидящей рядом со мной девушки.

Мы бы поцеловались. Я уверен в этом. Если бы не Васильева, то одна моя маленькая мечта сбылась бы прямо здесь — на этой кухне. Я узнал бы вкус губ Беляевой.

— Вы уже закончили? Или только начали? — вопросы Васильевой, которые сломали всю сказку и вернули меня в реальность.

— Как раз собирались чайник ставить, — отвечаю ей, стараясь не смотреть на Лину.

— Не беспокойтесь, — продолжает Диана с недовольным видом. — Я и сама хочу отсюда убраться. Продолжайте, пейте чай без меня.

Она уходит и скрывается в ванной. Да какой уж теперь чай? Мне бы в себя прийти, проветриться. На Беляеву всё ещё смотреть нормально не могу — с растерянным видом сверлит глазами дверь ванной.

— Думаю, мне пора, — говорю нейтральным ровным голосом.

Лина не возражает, и мы спокойно прощаемся, как обычно. Думаю, ей действительно хочется побыть одной или поговорить с подругой. Не понимаю толком, что произошло сейчас с нами всеми, но ясно одно — сегодня без чая.

Глава 19. Ревность

Лина

— Редкостная красавица, — Глеб заботливо убирает мне за ухо выбившуюся прядь волос.

— Ты ешь, — отвечаю ему, — так и перемена закончится, пока тупишь сидишь. — Он так и не прикоснулся к своему обеду, хотя сидим мы уже минут семь.

— Не туплю, а люблюсь своей любимой. Твои губы лучше любых макарон — один только взгляд на них насыщает меня больше, чем всякая еда. Жаль, что мы в жалком студенческом буфете, а не в ресторане, где я мог бы угостить тебя чем-то более изысканным.

— Я птица невысокого полёта, — пожимаю плечами. — Мне и в буфете неплохо.

— Привыкай летать выше, — Пожарский хвастливо улыбается, но знал бы он, как порой меня раздражают эти его реплики. Особенно сейчас, когда я с самого утра не в настроении.

— Как хочу, так и летаю. И вообще: я плаваю.

— Что у тебя случилось сегодня, плавающая рыбка? Не с той ноги встала? — он стёр с лица свою дурацкую ухмылку. Хотелось бы мне, чтобы этот же самый вопрос задала мне Людмила, но она где-то в другом конце буфета вместе с Князевым и Хомяковым. Уже несколько минут пытаюсь разглядеть их компанию, но каждый раз отвлекаюсь на Пожарского, сидящего напротив меня или на мелькающих мимо проходящих людей, что загораживают весь обзор. Выговориться хочется, а под рукой только Глеб всё время.

— Поругалась с подругой.

— С одноклассницей, которая в очках? Это ты её высматриваешь сейчас? — он делает движение головой в сторону, и сразу после этого я нахожу взглядом Ажинову. А ещё Михаила, Антона и ещё какую-то девушку, которую я не знаю. Что за чёрт?

— Нет, — отвечаю. — С которой я живу.

— Диана, кажется? — уточняет Пожарский.

— Да. Ты видел её позавчера, в понедельник, когда до дома меня проводил.

— И в чём суть вашего конфликта? — кажется, мой парень действительно готов меня слушать, а не только комплиментами осыпать да целовать, когда вздумается.

— Пустяки, если честно, — вздыхаю, отодвигая в сторону уже практически пустой контейнер с остатками риса.

— Осеннее обострение уже не актуально — последний день ноября всё-таки. Так что к чему эти ваши пустяки?

— Сама не пойму. В Диану бес вселился. Может, измена парня так влияет на неё, — мне вновь хочется вернуться взглядом к столику, где сидят мои друзья. Та девушка всё ещё с ними. Что если это и есть та незнакомка, по которой сохнет Князев?

— Значит это она напала? — интересуется Глеб, возвращая моё внимание.

— Угу. Именно напала. Говорит, я виновата в том, что её отшил тот парень, который нравится ей сейчас.

— Это как? — при упоминании какого-то парня Пожарский весь подобрался, готовясь слушать меня ещё более внимательно.

— Хотела бы и я знать. В субботу она у меня спросила как бы я поступила на её месте. Я ответила. А Васильева взяла и сделала так, как предположила я свои действия в такой ситуации. В итоге её постигла неудача, а виновата оказалась я. Якобы совет плохой дала,

подставила, подложила свинью и всё такое. Но я не давала ей совета и не говорила, как действовать. Это было её выбором: делать так или иначе. Что за чушь!

Диана решила таки признаться в симпатии тому, кто ей нравится. Сразу после разрыва предыдущих отношений. Подозреваю, что объект её симпатии не оценил от моей подруги такие быстрые перебежки от одного к другому. Или она ему просто несимпатична. В любом случае: при чём здесь я? Этим вопросом я задаюсь со вчерашнего дня, с того момента, как вернулась с пар и встретилась с яростным взглядом своей подруги. Сразу стало ясно, что злится она на меня. А на мой вопрос, в чём же дело, её прорвало так, словно сдерживающую плотину взорвали и вся вода огромными волнами обвалилась прямо на меня. Давно я не видела Васильеву в таком состоянии — уже почти забыла, какой страшной она бывает. Громко кричащей, раскрасневшейся.

— И правда, — соглашается Глеб. — Так что за ситуация и как бы ты поступила? — ему не интересна моя ссора с подругой. Сейчас он хочет выяснить каким образом во всю эту ситуацию втесался какой-то там парень.

— Это не важно. Имеет значение лишь изгнание бесов из Васильевой. Под одной крышей всё-таки живём.

— Ты верно, кстати, заметила сейчас, что это не один какой-то бес, — голос Пожарского стал ниже и грубей, а лицо максимально серьёзным.

— О чём ты?

— Я долго молчал, не желая расстраивать тебя и рушить твои отношения с подругой, но раз вы уже и без меня ругаетесь... — Мне совсем не нравится это его вступление.

— О чём молчал? — бросаю взгляд на неслышно смеющуюся Ажинову. На активно жестикулирующего Князева. На Хомякова, что тоже смеётся и смешно треплет свои волосы. Словно ищу поддержки в этих троих. Смотрю и на незнакомую мне девушку, что чувствует себя слишком непринуждённо рядом с моими друзьями. По крайней мере, она так выглядит.

— Твоя подруга пыталась мне наговорить о тебе всякого. Неловко говорить об этом, но думаю, что время пришло. Диана, похоже, запала на меня. Не пойми неправильно: я не нарцисс, которому мерещится, что все девчонки только и делают, что падают к моим ногам. Просто она не раз в весьма ненавязчивой и осторожной форме пыталась «спасти меня» от тебя. Говорила, что на самом деле ты не любишь меня и используешь мои чувства ради денег и развлечений, что я тебе предоставляю. Ну, знаешь, все эти наши походы по кафе и ресторанам и так далее... Она хочет рассорить нас. Чтобы я плохо подумал о тебе.

Я вспоминаю раздражение Васильевой при виде меня и Михаила в вечер субботы. Ей очень не понравилось то, что она увидела. Почти свершившийся поцелуй, который никто из нас троих после не обсуждал. Мне не пришло в голову, что этому нужно придавать какое-то особое значение. Моя подруга всегда была за всё правильное, честное и по правилам. А я их почти нарушила, будучи сейчас в отношениях с Глебом. К тому же: накануне ей и самой изменил её Коля. И вот сейчас посреди большой перемены и обеденного перерыва Пожарский рассказывает мне такие жуткие вещи. Так, нужно всё разложить по полочкам. Диане показалось, что Михаил влюблён в меня. Зачем она так сказала? Прощупывала почву? Я опровергла её версию, зная, что это точно не я. Затем она разозлилась от предположения, что я могу одновременно крутить обоими парнями. Защищала она при этом больше Князева, чем Глеба. «Тогда не нужно жалеть его. У тебя Глеб. Будь добра — не обижай Пожарского», — её слова произнесённые тогда. Значит ли это то, что влюбилась Васильева в

Михаила, а вовсе не в Пожарского, как говорит он сам? Зачем тогда пытаться разрушить мои отношения с ним? Чтобы он в порыве ревности отрубил мои последние возможности проводить время с другом детства? Или просто из-за своей злости и эмоционального порыва? Диана призывала меня к совести и просила сосредоточиться на своих текущих отношениях с «котом». Чтобы отстала от Князева... Это к нему она неудачно подкатила? Это из-за той незнакомки, что сидит сейчас за столиком с моими друзьями, отказал ей Михаил? Что вообще происходит?

— Какие странные вещи ты мне рассказываешь, — больше мне нечего ему ответить.

— Диана ведь не права? Я верю тебе, но скажи мне, — Глеб заметно напряжён в ожидании моего ответа.

— Нет, конечно, — раздражённо фыркаю. — Я не просила от тебя всего этого. Ты сам обваливаешь меня в... своём внимании, как котлеты при панировке.

Мне совсем не хочется произносить слово «деньги». Я действительно не жажду их. В этих отношениях я оказалась по какой угодно причине, но точно не по этой. У меня нет уверенности в том, что я люблю его, но в меркантильности меня точно не получится обвинить.

— Как рыбу скорее, — усмехается расслабившийся Пожарский в удовлетворении от моего ответа.

— Да уж.

— Будь осторожна с ней, — своё предостережение он сопровождает нахмуренными бровями.

— Буду, — провожаю взглядом уходящих из буфета друзей, особенно сосредоточившись на Князеве. Он, словно чувствуя, посмотрел на меня в ответ, не выдавая никакой эмоции, а затем мазнул взглядом по спине Пожарского и отвернулся, скрывшись вместе с другими в коридоре.

Если бы Васильева ставила перед собой цель рассорить меня и Глеба, то давно разболтала бы ему о еженедельных приходах Михаила к нам в гости по вечерам в один из выходных дней. Но Пожарский, смотрю, ничего об этом не знает. Иначе уже бы случилось извержение вулкана или что-нибудь в этом роде, учитывая его собственнические настроения. А также, разболтай она об этом, то это почти наверняка привело бы к тому, что мой парень вынудил бы меня перестать приглашать Князева к нам в квартиру. Тогда и сама Диана лишилась бы общества нашего общего друга. И всё-таки: Михаил, а не Глеб. Ох, Диана, неужели и ты попала в ту же френдзону, что и я?

Глава 20. Нужен перерыв

Лина

После вчерашнего откровения Глеба я ушла глубоко в свои мысли, не желая пока что-либо предпринимать. «Что я скажу Васильевой когда вернусь домой после пар?», — задавалась я вопросом. Мне и подумать-то было страшно, что я ей намекну о Князеве, а в ответ получу подтверждение своей догадке. Не хочу его получать. «Но получится ли у меня затолкать всё сказанное Пожарским в абстрактный мусорный мешок и выкинуть?». Первое время казалось, что мне это удаётся. Но во многом лишь благодаря озабоченностью увиденным в буфете — той незнакомкой. Гораздо больше меня волновал именно этот вопрос. Его я и задала ребятам тихим шепотом в начале послеобеденной пары, пока препод отмечал отсутствующих.

— Ишь, глазастая какая, — так же тихо усмехнулся Антон. — Как вообще кроме своего Глеба смогла кого-то разглядеть? На этом моменте он зачем-то пихнул локтем Князева, вызвав у того недовольный взгляд.

— Похоже, вы нашли мне замену, — ответила, стараясь придать шутливый тон. — Как такое не заметить?

— Без паники, Беляева, — заговорила Людмила. — Хоть ты и бросила нас в последнее время, но никто заменить тебя нам не сможет. Это Анька, которая у меня иллюстрации покупает для своего блога. Случайно встретились, вот и решили пригласить её к нам.

Дышать сразу стало легче. Аня — двоюродная сестра Михаила, которая учится на втором курсе на кафедре политологии и социологии политических процессов. Под присмотром своего отца, так сказать. Он у неё этой кафедрой и заведует. В общем, Князевы тут всё заполонили, как не раз шутил Хомяков.

— И которая моя сестра, — добавил Михаил.

— Я уже поняла, — ответила я под недовольным взором уже что-то заподозрившего препода. Самое время замолчать, если не хотим себе жизнь усложнять.

Что же, одной проблемой меньше. Незнакомка оказалась всего лишь сестрой. Но как только отпал этот вопрос, сразу замаячил другой — что делать с тем, что сказал Глеб? Вся пара, как в тумане. Она тянулась невыносимо долго, но вместе с тем мне хотелось, чтобы она не кончалась. Чтобы как можно дольше провести время вне дома, вдали от Васильевой.

Уже после, сидя в машине Пожарского, что подвозил меня домой после пар, я хотела только одного: не брать в голову всякие неприятные мысли и как можно скорей постараться от них отстраниться. Ну и пусть Диана влюблена в Михаила. Если и так, то что? Ладно. Не что делать с тем, что она обо мне наговаривает? Достало. Прочь это всё. Подумаю об этом позже. Но Глеб помешал моим планам и снова вернулся к обеденной теме:

— Что теперь делать будешь? — он на секунду мазнул по мне взглядом, а затем снова вернул всё внимание на слегка заснеженную дорогу с активным движением машин.

— Не знаю, — неловко пожала плечами под ограничивающим движения ремнём безопасности, надеясь, что от меня отстанут с этой темой.

— Ты не говори ей, что это я всё разболтал тебе, — продолжил он. — Я не стукач. Просто о тебе беспокоюсь и твоём окружении. Не хочу чтобы тебя обижали твои же друзья. Сделай вид, что сама догадалась.

— О том, что Диана в тебя влюбилась?

— О том, что за твоей спиной о тебе разные вещи говорят, — поправил он, огладив ладонью моё колено.

— Меня не обижают друзья, — посчитала нужным добавить.

— Рад слышать, — Глеб кивнул головой, завершая тему. Развивать её больше не было смысла, ведь дальше мы бы просто поругались. Пожарский прекрасно это понимал, так как у нас уже были споры о моих друзьях и моём желании проводить с ними время.

В квартире меня встретила тишина, но я точно знала, что Васильева уже дома — прихожая благоухала. Так и начался вчерашний вечер. Прошёл час. Затем два. Молчание между мной и Дианой несколько затянулось. Проходя мимо, например, в туалет или ванную, мы делали вид, что не замечаем друг друга. Я не знала, что сказать. Она, наверное, тоже. Просто каждая пряталась в своей комнате, не показывая лишней раз носу. Даже кухня пустовала и не распространяла аппетитные запахи.

Сегодня всё повторяется. Молчаливые утренние сборы на учёбу. Молчаливый вечер. Несколько раз я порывалась ворваться к ней в комнату и рассказать о разговоре с Глебом. Мне казалось, он всё мог преувеличить и неправильно понять мою подругу. Просто нужно в этом убедиться и успокоиться, избавиться от неприятного осадка внутри себя. Но подобрать слов никак не могла. Они всегда разбегаются в самые нужные моменты. Я ждала слов и от неё — может хотя бы она лучше меня справится с прерыванием тишины в квартире? Но пока лучше всего с этим справлялись настенные часы, работающая стиральная машина и холодильник.

Через час пищащий звук оповестил меня о завершении стирки, и я пошла в ванную извлекать чистое бельё из стиралки. Открываю дверь. У зеркала стояла и красила ресницы Диана. Она недовольно скосила на меня глаза в отражении и пробурчала:

— По включателю могла бы и догадаться, что ванная занята.

— Могла бы и закрыться, если покраска ресниц такое интимное дело, — меня задевает её тон.

— Теперь тебя ещё и стучаться в дверь надо учить? — этот оттенок её голоса нравится мне ещё меньше. Начинаю злиться.

— И правильно Мих говорит, что ты душнила! Я всего лишь не посмотрела на выключатель! С каких это пор мы друг друга стесняться начали?

— С тех самых, когда моя личная жизнь разрушилась до основания! — она отворачивается от зеркала и смотрит теперь прямо на меня.

— До какого основания? Дурочка что-ли? Тебе изменил парень, который тебе был уже не интересен! Это просто задетое самолюбие!

— Зато с твоим самолюбием всё в порядке! — резкими движениями закручивает тубик с тушью.

— Что ты сейчас имеешь в виду? — у меня возникает почти непреодолимое желание вырвать у неё из рук несчастный тубик и швырнуть об стену. Лишь бы как-то сбросить накопившееся за три дня напряжение.

— А то не понимаешь! — голос Дианы становится ещё выше и громче. Она, словно зная о моих мыслях, убирает тубик в карман джинс. Нарядных джинс. Просто это её любимые, и надевает она их только в особые случаи.

— А ты поясни.

Куда это она собралась?

— Два парня сразу. Не жирно ли будет? То мышь мышью, то вдруг коллекция «перчаток».

— Я же объясняла тебе уже. Мы снова по этому же кругу идём?

— И забудь про Колю — я не о нём речь веду! — соседи нас, наверное, уже ненавидят. Эхо повышенных голосов отскакивает от перламутрового покрытия настенной плитки.

— Я не заставляла тебя признаваться тому парню в симпатии, — говорю уже устало и тише.

— Уже не важно. Всё пропало, — Васильева, похоже, тоже выдохлась. Она вот-вот, мне кажется, заплачет.

— Что за драма? Я ничего не понимаю. Объясни же мне.

— Я так зла... — подруга всё же начинает плакать.

— Тушь потечёт. Успокойся, — совсем теряюсь. Не решаюсь подойти к ней и сказать толком ничего не могу.

— Как же я зла, — Диана снова поворачивается к зеркалу и осторожно, чтобы ничего не размазать, ватным диском утирает влажные следы от слёз.

— Я всё ещё не понимаю в чём моя вина, — говорю совсем уже тихо и спокойно.

— Я тоже. Точнее... — она прерывается всхлипом, но упрямо сдерживает новый поток слёз. Предложение своё заканчивать она не собирается.

— Куда ты собираешься? — перевожу тему.

— Хочу отвлечься. Да и нам с тобой нужен перерыв. С одноклассницами устраиваем девичник. Не теряй меня — прибуду завтра днём.

— Но завтра пятница. Как же пары?

— После пар прибуду. Не так выразилась.

— Понятно.

— Когда ты там с котом потеряться планируешь? — спрашивает уже успокоившись окончательно. — Случайно не завтра?

— Намекаешь на то, что и мне нужно где-то погулять?

— Ко мне родители хотят с ночёвкой приехать... Выручишь? Надеюсь, вы уже достаточно близки с Глебом, чтобы провести ночь в одной квартире? Если нет, то я что-нибудь другое придумаю или...

— Конечно. Без проблем.

— Спасибо, — она даже улыбнулась мне.

Почему я согласилась? Потому что вот буквально только что Васильева устраивала истерику, и я просто не смогла иначе. Похоже, ночь с пятницы на субботу пройдёт для меня несколько необычно. Но точно не у Пожарского дома — к такому повороту я совсем не готова. Придётся проситься к кому-нибудь другому. Но к кому?..

Глава 21. В поисках ночлега

Лина

Обернувшись туда, где должна была бежать Людмила, одновременно прикасаюсь ко лбу, чтобы вытереть выступивший пот и мысленно молюсь за то, чтобы со мной всё было в порядке. Сердце вот-вот выскочит из груди и продолжит бег уже без меня, еле переставляющей ноги. Они будто ватные. Физрук сегодня по особенному жесток с нами: какой по счёту круг мы уже бежим по освещённому полуденным солнцем спортзалу? Эта пара длится просто бесконечно. Ажинова плетётся в метре от меня и с трудом улыбается, качая головой. Она явно думает о том же, о чём и я. Мы обе ненавидим физрука. Петровича, как все его называют, сейчас спасает только то, что бежим мы последний заход и далее у нас десятиминутный перерыв с позволения его усатого величества. Но если кто и был против жёстких методов препода, то все об этом молчали, послушно выполняя указания ради начисления баллов для предстоящего зачёта. И это не просто моё нытьё. Ведь даже спортивный Михаил и некоторые другие парни из нашей группы как-то высказались, что предпочли бы наворачивать круги или стоять в планке под командованием кого-нибудь другого — желательно без отчества «Петрович». Мы даже на «Петровна» уже не согласны, если совсем уж говорить откровенно.

— Давай, Люд, догоняй, — почти умоляю подругу. — Всего три метра осталось!

— Чушь! — пыхтит она в ответ, но старательно делает шаги шире. — Ещё целых три метра! А не всего... Ох, я умираю, не могу уже...

Её красные щёки и прилипающие к ним тёмные пряди волос не оставляют сомнения в произнесённых словах. Ажинова равняется со мной, хотя и не без моего в том участия с намеренным замедлением. Последние выстраданные несколько секунд, и вот мы у финиша. Норматив выполнен — можно отправляться на скамейку отдыхать. Одна из них уже занята теми девочками, что прибежали вперёд нас. А вот все наши парни всё ещё скрипят подошвами кроссовок по потёртому деревянному полу — им на два круга дольше бежать. Нахожу взглядом Князева с Хомяковым и думается мне при виде их бодрых улыбок, что они-то в отличие от нас, живее всех живых.

— Ты как, в порядке? — сама почти задыхаюсь, но не могу не спросить.

— Я всё же хочу взять справку, прости. Это просто невыносимо. — Людмила со стоном садится на скамью, вытянув вперёд ноги. — Я к Петровичу больше ни ногой!

Её высокий хвост растрепался, делая весь вид девушки немного безумным. Да и отсутствие привычных очков, которые она снимает перед парой, превращают Ажинову в немного другого человека.

— Я бы на твоём месте давно перевелась, — отвечаю ей. — Уноси ноги, пока ещё целы.

Людмила давно могла бы прекратить свои мучения и перевестись в ту половину нашей группы, которая имеет ограничения по здоровью. Они тоже посещают физкультуру, но у другого препода, и занимаются они там, блин, гимнастикой, а не попытками сделать из себя отбивную, в отличие от нас. А подруга вместо того, чтобы взять справку у офтальмолога и победоносно сверкнуть стёклами своих очков, зачем-то мучается здесь со мной. Скучно ей там, видите ли, будет без моей компании.

— Лин, хотим сходить с Андреем в какое-нибудь новое для нас место, а ты у нас знаток всяких мест для свиданий. Была в кофейне на «Молодёжной» улице? Хочу там капучино

попробовать. Есть, например, с сиропом и со сливками. Что посоветуешь?

Если бы мне ещё пару месяцев назад сказали, что я знаток мест для свиданий, то я бы знатно повеселилась. Но вот она — новая реальность.

— А знаешь... Я плохой советчик. Чтобы давать людям советы для счастливой жизни, я должна сперва нормализовать и улучшить свою. В моей же одно сплошное дерьмо.

— Лиана, какое дерьмо — о чём ты? — непонимающе хохотнула Людмила. — Всё у тебя прекрасно, все завидуют и слюнки пускают на твою жизнь.

— И мой единственный тебе совет: не давай людям советы, — пожалуй, слишком серьезно закончила я свою речь.

— Лиана, я всего лишь спросила какой каппутино на твой взгляд заслуживает моего внимания. В чём дело? — наверное, я вчера именно так же смотрела на Диану во время нашей «милой беседы» в ванной. С полнейшим непониманием происходящего.

— Давай я тебе в «Вконтакте» позже голосовым сообщением расскажу. Сейчас у меня более важный вопрос: могу ли я у тебя заночевать сегодня?

— Ой, Беляева, удивляешь всё больше и больше, — Ажинова в растерянности утирает ладонью пот со лба. — Не могу пустить тебя, прости... У меня Андрей... Что случилось? С Пожарским проблемы?

— Нет, нет. Всё нормально.

Я кратко рассказываю ей о приезде родителей Васильевой и что-то невнятно говорю про стеснительность и неготовность ночевать у Глеба в квартире. А для надёжности добавляю, что он к тому же в ночную смену сегодня работает и не сможет со мной возиться. Что, кстати, чистая правда. Работа барменом — дело такое.

К кому теперь обратиться? Я снова смотрю на бегущего Князева. К нему? Сердце затрепыхалось от этой мысли, но что мне остаётся? Если сунусь к родителям, то точно начнутся расспросы обо всё на свете: как учёба, что по мальчикам, достаточно ли хороши мои друзья, моё питание и прочее. А Михаил... если и задаст какие вопросы, то не покажутся они столь раздражающими. Переживать мне стоит совсем о другом — он слишком красив. Какого чёрта на нём футболка с короткими рукавами, не скрывающая вылепленных в качалке мышц? Даже то, что он руками при беге размахивает, не мешает мне их разглядывать. Вот почему Князев не может быть для меня, как Антон — просто смешным и приятным?

Во время перерыва на физкультуре, когда парни тоже отправились на заслуженный отдых, я не стала обращаться к другу с таким вопросом. Слишком много ушей рядом. А если отошли бы в сторону, то Людмила бы не так поняла, теперь уже зная после нашего разговора, что меня сейчас волнует. Как только прозвенит звонок, меня заберёт Пожарский. Остаётся лишь одна пара, и затем домой. С Глебом в машине. Он настолько озабочен тем, чтобы присматривать за мной, что порой даже готов пропустить последнюю свою пару лишь бы меня отвезти. В общем, времени у меня совсем мало.

Прогноз уже сбывается — едва ли успеваю выйти из спортзала после звонка на перемену, как рука Пожарского хватается за мою и увлекает меня в небольшую зону отдыха в коридоре, где есть диванчики. Мы садимся на один из них, пока я провожаю глазами спины своих друзей. Они привыкли и не ждут меня. Там, на слегка продавленном сером диване из кожзаменителя, совершенно никого не стесняясь, Глеб крепко целует меня в губы, и я едва держусь, чтобы не начать отодвигаться. Я, в отличие от него, не привыкла к публичной

демонстрации чувств. Всю перемену я провожу с ним. И вот, спустя минуты, он провожает меня до нужной мне аудитории, ведь совсем скоро звонок.

Это мой последний шанс. Анна Ивановна, любимая преподавательница Хомякова, совсем не строга и не следит слишком бдительно за каждым из нас. Поэтому Людмила тихонько посиживает в своём телефоне, совсем не интересуясь философией, а Антон наоборот слишком сильно заинтересован и не обращает никакого внимания на нас.

— *Мих, могу я у тебя заночевать сегодня?* — пишу на самом последнем листе своей тетради и тихо, как можно незаметней, пихаю его локтем. Князев повернул голову в мою сторону с немым вопросом в глазах, но сразу понимает куда нужно смотреть.

— *Что случилось?* — его рука с ручкой движется быстро и размашисто. — *У тебя проблемы?*

Закончив, он уставился на меня с такой серьёзностью, что мне заёрзать захотелось. Он и в самом деле обеспокоен. Это слишком приятное наблюдение. До мурашек.

— *Проблем нет. Потом расскажу. Ну так что?*

— *Конечно, можно.*

Я с улыбкой киваю ему и переворачиваю тетрадные страницы в прежнее положение, завершая нашу переписку. Только вот Михаил снова поднимает их, столкнувшись при этом с моими пальцами, и что-то пишет ещё. Своими тёплыми щекотными пальцами с аккуратными чистыми ногтями... Они в два раза крупней моих... А на мизинце у Князева небольшой шрам. Такой же привлекательный, как родинка, что располагается у него на ключице и всё время притягивает моё внимание.

— *Ты не переживай, если что,* — читаю я его писанину. — *Сегодня вечером малой придет и в квартире мы с тобой будем не одни.*

Ох, не об этом я переживаю, Мих, совсем не об этом... А о том, как бы не выдать себя с головой, не показаться жалкой. Я, вообще-то, даже расстроилась такому известию. Чего это Тимофей решил приехать именно сегодня? Спустя своё долгое отсутствие. Он всё испортил.

Так.

Стоп.

Испортил что?

Михаил

Сегодняшний день полон сюрпризов. С утра, на пять минут раньше моего будильника, вдруг неожиданно написал Тимофей с вопросом можно ли ко мне на выходные приехать. Спросонья я беззвучно рассмеялся. Я лежал в постели и гадал, с чего бы это. Два месяца прошло с тех пор, как видел малого в последний раз. Ну, пусть приезжает. А днём ещё и Лина попросила о ночлеге. Может, к вечеру ещё кто попросится в гости? Можно поспорить на что угодно: я пользуюсь успехом. Точнее: моя квартира. Это напомнило мне о Антоне с его вечными спорами обо всём.

— Давай поспорим на то, что союз Беляевой и Пожарского не протянет до конца декабря? — веселился Хомяков буквально сегодня во время наматывания кругов на физкультуре.

— Во-первых, я просил больше не дразнить меня, — на ходу довольно ощутимо толкаю его в плечо, заставив запнуться. — Во-вторых, спорить с тобой больше давно никто не хочет.

— Так, а причём здесь ты? — пыхтя от бега, толкает меня в ответ. — Я про тебя вообще никак в этом споре не говорю. И ответь: почему это со мной спорить никто не хочет?

— Сам знаешь.

— Потому что выигрываю всегда? — его тон слишком самодоволен.

— Корона не жмёт? — провожу ладонью по слегка влажному от физической нагрузки лбу.

— В этом споре я бы тоже выиграл. Вот увидишь.

Окончательно разозлившись на него, смолчал, понимая, что слова, роящиеся у меня в голове, никак не хотят складываться в правильные и бесстрастные фразы. Я был бы рад такому исходу, но что с того? Спорить с другом на эту тему всё равно не буду.

А затем и случилась эта пара философии, на которой Беляева смогла меня удивить даже ещё больше, чем Тимофей с утра. Вот что за день сегодня такой? Подозрительно весёлый я становлюсь из-за всего этого. Хотя и кольнуло беспокойство: чего это с этими двумя произошло? Особенно меня волнует Лина. Почему она обратилась с такой просьбой именно ко мне, а не к своему Бутчу? Если он её обидел, то я вмиг забуду о своём намерении не вмешиваться в их отношения — за такое не жалко и кулаки разбить. Но когда я уже второй раз написал в её тетради «Точно всё в порядке?», Беляева в ответ утвердительно кивнула и одними губами прошептала: «Да». Настаивать далее не стал. Всё равно ещё целый вечер и ночь впереди... И утро... Хорошо всё-таки, что малой приезжает сегодня, а то я бы точно не справился один на один с Линой в одной квартире.

Домой сегодня мчался быстрее обычного. Место, скажу прямо, мало приятное. Я должен успеть навести хоть какой-то порядок в квартире до момента приезда подруги. Для малого бы не старался, а вот она будет у меня впервые. Не хотелось бы, чтобы её первый приход ко мне вызвал ужас и желание перекреститься. Всего час, и вся посуда помыта, пол блестит, кровать заправлена, разбросанная одежда прибрана в шкаф. Теперь не так и страшно и болотом не обзовёшь. Беляева звонит мне ещё через полчаса: «Мих, минут через пять буду у твоего подъезда!». Встретил, беспардонно стянул и забрал с её плеч небольшой рюкзачок со всем необходимым для ночёвки вне дома, открыл перед ней дверь, пригласил внутрь. Она стоит, озирается по сторонам, хмыкает и кивает каким-то своим мыслям.

— Тоже двухкомнатная, — говорит она, и я понимаю о чём она только что думала.

— А я не говорил разве? — спрашиваю, аккуратно ставя её рюкзак на пол.

— Может и говорил, но я не помню.

— Ну, вот. Теперь своими глазами видишь, что тесно нам троим не будет. Я с родителями здесь жил в детстве. Конечно, в однокомнатной нам было бы трудно, а тут уже и малой на подходе был. Но он здесь пожить не успел — переехали из города ещё до его рождения.

— Понятно, — она снова кивает, принимаясь снимать с себя куртку и шапку. Я не отстаю.

Куда мне отставать? Я настолько в тонусе сегодня, что даже тортик купить успел, заскочив в магазин по пути домой. словно праздник какой случился. Антон бы точно высмеял, и получил бы от меня за это. За непонятливость. Надо почаще его по поводу Анны Ивановны доставать — глядишь и веселиться за мой счёт желание потеряет. От торта, кстати, Лина не отказывается и мы успеваем быстренько попить чай. Я время от времени поглядываю на часы в телефоне, чтобы вовремя выехать встречать младшего братца, но всё остальное время мой взгляд прикован к девушке. Так странно, что она здесь. хлопает пушистыми ресничками, смешно морщит носик при смехе. Не сплю ли я?

Нет, это реальность. Её рука, случайно коснувшаяся моей, когда мы вместе входим в ванную, чтобы я мог всё показать и рассказать, ощущается очень по-настоящему. Запах малины, исходящий от светлых волос, не обманывает меня — он действительно щекочет мои нервы и покалывает кончики моих пальцев, желающих коснуться и ощутить мягкость девичьих прядей. Похоже, непросто мне будет сегодня. В эти минуты отчётливо понимаю, что что-то может выйти из под контроля в ближайшие часы. И никакой Тимофей не помеха. А что же сама Лиана? Она вовсе не шарахается от меня, как уже было ранее. Впрочем, это лишь говорит о равнодушии...

— Ну, всё, рыбка, — говорю, стоя у порога. — Я побежал, скоро прибудет автобус малого. Оставляю тебя пока одну, сильно не скучай, скоро будем.

Сейчас было бы здорово чмокнуть её хотя бы в кончик носа, но кто я такой? Вместо этого по-дружески треплю пятернёй её волосы, заставляя девушку возмущённо вскрикнуть и откинуть мою руку.

— Эй, не наглей, Мих! А то скучать не буду!

— Это тебе вместо невода! — припоминаю ту самую «знаменитую» школьную сценку.

— Вали уже! — смеётся.

И я свалил. С широкой улыбкой на лице, не стесняясь своего озорного настроения. До чего чудесный день! За что мне это? Я даже о приезде Тимофея начал жалеть — слишком тепло и уютно было нам сейчас вдвоём в тесноте моей кухни.

Опоздал я всего на минуту. Братец, насупив брови, сидит на скамье в прохладных стенах вокзала и болтает ногами. Ему приходится их поджимать, чтобы на скрести ими по плитке. Слишком высоким вымахал и подобным образом веселиться уже не так удобно. Сидит в шапке, в чёрных новеньких ботинках, тёплой, но модной куртке — всё, как положено. Тоже с рюкзаком, который я тут же отнимаю. Непривычно стеснительный, зажатый.

— Малой, ты ли это? — смеюсь, готовясь как следует оторваться на брате. Уж больно настроение сегодня хорошее.

— Может быть, — вскакивает со скамьи и старательно делает дерзкий вид, но видно,

что нервничает и чувствует себя не в своей тарелке. Ещё и выбившаяся из под шапки рыжая прядь от чёлки смешно торчит.

— Сто лет тебя не видел! Уже и забыл как выглядишь... — закидываю его рюкзак себе на спину. Немного тяжелей, чем у Беляевой.

— Отлично выгляжу, как и всегда! — а он не изменился.

— Малой, это точно ты? — включаю актёрскую игру на максимум. Даже тянусь пальцами, чтобы пощупать для убедительности — мой ли это брат.

— Да хватит уже! — отскакивает Тимофей от меня, рукой отряхивая рукав своей куртки, хотя я к нему ещё не успел прикоснуться.

— Малой-то у меня отлично не выглядит обычно, — жалостливо качаю головой. — Кто ты такой? А ну признавайся!

— Не смешно, братишка, — бурчит он недовольно.

— «Братишка»! Вот теперь узнаю! С отцом что-ли повздорил? Просто так бы ко мне не просился после двухмесячного молчания.

А ведь ровно два месяца я его и не видел. В последний раз второго октября, а сегодня как раз уже второе декабря. Как будто дату специально выбирал! И всё же по немой реакции младшего понимаю, что попал точно в цель своим предположением. Отец Тимофея за что-то отругал, а тот теперь ко мне прятаться примчался. Ну, прячьтесь, гости дорогие. Пользуйтесь моей добротой и тем, что люблю вас.

Вваливаемся в квартиру, а она не пустая! Всё ещё не перестаю удивляться. Лина, заслышав наши голоса в прихожей, выходит нам на встречу, а затем резким движением протягивает малому ладонь ребром вверх.

— Ой! — тот удивился, но, к счастью, не шарахнулся в сторону, а пожал протянутую руку. Я хоть и предупредил его о госте, а мелкий всё равно уставился на неё во все глаза. Да, красивая. Понимаю.

— Ну, привет, — здоровается с ним Беляева, трясая их сцепленные ладони в воздухе. — Это ты у нас «малой»?

— Странно, — ожил он в лице, — а братишка говорил, что ты добрая и милая! Сама обзываешься сразу! Ты выше меня всего на половину головы!

— Да ладно, — отпускает она его руку. — Меня вот вообще рыбой обзывают, и ничего — живу!

— Золотая рыбка и рыба это не одно и то же, — вмешиваюсь.

— А братишка как раз рыбку жареную любит! — не остался Тимофей в долгу. Сейчас он будет мне мстить. Ему смешно, а я глаза не знаю куда деть. Сразу мысли не те в голову полезли, и Беляева молчит — улыбается только неловко. Речь же просто о еде — остынь!

— А ты что любишь? — спрашивает Лина у малого. — Можем доставку заказать сегодня... — а это уже мне.

— Я люблю когда братишка по утрам ходит в трусах по дому и ждёт пока я освобожу туалет. Мне очень весело тогда! — Тимофей, уже не скрывая своего издевательства над мной, просто начинает хохотать. Лина снова в молчании и просто улыбается. Ей тоже хочется смеяться — я вижу это по смешинкам в её глазах.

— Да, доставка это хорошая идея, — отвечаю.

Но насколько хорошей идеей было соглашаться приютить своего братца? Покоя же теперь не даст.

— Вы раздевайтесь, — машет Беляева на наши куртки, что всё ещё на нас. — чего

встали? У нас много дел: надо выбрать, что заказать на ужин, какой фильм посмотреть и при этом ещё успеть экономической социологией позаниматься!

— Только не до трусов, братишка, раздевайся! Не перепутай: утро ещё не наступило! — посчитал Тимофей смешным своё высказывание и сам же со своей шутки и посмеялся. — Вот петухи кукарекают, — продолжил он, раздеваясь, — а братишка полуголый бегаёт.

— Так, — несильно хватаю малого за ухо, — снимай свои ботинки и марш руки мыть!

— Ай! — преувеличенно громко кричит он. — Вызывайте опеку, полицию и скорую!

Лина, наблюдая всю эту клоунаду, уже не сдерживаясь, начинает звонко смеяться. Я, как вирусом от неё заражённый, смеюсь в ответ, выпуская ухо малого на свободу. Не знаю куда смотрит младший, а вот мы с Беляевой смотрим друг на друга и не можем остановиться. До покалывания в животе, до слёз. До желания крепко-крепко сжать её в своих объятиях и не выпускать.

Лина

Конечно, Глеб снова оповестил о своём намерении подвезти меня. «Никуда без меня не убегай после философии, я отвезу тебя домой», — высветилось сообщение на экране моего телефона. Князев, успев прочитать его, криво усмехнулся, но ничего не сказал. Наша с ним «тетрадная переписка» завершилась ещё час назад, и теперь мы, как примерные студенты, внимали словам Анны Ивановны. Хотя ничего интересного она сегодня не говорила. Разве что только для Антона, но я не он.

Через полчаса я сидела в машине Пожарского. Он, как и обещал, подвёз меня до дома. Мы скоро распрощались, так как у него сегодня вечерняя смена в баре. Но уезжать тем не менее не спешил: ждал пока я поднимусь наверх и затем помашу ему рукой в окно. Диана считает это ужасно романтичным, а я просто не понимаю для чего это делать. Но всё же послушно соглашаюсь с ними обоими.

Квартира, кстати, оказалась пуста — Васильева ещё не появлялась. Видимо, увидимся мы с ней только завтра вечером, когда уже уедут её родители, а я вернусь от Михаила. Странно, но за всё время, что я собираю средства гигиены в рюкзак, меня ни разу не посетило беспокойство о предстоящей ночи. Только слепое предвкушение чего-то тёплого и радостного. Мне мало обмена сообщениями в «Вконтакте», редких реплик во время пар и совместных занятий по экономической социологии раз в неделю. Да и даже они неполноценны под «присмотром» Дианы. Хочется больше. И сегодня я это получу. Больше общения, контакта глазами, и я смогу представить, что всё не безнадежно. Хотя бы на одни сутки я смогу поверить в это. А затем снова вернусь в жестокую реальность, где должна быть примерной девушкой крутого и замечательного во всех смыслах парня, что любит меня до потери пульса, как говорит он сам.

Но это всё потом. Сейчас у меня на спине собранный рюкзак и полная готовность держать путь на встречу своему скромному приключению. Таким образом, совсем скоро я уже топталась на пороге квартиры Князева. Он, как самый настоящий гостеприимный хозяин, провёл мне небольшую экскурсию по своей «берлоге», заранее показав подготовленную для меня комнату с двухспальной кроватью, на которой лежала стопка чистого белья, ещё пахнущее стиральным порошком. А затем и вовсе усадил в кухне за стол, намереваясь накормить тортом и чаем.

— Чёрный или зелёный? — спрашивает он меня.

— Любой. Какой первый в руку тебе прыгнет, такой и наливай.

Налил он мне чёрный, и себе такой же. Конечно, не обошлось и без ещё одного вопроса:

— Почему обратилась за помощью ко мне, а не к Бутчу? И что вообще случилось?

— Его Глебом зовут, — привычно поправляю друга, но совсем не обижаюсь на него. — Потому что не готова ещё находиться с ним в таких обстоятельствах... — в общем, я вынуждена объяснять Михаилу всё то же самое, что и Людмиле. Рассказываю ему также о приезде её родителей и о невозможности Людмилы приютить меня сегодня. Вижу недоумение и вопрос в глазах друга, и понимаю, что у Михаила возникнет один резонный вопрос. И он его задаёт:

— А моя компания в тех же самых обстоятельствах тебя не смущает?

— Мы не одни — с нами Тимофей.

— Но ты не знала заранее, что он тоже будет здесь ночевать.

— Мих, — вздыхаю, — с Глебом у меня отношения и относится он ко мне особенным образом, а ты друг.

— Более безопасный вариант? — в его голосе звучит непонятная мне ирония.

— Именно.

Как-то так получается, что рядом с Князевым я действительно ощущаю себя в большей безопасности, чем с со своим собственным парнем. Да, отчасти дело действительно в том, что я только что сказала ему. Пожарский бы не ограничился тортиком с чаем. Он бы полез с поцелуями, объятиями и, может, под влиянием обстоятельств, захотел бы чего-нибудь ещё. Но я не хочу, не готова.

Чай по итогу мы закончили пить совсем быстро, так как Михаил часто смотрел в свой телефон, чтобы удостовериться, что успевает к приезду младшего брата. Мы ещё успели немного пошутить о своих одноклассниках и студенческих буднях, но вот уже пришло то время, когда пора мчаться на вокзал.

— Ну, всё, рыбка, — говорит друг, стоя у порога. — Я побежал, скоро прибудет автобус малого. Оставляю тебя пока одну, сильно не скучай, скоро будем.

Только открываю рот, чтобы что-нибудь ответить, как неожиданно мужская рука оказывается на моей голове и наглым образом наводит там беспорядок, трепля мои зачёсанные в хвост волосы.

— Эй, не наглей, Мих! А то скучать не буду! — уворачиваюсь от его руки.

— Это тебе вместо невода! — шутит он, и я, конечно, понимаю, о каком именно неводе идёт речь.

— Вали уже! — не сдерживаю смеха. Когда-нибудь этот случай из детства перестанет быть поводом для шуток?

Дверь за ним закрывается, и я оказываюсь в тишине пустой квартиры. Квартиры, в которой живёт молодой мужчина. Не могу сдержать любопытства: прохаживаюсь по обеим комнатам, ненавязчиво осматривая окружающую обстановку. Не нахожу рамок с фотографиями, сувениров или даже магнитов на холодильнике. Однако, видно, что здесь присутствует человеческая рука: на балконе сушится одежда, рабочий стол завален лекционными тетрадями, что соседствуют рядом с ноутбуком. Ничего особо интересного и цепляющего взгляд, а почему-то тепло и хочется улыбаться. Особенно от одного моего наблюдения: Михаил, очевидно, предоставил мне именно свою спальню. Здесь и кровать имеется, а не просто диван, и шкаф забит вещами. Вторая же комната, судя по наличию рабочей зоны, используется, как кабинет.

Чтобы убить время, заправляю кровать предложенным хлопковым постельным бельём, а затем созваниваюсь с матерью, чтобы выполнить своё дочерний долг и узнать как у них с отцом дела, и заодно о своих рассказать. Так, за разговором время пролетело совсем незаметно. Соскучиться всё же я не успела — слышу щелчок входной двери, сообщивший мне о том, что я больше не одна. Сразу выбегаю в прихожую, чтобы впервые познакомиться с младшим братом Михаила, который оказывается довольно забавным подростком со своими странноватыми шутками и желанием кривляться. Помню, ему одиннадцать. А ещё помню, как точно так же сама, будучи подростком, пыталась таким образом привлечь к себе внимание незнакомых прежде взрослых.

В какой-то момент Тимофей вдохновился своим чувством юмора настолько, что

принимается шутить о Михаиле бегущим по утрам в одних трусах и жаждущим при этом попасть в туалет. Мне и смешно и неловко одновременно — даже не знаю какое из этих чувств во мне сильнее. Но одно могу сказать точно: мне ещё долго будет видеться в голове образ Князева расхаживающего в одном нижнем белье. Фигура у него подтянутая, спортивная... Ох, Тимофей, куда же ты меня привёл в моих фантазиях и как мне теперь отсюда выбраться?

Дальше становится легче. Я отвлекаюсь на обсуждение доставки еды, в ходе которого мы трое решили обнаглеть и заказать себе роллы. Достаточно ли это по-студенчески? Денег у меня не так много, но кое-что от редких подработок с раздачей листовок имею. Только вот Михаил категорически отказывается принимать мою долю и оплачивает заказ самостоятельно со своей банковской карты.

— Чтоб я так жил! — Тимофей не скрывает радости: и торт в холодильнике, и роллы скоро доставят. Не жизнь, а сказка! Мы втроём сидим на диване, а напротив стол с ноутбуком Михаила. Я, затем «братишка» — хозяин ноутбука, и после «малой».

— Работать надо, чтобы деньги на вкусняшки были! — назидательно сообщает брату Михаил, переключая на другую вкладку в браузере, где мы собираемся искать фильм для совместного просмотра. После слов друга я вспоминаю случай с пропажей денег в его куртке. Разобрался ли он с этим?

— Ты не работаешь, а в качалку ходишь! — заспорил младший. — За такое деньги не платят, а забирают!

— Забирают, — соглашается Михаил. — А если курсовые на заказ пишешь, то платят. Так что учи русский и литературу нормально, а не делай каждый раз вид, что дурачок!

— Кто же виноват, что объяснять ты не умеешь! — Тимофей спорит с такой ещё детской непосредственностью, что я едва сдерживаю улыбку. Сидя по левую сторону от старшего из братьев, наблюдаю их перепалку, время от времени опуская взгляд на наши почти соприкасающиеся предплечья. Мы оба в футболках с наполовину открытыми руками. Тонкие и гладкие мои, и более крупные его, покрытые тёмными волосками. Если Михаил случайно отклонится в мою сторону, то я смогу ощутить тепло его кожи... А если наклонюсь я, то...

— Лина вот не жалуется на мои преподавательские способности! — вдруг пихнул меня друг сам, поворачиваясь ко мне лицом. — Правда же? — и улыбается, словно никакой искры только что не проскочило. Только я это ощущаю?

— Правда, правда, — отвечаю.

Спустя ещё долгие споры мы с большим трудом смогли выбрать такой фильм, который был готов смотреть каждый из нас. К тому времени как раз доставили наш ужин, настойчиво трезвоня в домофон. Ещё пара мгновений, и площадь стола заполняется вкусно пахнущими коробочками с роллами внутри. Отлично! Все уже голодные — необходима срочная операция по спасению наших желудков! Быстро вскрываем это всё, раскладывая салфетки, соевый соус и васаби. После я села, откинувшись на спинку дивана, подогнув под себя ноги. Михаил устроился рядом, опираясь локтями на стол, молча глядя на экран ноутбука с заготовленной видеозаписью, стоящей на паузе. Тимофей же застрял в кухне в попытках найти там идеальную для себя вилку, так как обычными палочками есть не умеет. Он гремит там в ящике со столовыми приборами, а мы сидим молчим. Волнительно. Хорошо что Князев не смотрит на меня сейчас. Но только я подумала об этом, как он тут же откидывается назад, как и я, и, по-прежнему ничего не говоря, просто смотрит на меня,

кажется, целую вечность. А в глазах что-то тёмное и влекущее... Хочется нырнуть с головой, быть убаюканной этими волнами, чтобы они успокоили мой пульс. Михаил поднимает руку и тянет её к моему лицу...

Глава 24. Запретный плод

Лина

Михаил поднимает руку и тянет её к моему лицу... Длинные пальцы огладили мою щёку, заставляя всё тело замереть, в попытках ухватиться за каждую прожитую секунду такого, казалось бы, нехитрого действия.

— У Бутча хороший вкус, — тихо, едва ли не шёпотом, произнёс Князев, убирая руку.

— Его не так зовут, — почти хриплю.

— Да, знаю. Его зовут Глеб, — кривая ухмылка. Он двигается ближе к столу, отдаляясь от меня, ровно за секунду до того, как вбегает Тимофей с победоносным видом, сжимая вилку в кулаке.

— Я нашёл! — громко оповещает он, плюхаясь по другую сторону от Михаила. Вот и всё. Ещё один момент остался в прошлом. Фильм снимается с паузы, и мы начинаем есть.

Первые минуты я смотрю не очень внимательно. Впервые в жизни мысленно упрекаю себя в том, что так сильно увлеклась в своих фантазиях о парне. Никогда ещё я не чувствовала такого влечения к кому-либо. Мне казалось, что согласие на отношения с другим спасёт меня. Я думала, что все эти любования Князевым были лишь некими сигналами о том, что пора стать взрослей. Но упрямое желание видеть в Михаиле не просто друга никуда не делось. Оно внутри, оно вцепилось в меня крепко-крепко и не отпускает. Если так продолжится и дальше, то скоро моё противостояние с самой собой достигнет высшей точки — что из этого выйдет?

Полтора часа прошли незаметно. Совсем не так, как они проходят во время пар.

— Ну, что вы скажете? — спрашивает нас Михаил, когда титры забежали по экрану, завершая картину.

— Что так не честно: ты же обещал что-нибудь про грабителей, а не про собак! — возмутился Тимофей, хотя смеялся он не меньше нас всё это время.

— А о честности мы с тобой ещё отдельно поговорим, — заверил Князев своего младшего брата, а тот и замолк, насупившись.

— Хорошая комедия, — вмешиваюсь, разбавляя атмосферу. — Мне понравилась. Почаще бы на такие натекаться!

— Согласен, — отвечает Михаил.

Убираем опустевшие коробки, выбрасываем мусор, наводя порядок на столе. Тимофей просится поиграть в какую-то игру, установленную на ноутбуке, и Михаил ему разрешает. Сами же решаем, как обычно, заняться экономической социологией в кухне, так как время ещё не очень позднее — семь вечера. Договаривались об этом заранее, так что я не забыла закинуть в свой рюкзак рабочую тетрадь для практических занятий. Садимся за стол друг напротив друга, и опять молчим.

Я чувствую себя взволнованно, вспоминая наши прошлые встречи, каждая из которых засела в памяти, как бережно засушенный между книжных страниц цветок. Это наше занятие отличается от других. Да, нет Васильевой, но есть Тимофей. Только вот ему, в отличие от моей подруги, совсем не интересно пить с нами после занятия чай — куда больше радости приносит ему игра в ноутбуке старшего брата. Есть и ещё одно важное отличие: я в квартире Князева, на его территории, и здесь всё пропитано им. Каждая мелочь, будь то ботинки у входной двери, гель для душа в ванной комнате, или книги на столе: всё

говорит о том, что он здесь живёт.

— Ну, начнём? — спрашиваю, прерывая молчание. Михаил не реагирует. Смотрит немигающим взглядом, и по его лицу не могу понять, о чём он думает сейчас, глядя на меня.

— Мих?

— Да, — отвечает, но ничего не меняется.

— Сессия уже в этом месяце, — продолжаю заполнять тишину. — Но теперь, благодаря тебе, Аркадий Евгеньевич мне не страшен.

— Да, всего десять дней осталось до его зачёта, — Князев резкими движениями принимает хватать наши тетради и учебник, складывая всё в одну стопку. Что он делает? — Но давай отложим на потом. Что-то я устал.

Он вскакивает с табурета и устремляется к выходу из кухни.

— Это из-за нас с Тимофеем? — тоже встаю в тот момент, когда друг проходит мимо меня. Он останавливается, глядя на меня со странной эмоцией. Словно озабочен чем-то, подавлен.

— Нет, — отвечает тихо, быстро клюнув губами меня в щёку, и ушёл. Ушёл, оставляя меня одну с громко скачущим от маленького потрясения сердцем. Михаил никогда так не делал в отношении меня. Наш максимум — объятие.

Прошло несколько минут прежде чем я успокоилась и решила выйти из замкнутого кухонного пространства. Тимофей, ничего вокруг не замечая, активно щёлкает клавишами и нервно жуёт губы — играет. А Михаил, судя по шуму из ванной комнаты, принимает душ. Делать особо нечего, и я решаю отправиться к себе в комнату. Вскоре как раз звонит Людмила похвастаться своими успехами в написании той самой картины, за которую ей отвалят хорошие деньги. Мы болтаем полчаса, и едва я успеваю отключиться, как сразу же следом звонит Глеб с возмущением куда это я пропала и почему так долго не отвечала на звонки.

— У тебя же вечерняя смена, — возражаю. — Не думала, что будешь звонить. Поэтому не следила особо за телефоном.

— Я волнуюсь вообще-то.

— Извини.

— Люблю тебя.

— Угу.

Не нахожу в этот раз сил и искренности ответить тем же. Какая глупая у меня сейчас жизнь: решила стать взрослей, а в итоге чувствую себя ещё больше ребёнком, чем прежде. Я совсем запуталась. Прямо как мои наушники от телефона, которые я извлекла из рюкзака, чтобы полежать на кровати и просто послушать музыку, пока ванная занята другом. А заодно подумать. «On An On — Corps» была последней в моём плейлисте — с неё же и начинается моё погружение в мысли. Перед глазами мелькают разные картинки, тело быстро становится, как ватное.

Открываю глаза. В следующую секунду понимаю — заснула. В горле пересохло и ужасно хочется пить, как всегда бывает после пищи с соевым соусом. Лениво потягиваюсь, разминая мышцы, зеваю в ладонь. И вдруг, как озарение: я проспала довольно много — уже полночь, как сообщает экран телефона.

Открываю дверь и тихо ступаю по коридору, чтобы никого не разбудить, но зря: в кухне горит свет и слышны голоса. Я застыла, не зная, не помешаю ли.

— И ради чего? — слышу голос Михаила. — Ну, купил ты эту умную колонку, а сам с беспроводными наушниками гоняешь. К чему всё это было?

— Все с колонками ходят, а я «рыжий», говорят, — отвечает Тимофей.

— А она тебе нужна? Нет.

— Ты не поймёшь!

— Давай попробую: это круто и модно у вас в школе.

Возникает минутное молчание, а затем Михаил продолжает:

— Я же прав? — на этом моменте я уже понимаю, что речь идёт о той самой тысяче рублей. Но как же меня восхищает сейчас спокойный и покровительственный голос друга по отношению к своему младшему брату! Никаких криков и ругани — лишь разумный диалог двух людей.

— Ну... — а затем недовольный вздох Тимофея.

— Малой, не нужно покупать что-то только ради того, чтобы угодить всем остальным. Покупай только то, что нужно тебе самому. А так, ты остался в дураках: потратил деньги, лишил себя чего-то более важного. Точно рыжий!

Мои глаза вдруг увлажнились, и мне приходится поднять голову вверх, чтобы удержать влагу. Быстро моргаю изо всех сил в растерянности от того, что слова Князева так задели меня саму. Знал бы он, что воспитательная беседа проводится сейчас не только для Тимофея. Что за чёрт! Почему эти слова делают так больно?

— Всё, вали спать, — говорит Михаил. — Время позднее. Я сейчас тоже приду.

Быстро делаю вид, что только что вышла из комнаты, так как возвращаться смысла уже нет — Тимофей послушно ковыляет в комнату. При виде меня он удивлённо округляет глаза, но тут же широко улыбается и желает спокойной ночи.

— И тебе, Тимофей, спокойной ночи, — отвечаю ему и продолжаю, наконец, свой путь в кухню.

Михаил стоит спиной ко мне и смотрит в окно. Вряд там что-то видно при включенном-то свете.

— Тоже не спишь? — спрашивает его спина обтянутая в чёрную спортивную майку. Днём он был в футболке. Видимо, переделся после душа.

— Только что проснулась. Ужасно хочется пить.

Беру из шкафчика с посудой, с которым меня днём познакомил Михаил, чистый стакан и наливаю из фильтра воду. Жадно принимаюсь глотать, только сейчас понимая, насколько же сильно мне её не хватало. Гораздо сильнее, чем казалось.

— Тоже ужас как хочу пить, — слышу голос друга, который, оказывается, всё это время наблюдал за мной.

— Тебе никто в последние дни в симпатии не признавался? — нервничая, выпаливаю вдруг из ниоткуда взявшийся вопрос.

— Нет. Увы, — Он быстро подходит ко мне, становясь почти вплотную.

Значит, не ему Васильева призналась. Михаил, стоящий слишком близко ко мне, здесь не при чём. Немного испуганно, не поворачивая головы, на ощупь ставлю стакан на стол под пронзительным взглядом Князева. Хочется спросить, чего это с ним такое. Хочется поцеловать. И пока мне хочется то одного, то другого, Михаил просто действует: касаясь лишь одними губами, без рук, целует меня, а затем сразу проталкивает язык, отталкивая мой в сторону, чтобы не мешал исследовать рот. Забываю, как дышать, и главное — зачем. Зачем кислород, когда есть губы Князева? Огладил просто всё: зубы, щёки, дёсна, а руками не

трогает. «Ну, пожалуйста, обними меня... не решусь же первая...». Мои мысли остаются лишь мыслями. Игнорируемыми, находящимися на грани отчаяния. Едва сдерживаюсь, чтобы не схватить парня руками, когда его язык покидает меня, но сам Михаил никуда не исчезает: сминает мои губы своими, будоража своим тяжёлым шумным дыханием. Нашим. Поцелуи твёрдые, решительные, но в то же время бережные и какие-то трогательные.

Шумный вдох. Всё закончилось. Он уходит, желая мне спокойной ночи, и я желаю ему того же.

Ещё один приятный момент остался позади... Так хочется его вернуть.

Но...

Именно в такие моменты, какие случились у нас сегодня, начинаются особенно близкие отношения между двумя людьми. Но я и Михаил не герои романтического фильма, а обычные друзья, у каждого из которых своя личная жизнь: у кого любовь, а у кого драма. Я должна наблюдать за ним на допустимом расстоянии и следить за своим поведением. Как бы не злилась на Диану, а в её словах есть своя правда: раз я в отношениях с Пожарским, то какое право имею заглядываться на запретный плод в лице своего бывшего одноклассника и пользоваться его неудачной влюблённостью в таинственную незнакомку?

Глава 25. Обнаглел

Лина

С самого раннего субботнего утра облака заволокли небо над нашим городом, активно заваливая всё толстым слоем снега, погружая всё в мрачную атмосферу, подобно той, что царит внутри меня. Диана позвонила и сказала, что её родители уезжают в обед, и я уже могу возвращаться в любое удобное мне время. Михаил, вставший ещё раньше меня, уже пожарил на нас троих омлет, а когда все позавтракали, предложил быстренько выполнить социологию, чтобы не тратить вечернее время на дорогу до меня. Не смотря на рациональное зерно в его словах, что-то неприятно кольнуло во мне. А чего я хотела? Что не будет он делать вид, будто ничего ночью не произошло? Не я ли сама решила, что зря так много думаю о нём? А как же слова: «...не нужно покупать что-то только ради того, чтобы угодить всем остальным. Покупай только то, что нужно тебе самому. А так, ты остался в дураках: потратил деньги, лишил себя чего-то более важного»? — тут же возражает мне мой внутренний голос. Ему нужна не ты, а та девушка! На тебя он просто отвлекается, дура! Но не специально — я видела, как он сдерживает себя. Он тоже не хочет обманывать меня.

Нет необходимости более засиживаться и тянуть время. Тем более, что мы оба, похоже, всё решили. Каждый сам про себя, в своей голове. Так будет лучше для нас обоих: ни я, не он не будем тешить себя иллюзиями. В любом случае из этой квартиры нужно поскорее убраться. Так что, не дожидаясь обеда, собираю рюкзак, благодарю за помощь в экономической социологии и за предоставленный ночлег, обнимаю напоследок Тимофея, который несколько растерялся от моего жеста, а затем машу рукой Михаилу.

На улице тепло, не смотря на общую хмурость. Снег всё ещё идёт, но уже не такой густой, как всего час назад. Как же сильно может меняться погода за такое короткое время. И как может перевернуть всё внутри всего одна ночная сцена. Уже немногим позже, прильнув лицом к стеклу в общественном автобусе, решаю, что сегодня же должна поговорить с Васильевой. Пока наше недопонимание не затянулось слишком надолго и не привело к ещё большей яме между нами. Мы не виделись с вечера четверга: то она не ночует дома, то я. А ведь уже знаю, что даже всего лишь несколько минут способны менять многое.

Захожу в пахнущую розами прихожую как раз в тот момент, когда Васильевы старшие готовились пить чай. Они приглашают и меня тоже, а я отказать никак не могу. Всё же не чужие люди, и знают меня с первого класса школы. Говорят, как удачно совпало, что я как раз решила заночевать сегодня у парня, и они смогли приехать к дочери, заняв на время мою кровать. Диана глазами моргает мне некую азбуку Морзе, и я смекаю, что должна просто соглашаться с пожилой парой. Да, удачное совпадение. Нет-нет, вы меня не потеснили, ничего страшного.

После мы все вместе топчемся у порога, готовясь прощаться. Хорошей учёбы, питайтесь хорошо, ложитесь спать вовремя и прочее «родительское», а далее объятия. Сначала Диана, а потом я. Обнимаю маму подруги, она чмокает меня в щёку, оставляя на моей коже след помады. Затем очередь её отца. Он очень высокий. В попытке обнять, я потянулась так, что хрустнули суставы. Васильевы беззлобно смеются над моей «старостью», а я поддерживаю шутку и желаю им счастливого пути и приятных попутчиков.

— Я им, конечно, рада, — говорит Диана, когда дверь за родителями закрывается, и мы следуем в кухню прибрать посуду после наших посиделок. — Но как же я устала! Хорошо,

что они только на одну ночь приезжали.

— Понимаю, — сгружаю чашки в раковину. Сегодня мытьё посуды точно моё, так как суббота.

— Значит, всё таки не стала ночевать у Глеба? — задала подруга неожиданный вопрос.

— Как ты это поняла? — смотрю на неё, не скрывая удивления. Мы ведь вообще не обсуждали где именно я буду проводить ночь. О нежелании ночевать в квартире своего парня я рассказывала только Людмиле.

— Ну... — подруга вдруг замаялась с таким видом, словно только что взболтнула лишнего. Чтобы куда-то деть себя, принимается хаотично переставлять с места на место сахарницу на столе.

— Диан, не юли. Как ты это поняла? Ночевала я, если что, у Люды.

Не говорить же мне ей о Михаиле после той её сцены в кухне, когда я и Михаил едва не поцеловались. Васильева и тогда-то была неприятно удивлена, а как бы сейчас отреагировала и представить страшно.

— Ты только сильно не злись, Лин, — она ещё ничего не сказала, а мне уже не нравится. — Глеб просто очень любит и переживает. Он пишет сообщения, спрашивает у меня дома ли ты и всё ли в порядке. Вот и вчера спросил. А я удивилась, да и напиши ему, что ты же у него. Я ведь реально так и думала! — она оставляет сахарницу в покое, взирая на меня с тем самым волнением, когда нет уверенности в том, что ты не косячишь.

— Погоди... — тру виски кончиками пальцев, словно это поможет мне лучше усвоить информацию. — Он часто тебе вопросы такие задаёт?

— Каждый вечер, если только ты не на свидании с ним.

Да он с ума сошёл! Его назойливость в своих границах простирается гораздо дальше, чем я думала. Уже и до моих друзей добрался! Должны же быть хоть какие-то рамки!

— И что ты ему отвечаешь? — стараюсь контролировать свой голос. Я же ведь планировала поговорить с ней сегодня и даже помириться.

— Что ты дома и с тобой всё в порядке... — она вяло разводит руками в стороны, а затем нервным жестом откидывает свои пушистые волны волос за спину.

— А что ещё он спрашивает?

— Интересуется чем ты занимаешься.

— И чем я занимаюсь?

— Если ты переживаешь, что я болтаю о том, как ты в этот момент в туалете сидишь или с Князевым в кухне, то нет, я просто говорю, что книжку читаешь или со мной фильм смотришь. Перестань так на меня смотреть!

— А как я должна смотреть? Моя подруга и мой парень объединились и обсуждают моё времяпрепровождение! — искренне недоумеваю, но всё ещё держу себя под контролем. Хотя бы голос не повышаю.

— Я сама не знаю, как так получилось, но будто бы отчитываюсь за тебя перед ним. Правда. Не знаю! Он всё вывернул так, что я не смогла не сказать.

— Надавил на жалость? Сказал, что очень переживает и места себе не находит?

— Ну, вроде того. Да.

— Понятно, — с шумом выдыхаю. И мне действительно понятно. А что? Очень на него похоже.

— И как давно? — спрашиваю.

— Ещё с начала ноября, — Диана выглядит почти сочувствующей.

— Месяц, значит.

— Ага... Только не говори ему, что я проболталась тебе!

— Почему это?

— Ну... не знаю. Мне стыдно перед ним.

— А передо мной?

— И перед тобой, — она тяжело вздыхает, и, глядя в её глаза, я верю, что она говорит искренне сейчас. — А перед тобой вдвойне стыдно. Сорвалась на тебя тогда из-за своего плохого настроения. Девичник мне мозги на место вставил. Я развеялась там и всё такое. Хотя, если честно, то уже во время нашей ругани в ванной чувствовала себя виноватой, но из-за этого только больше злилась. Но не на тебя, Лин, а на себя. И на того парня, которому я призналась.

— Так кто же тот парень? — задаю один из волновавших меня в последнее время вопросов.

— Это мой сокурсник из параллельной группы. Он наговорил мне всякого некрасивого. При всех. Я потом с пар сбежала, чтобы поплакать.

— Диан, ты больше ни о чём с Глебом не говоришь?

— Нет. Честное слово. Могу переписку показать! — она в панике машет руками, боясь, что я сейчас ревную Пожарского к ней.

— Нет, не нужно. Я верю тебе. — И это чистая правда. — Лучше расскажи, что там тот парень натворил?

Наш разговор плавно перетекает на маленькую личную трагедию Васильевой, что случилась с ней недавно и из-за чего произошла наша ссора тогда. Как подруга, я просто обязана задать ей этот вопрос, выслушать, а затем утешить. Сама же позже, пока перемывала всю скопившуюся посуду и полы, не переставала прокручивать в голове лишь одно: Пожарский совсем обнаглел. Глеб настолько сошёл с ума от своей ревности, что приучил Диану отчитываться обо мне каждый вечер. Ему настолько неприятен мой круг общения, что решил не только изолировать меня от моих друзей по-максимуму, но и оговорить Васильеву. Якобы она за моей спиной обо мне говорит. А сам что делает? Решил рассорить нас, чтобы что? Чего он добивался?

— Чёрт! — выдохнула я и, как следует разозлившись, выжала половую тряпку так сильно, как не могла никогда.

Я чувствую, как во мне растёт и крепнет эта злость. А ещё, как бы не было неприятно это осознавать, тревога: он знает, что я не ночевала в квартире. И он сегодня ещё ни разу не писал и не звонил мне. В последний раз мы общались вчера вечером во время его рабочей смены в баре. Не сказать, что я сильно огорчена этим молчанием — пусть катится со своими выкрутасами куда подальше.

Но он же не исчезнет так просто. Он заговорит, и слова его будут не так сладки, как обычно.

Глава 26. Разговор

Лина

Строгий дизайн учебного корпуса без каких-либо излишеств был не в состоянии переменить моё настроение на более благостное. Мою руку держит Пожарский, провожающий меня в аудиторию, где у меня будет первая пара. Мы молчим. Молчали всю субботу и почти весь вчерашний день. Ровно до тех пор, пока вечером Глеб не написал, что встречаемся, как обычно: у моего подъезда. Усадил в машину, повёз в наш вуз. А сейчас заводит, как овцу на верёвочке, в мою группу, где на нас никто уже особо внимания не обращает. Они просто привыкли.

— В обед поговорим, — заявляет он мне перед тем, как пойти к своим, что сидят на другом этаже. — Поняла?

— Что за тон? — выдёргиваю свою руку из его несильной хватки.

— Просто предупреждаю, чтобы не сбежала никуда, — быстро клюёт меня в губы, чтобы никому и в голову не пришло, что у нас какая-то проблема.

— Сбежишь тут, — бурчу в ответ его удаляющейся спине.

Через минуту звонок. Он снова специально задержал меня возле себя подольше. Или я слишком к нему несправедлива? Времени у меня ровно на то, чтобы найти в аудитории своих, поздороваться с ними и со всеми остальными, сесть рядом с Ажиновой, выволить из рюкзака лекционную тетрадь. Попытаться словить мимолётный взгляд Михаила. И всё. Звенит звонок. Аркадий Евгеньевич уже входит в двери и сразу с ходу предупреждает, что материала сегодня много и, пожалуй, без лишних прелюдий сразу начнём записывать всё то, что он нам сейчас будет рассказывать. Помечаю на полях тетради, что сегодня пятое декабря и, пока ещё есть время, зачем-то жалостливо смотрю на Людмилу. Та неправильно понимает мою грусть и с преувеличенной печалью вздыхает, закатывая глаза к потолку. Она думает, что я расстроена из-за экономической социологии. Может, оно и к лучшему.

После звонка на перемену подруга начинает быстро тараторить о том, как хочет показать мне свою картину. Ту самую. Она так спешит мне это сказать, так как знает, что совсем скоро придёт Пожарский и снова заберёт меня в свои руки и уведёт теперь уже до следующего звонка на пару.

— Мне не так много осталось до завершения, — говорит она, убирая ручку с тетрадью в свою сумку. — Но я в нетерпении от того, как сильно хочу показать её. Только Андрей видел, а больше никто. Даже не фотографирую и в сети не выкладываю.

— Я бы с радостью посмотрела, чего ты там натворить успела, — согласно киваю, отмечая, что все наши одноклассники, включая Антона и Михаила, уже ушли.

— Приходи ко мне сегодня? — мы выходим в коридор и стоим неподалёку, никуда более не двигаясь. Ведь я должна дождаться своего парня... — Андрея не будет как раз.

— Ой, я приду, конечно, — не сдерживаю широкой улыбки. Людмила со своим приглашением словно поток свежего воздуха, которого мне так не хватает в последнее время. Настолько сильно, что та ночь у Князева вспоминается как самое лучшее, что случилось со мной за всё последнее время. Никакие цветы и поцелуи Пожарского меня так не радуют как простое человеческое общение со своими друзьями.

— Буду ждать, — Ажинова тоже широко улыбается. — А вот и твой «Кот в сапогах».

Смотрю в ту же сторону, что и подруга. Глеб, не изменяя своим привычкам, уже следует

ко мне. Нагловатая вальяжная походка, тату напоказ и взгляд победителя. Это ему ещё везёт, что наши пары часто проходят в одном корпусе. Иногда в разных, но и тогда он умудряется слишком быстро добраться до меня, не оставляя мне шансов на полноценную беседу с кем либо. Поворачиваю голову снова в сторону Людмилы. Она поправляет слегка сползшие на нос очки и понимающе подмигивает. «Ах, любовь...», — читается на её лице. Глеб, делая мою подругу ещё более счастливой, чмокает меня в щёку, давая понять, что девчачьей болтовне пришёл конец. Ажинова уходит, оставляя нашу сладкую парочку побыть вдвоём.

Так как разговор у нас намечен на обеденное время, то просто неспешно шатаемся по коридору, и он мне рассказывает, как проучил на работе одного ленивого и ничего не понимающего новичка. Самодовольно, словно восхищаясь сам себе, какой он крутой. Я снова мысленно цепляюсь к нему. Связано ли это с тем, что держит мою руку он крепче обычного? Или с тем, что я узнала от Дианы? Или он самого начала был не достаточно приятен мне, что я только и делаю, что ищу повод как следует разозлиться на него?

Следующая пара у меня в другом корпусе. Глеб, конечно, провожает до самых дверей. Всё, как всегда. Час за часом, звонок за звонком, и вот, часы в телефоне говорят о том, что осталось лишь несколько минут до начала большой перемены. Одновременно и жажду её, чтобы высказать накипевшее, и остерегаюсь. Какое-то напряжение нарастает между нами весь сегодняшний день, не смотря на показное благополучие.

В буфете оба купили гречку с котлетой. Разговор начался сразу, как только мы сели за свободный стол.

— Как себя чувствуешь после субботнего ночного приключения? — Глеб даже не скрывает, что ему теперь всё известно о моём отсутствии дома в ту ночь.

— Отвратительно, — прошептала я.

— Представляю, — сказал он, часто кивая, пока с нескрываемым недовольством осматривал меня.

— Что ты представляешь? — На самом деле не хочу знать о его мыслях. Слишком высокомерен и мрачен. Я не хочу слышать его голос, но пусть лучше мы полноценно разругаемся, чем будем играть в молчанку или в счастливые отношения.

— Это был кто-то из твоих друзей?

— Допустим.

— Это был парень? Антон? Михаил? Кто-то ещё?

Так-так-так. Начинается. Я позволила себе посмотреть на него столь же вызывающе, как смотрит на меня он.

— А об этом Диана не доложила?

— Доложила. Сказала, что ты со мной. Представляешь?

— Представляю, — возвращаю Пожарскому его же слово.

— Так всё же? — не унимается он.

— У подруги.

— У какой подруги?

— Чего ты пристал с этой субботой? Сколько раз мы уже об этом говорили! Я свободный человек и могу ночевать там, где захочу! У Людмилы я была — ясно?

— Я же беспокоюсь за твою безопасность! Как ты не понимаешь! — шипим, как змеи, стараясь не привлекать к себе внимание других обедающих студентов. Хотя в буфете достаточно шумно, чтобы не беспокоиться об этом. Куда больше всех сейчас волнует еда в их

контейнерах, чем разборки каких-то двух ненормальных. В отличие от нас самих. Сами мы обедом совсем не интересуемся и даже не берём в руки вилки, занятые метанием молний друг в друга.

— Как мило, — сказала я, и в своём голосе я услышала нечто, чего прежде не было: желчь. — Очень заботливо с твоей стороны: контролировать меня за моей же спиной. А о моих чувствах побеспокоиться не хочешь? Думаешь, мне приятно узнавать такое?

— Я пляшу вокруг тебя, как преданный пёс, подарками заваливаю, на свидания вожу, на машине туда-сюда катаю, а ты всё не довольна!

— А твоему вранью я тоже должна радоваться? — Во мне вспыхнула такая ярость, что ею можно было резать воздух.

— О чём ты? — хмурит брови, включая дурачка.

— О Диане. Я не дура, Глеб, и в состоянии понять, что ты нагло врёшь мне. Я знаю Васильеву с первого класса школы! Не носи всякую чушь о том, что она болтает обо мне!

— А мои переживания за тебя тоже чушь? — хватает он моё запястье, сжимая почти до боли. — Она так легко согласилась докладывать о тебе, что я не могу отпустить мысль о том, а на что ещё она готова пойти, чтобы подставить тебя!

Как он всё так вывернул? Я внезапно пришла в бешенство. Я знала, что из этого разговора выйдет что-то нехорошее. Чувствовала. Резким движением выдёргиваю свою руку из его татуированной лапищи, вскакиваю со стула, скрипя его ножками по кафелю, и переворачиваю свой контейнер с гречкой ему на колени, а затем добавляю и его собственный, наблюдая, как коричневые зёрна рассыпаются по мужским ногам и полу. А затем хватаю рюкзак и быстро ухожу, ни разу не оглянувшись, чтобы посмотреть на реакцию парня. Мне плевать. В эти минуты я его ненавижу.

Глава 27. Неожиданно и странно

Михаил

Когда прошла пора первого восторга от присутствия Беляевой в моей квартире, я столкнулся с одной проблемой: она действительно в моей квартире. Это всё не сон. Вот она — здесь. Протяни руку и почувствуешь тепло и мягкость её кожи. Дышу с ней одним воздухом. Слишком близко и слишком долго. Гораздо ближе, чем в стенах вуза. Гораздо дольше, чем обычно во время пар. Я оказался не готов к такому контрасту. Обычно не существует некоего пузыря, где только я и она, а есть ещё множество других людей, и все мы заняты учёбой, общением или чем-нибудь ещё. А теперь же я вынужден был обнаружить, что меня не отвлекает какой-нибудь там Хомяков со своими дурацкими шутками, не шумит вокруг толпа людей, не звенит звонок, означающий, что сейчас начнётся пара и уже точно не поболтать или что настало время перемены, и Беляева сейчас уйдёт со своим Бутчем уединиться в относительно укромном уголке. Я старался не наблюдать сильно за этой парой, чтобы не узреть случайно что-то слишком неприятное моему глазу, но, увы, пару раз всё же увидел, как они целуются. Невыносимо. До сжатых кулаков и тяжести в груди. А здесь, в моей квартире, и его даже нет.

Впрочем, такая интимность ограничивалась только присутствием девушки, а в целом Тимофей не давал мне слишком забыться. Нет всех остальных, но есть мой младший брат. Уж он-то умеет разрушить весь тот романтический флёр, что затуманивает мой разум. Болтает всякое, да и сам по себе довольно громкий, заметный. Правда, стоило только ему выйти из комнаты, где сидим все мы, как сразу обстановка меняется: воздух становится более плотный, словно образуется тот самый пузырь, отделяя от всего внешнего мира. Но он тут же лопается, будто мыльный, когда Тимофей врывается своим голосом, оповещая о своём присутствии. Так что, в каком-то смысле, он мой спаситель.

Дело не в том, что мне не нравится момент, когда между нами начинает искриться. Не будь Лина так счастлива в своих текущих отношениях, то я бы не был так скромн. Не появись в её жизни Бутч, я бы не оставлял попыток привлечь внимание к себе. Разрушать её личную жизнь в мои планы не входит — лучше быть хорошими близкими друзьями, чем остаться врагами из-за моей эгоистичности.

Но и это ещё не всё. Иногда мне кажется, что прояви я инициативу, Лина не станет сопротивляться. Опасное заблуждение. Но я всё же ступил на скользкую дорожку, когда поцеловал её, а она мне при этом ещё и ответила. Не оттолкнула! В тот момент я начал тонуть. Мне срочно нужен был спасательный круг, но Тимофея я отправил спать и тот, после нашей «воспитательной беседы» точно не захочет вернуться вдруг за чем-нибудь. Единственное на что ещё хватало моих сил и выдержки — держать свои руки при себе. Иначе бы они точно отправились в увлекательное путешествие по телу Беляевой.

После поцелуя я не спал половину ночи. Прокручивал в голове испытанные ощущения и нервозность по поводу завтрашнего дня. Не скажет ли она мне утром, с уже свежей и чистой головой, что я нарушил наш дружеский кодекс, всё испортил? Не решит ли она теперь совсем отдалиться и сократить время, что проводит со мной? Хотя его теперь итак не так и много. Но всегда есть куда стремиться — даже в плохом смысле. Ёрзал, вертелся, стараясь отжать немного одеяла у малого, но сон не шёл. Диван ещё противно скрипит, когда его раскладываешь, и вообще всё противно, если не можешь получить желаемое.

Будет ли теперь моя постель пахнуть Беляевой? Хотя бы один день... От одной только мысли о ней в моей спальне кинуло в жар.

Утром она никак мне не напомнила о произошедшем ночью. Я тоже не поднимал тему. Решил, что если спросит, то что-нибудь придумаю безобидное. Может, комплимент сделаю. Слишком красивая, не сдержался. Или вообще случайно вышло... Ха! Запнулся и упал на твои губы... Да уж. Честное признание отметаю сразу — испугается же и решит, что дружить мы больше не можем. Князев, с каких пор ты такой размазня? С тех самых. Если хочешь, чтобы объект твоей симпатии был счастлив, то и не на такое согласишься.

Ушла Лина ещё до обеда. Я смотрел в окно, чтобы убедиться, что она благополучно добралась до остановки, что видна в моём окне. Внизу припаркованные машины завалены снегом, который всё ещё валит, но уже не так сильно. Девушка идёт неспешно, не оглядываясь по сторонам. Стоит не долго — автобус заботливо проглотил её в своё тёплое брюхо и уехал. Теперь я увижу её только в понедельник.

Новая неделя началась необычно. С самого утра я ещё не подозревал, что меня ждёт что-то странное. Обычная болтовня с одноклассниками, всеобщий хохот над краснолицей Машей, которая староста, что стирает с доски похабные рисунки и причитает, что кроме неё никому и дела нет до того, что это может увидеть препод. Ещё Ажинова пригласила меня и Антона к себе сегодня вечером. Картину хочет показать да и просто посидеть по-дружески с горой пиццы и, может, чем-нибудь покрепче. Хомяков, конечно, сразу «за». Я тоже решаю согласиться. Почему бы и нет?

— Андрея не будет сегодня, — говорит она, — надо воспользоваться таким моментом. Если просто сфотографирую, то это уже совсем не то впечатление будет...

— А если ещё и «заправиться», — начинает с усмешкой Антон, и я сразу понимаю, что сейчас будет какая-то типичная «хомяковская» шутка, — то вообще крышу снесёт от красоты при виде настоящего произведения искусства!

— Эй, хомяк! — бьёт Людмила его ладонью по предплечью, перегибаясь через меня. — Хочешь сказать, что на трезвую голову моя картина будет менее хороша? Да ты вообще видел, как я рисую?!

— Стоп-стоп, Ажинова! Вырвано из контекста! Я протестую!

Их перепалка меня забавляет не меньше чем старающаяся у доски Маша и парни, играющие позади нас в «щелбань». Весело, однако в группе 549.

Поглядываю на экран телефона, отслеживая каждую минуту до звонка. Остаётся всего одна — скоро должна появиться Лина. Она всегда приходит за минуту до начала пары. Вместе с ним. Сегодня происходит так же. Я стараюсь не смотреть, зная, что они сейчас целуются, и позволяю себе поднять глаза только когда подруга уже следует к нам.

Когда пара заканчивается, и все высыпают в коридор, слышу, как Людмила приглашает и Лину на осмотр картины. Сердце в этот момент застучало чуть громче. Радость? Болван очевидно же, что Ажинова не может не пригласить нашу общую подругу. Другое дело — согласится ли сама Беляева? Вдруг очередное свидание на сегодня намечено...

Но не предстоящий поход в гости показался мне неожиданным. Во время большой перемены я стал свидетелем странной сцены в буфете. Я, как обычно, сидел за столиком с Ажиновой, Хомяковым и с ещё двумя парнями и одной девушкой из нашей группы. Естественно, что при таком количестве людей не может быть тихо и скучно: все говорили наперебой, не давая друг другу слова лишнего вставить. Я тоже принимал участие в беседе,

но никто и заподозрить не мог, что ещё и за Беляевой следить успевал в другом конце буфета. Эта пара всегда далеко, и бывает, что их головы совсем не разглядеть. У меня ощущение, что они с Бутчем всегда стараются сесть как можно подальше от нас. Мои размышления о расстоянии между нами прерываются при виде вскакивающей со стула Лины, которая просто берёт и опрокидывает всё содержимое их одноразовых контейнеров с обедом прямо на своего возлюбленного. Уверен: у меня глаза округлились.

— А я что говорил? — говорит только мне одному Антон. Другие из нашей компании ничего не замечают, слишком увлечённые своей болтовнёй. А я наблюдаю, как Беляева быстрым шагом уносится прочь из буфета. И это уже не тот случай, когда я останусь в стороне.

Глава 28. Дружеское плечо

Лина

С Людмилой договорились встретиться в пять; день прошёл довольно быстро — во многом благодаря моей злости на Глеба. Мне впервые за долгое время удалось добраться после пар домой самостоятельно. Даже Диана удивилась, когда мы встретились в нашем дворе, что я иду пешком и одна. В четырёх стенах после последних событий сидеть совсем не хотелось и сейчас я вышла на двадцать минут раньше, чем планировала, поэтому могла не торопиться. Ажинова снимает квартиру неподалёку от Князева, потому что это один из самых удобных для студентов район: не сильно далеко от вуза и удобная транспортная развязка.

Дни совсем короткие, и уже весь город становится более хмурым под вечерним затухающим за горизонтом солнцем. В окне автобуса наблюдаю «пухлых» из-за зимней одежды людей на остановках, которые проезжаем, смазывая толпу в одно пятнистое неразборчивое пятно. Внизу, в мимо проезжающих машинах, можно разглядеть лишь руки водителей на руле. В какой-то момент моё сердце тревожно сжимается. Мне кажется, будто одна из машин сильно похожа на машину Пожарского. Его образ преследует меня, даже когда я, наконец, осталась одна. И это обстоятельство заставляет разозлиться меня ещё больше. Я совсем не испытывала обиды в сторону Васильевой, что послушно докладывала ему о моём местонахождении — мне ли не знать, каким лапочкой и манипулятором может быть Глеб. Достаточно было рассказать, как сильно любит и беспокоится. И всё — как же не пожалеть бедного?

Выхожу на нужной остановке — на той же самой, на которой выходила, когда приезжала к Князеву на ночёвку. Я могу даже сейчас повернуть голову вправо и увидеть его дом, его окна. Чем он занят сейчас?

— Далеко путь держишь? — вздрагиваю от неожиданности, слыша голос Глеба у себя за спиной.

— Ты теперь ещё и следишь что-ли за мной? — с тех пор, как я видела его в последний раз в буфете, он выглядит ещё более недовольным.

— За тобой глаз да глаз, рыбка.

— Что тебе нужно?

— Ты в своём уме? — смотрит, как на дуру. — Я вообще-то твой парень, у нас отношения. Что мне может быть нужно от своей девушки?

— Чтобы я сидела дома и ждала пока ты мне разрешишь выйти куда-нибудь?

— Почему ты в последнее время всё превращаешь в одну сплошную драму? Я не понимаю, что с тобой происходит, — подходит ко мне ближе, выражая участие. — Не хочешь поговорить об этом?

— Ты дурачок или прикидываешься? — Он весь день намеревается мне портить настроение? Я ведь ещё днём высказала все свои претензии, а он, вместо того, чтобы как-то разрешить именно этот вопрос, продолжает гнуть свою линию. Совсем ничего не понял.

— Мне вот и тебе хочется задать тот же вопрос временами.

— Так задай, но не сейчас, — опускаю взгляд на кольцо в его ноздре, чтобы не видеть этих глаз. — Мне нужно идти.

— Куда?

— Не твоё дело.

— Ты точно не в себе! — дёргает меня за руку, удерживая её в своей. — Это именно моё дело! Я должен знать, где моя девушка и в безопасности ли она!

— Отпусти! — делаю рывок, пытаюсь вернуть контроль над собственной рукой, но наши с ним силы несоизмеримы. — К Люде я иду! Понятно?

— Сразу бы и сказала! Что за игры устраиваешь опять! — нависает над моим лицом с такой угрозой в глазах, что не знаю даже злюсь я на него или уже бояться начинаю. Это уже не в какие ворота! Моё сердце стучит так, что я слышу его грохот у себя в голове. Оно словно кричит вместе со мной и негодует: что себе позволяет этот «котяра»? Чёрные густые брови мужчины мрачно нависают, испытывая моё терпение.

— Отвали от меня, Глеб! — под ленивые равнодушные взгляды мимо проходящих людей, наконец, освобождаю из хватки свою руку.

— Мы уже так разговариваем? — он вдруг самым неожиданным образом снимает с меня шапку, удерживая её в своём кулаке. — Ты никуда не идёшь, пока мы не поговорим. Нормально. Без истерик.

Холод обжёт мои уши. Я поправляю взъерошенные зимним ветром волосы и смотрю на шапку, зажимаемую в мужских пальцах. Смотрю и не верю своим глазам. И после этого истерики устраиваю именно я? А это тогда что? Мне начинает казаться, что я принимаю участие в каком-то очень странном низкосортном шоу.

— Рада, что ты это сделал, — нервно усмехаюсь. — Теперь я вижу всю степень твоего беспокойства о моей безопасности. Думаешь, меня это остановит? Уже точно нет. — Мы смотрим друг на друга при слабом свете уже совсем ущербного солнца. Ничего не происходит со стороны Пожарского после моих слов. Разворачиваюсь и удаляюсь бодрым уверенным шагом.

— Замёрзнешь, дура! — чувствую, как в мою спину летит отобранная у меня же пару минут назад шапка, но я не останавливаюсь. — Стой! Лина!

Я не стою, я ухожу. Злость питает меня, придавая сил и выносливости. Мне не холодно, мне не трудно идти столь быстро. Мне лишь обидно за всё то, что Глеб делает со мной. Так и выглядит любовь? Ведь он так часто говорит мне о ней. Говорят, она окрыляет. Если то, как я мчусь сейчас по улице, не видя ничего и никого вокруг, и есть это самое «окрыление», то мне оно совсем не по душе. Всё во мне напряжено до предела, смотрю лишь в одну точку — на пятиэтажку Ажиновой в нескольких метрах от меня. Она всё ближе и ближе. Пар валит из носа, а затем, когда дышать уже совсем тяжело, из раскрытого рта. Горло пощипывает вечерний морозец, а так хочется крикнуть куда-нибудь в пространство. Что подумает Людмила при виде меня в таком возбуждённом состоянии? Что отвечу ей я? Впервые за всё время нашего знакомства Глеб позволяет так себя вести. А мне даже пожаловаться кроме него самого и некому! Дина и Людмила слюни пускают от умиления при виде нас двоих вместе. Я сама виновата, что лелею их романтические иллюзии по отношению ко мне и моей личной жизни. Неужели мне так сильно хочется иметь тот самый благополучный образ счастливой и «нормальной» девушки, что готова молча сносить невзгоды лишь бы только не пошатнуть созданный образ? Не существует же идеальных отношений — я тоже имею право не иметь их. Небо не рухнет, если я расскажу о своих переживаниях Ажиновой. Или рухнет? Моя собственная уверенность в том, что я всё сделала правильно. Она так хрупка. Одно негативное слово вслух о моей текущей ситуации, и эта уверенность зашатается, унося за собой всё остальное. И тогда я не просто вернусь в статус одинокой серой мыши, но ещё и

превращусь в мышь, которая всё испортила. Потому что он любит, а я, похоже, нет.

— Лина! — в первую секунду хочется от души закричать «отвали», но во вторую понимаю, что голос принадлежит не Пожарскому. Неужели?.. Замедляюсь, на ходу оборачиваясь назад и убеждаюсь в том, что это действительно Михаил. Он бежит мне навстречу, а я послушно стою и жду, наблюдая, как мужская фигура приближается, становясь всё крупней.

— Привет, — выдыхает он, часто дыша после бега, когда оказался рядом со мной. — Ты почему раздета? — Князев сдвинул брови к переносице, почти как Глеб недавно.

— Что? — не сразу понимаю его вопроса.

— Шапка. Где шапка? — он так сосредоточенно бежит глазами по моему лицу и фигуре, словно пытается решить некую сложную математическую задачу.

— А... шапка... — провожу ладонью по холодным волосам и только сейчас понимаю, как замёрзла на самом деле. — Забыла что-то.

Михаил появился так неожиданно и удивительно к месту. Его присутствие чувствуется таким правильным сейчас, что даже удивиться сильно не успеваю. Я знаю, он три раза в неделю ходит вечерами в качалку, но не вижу на нём спортивной сумки или рюкзака. Может, в магазин вышел, а тут я со своей бедой...

— Как так можно? — Князев стягивает с головы свою шапку тёмно-бордового цвета, что удивительно благородно и удачно смотрится на его бронзовых волосах, и протягивает мне. — Зима только началась, а ты уже по-весеннему забываешься. Надевай мою.

— А ты?

— У меня хоть капюшон есть. Да и вышел я из дома только что, а ты явно не первую минуту на улице. Уши красные какие! Отвалятся же, и слуховой аппарат в старости не на что крепить будет!

Послушно надеваю, радуясь теплу и милым сердцу причитаниям. На мгновение кажется, будто вот-вот прольётся слеза, но быстро прихожу в себя.

— У тебя всё нормально, Лин? — Михаил не отрывает от меня глаз, следя за каждым изменением на моём лице. В мужском голосе слышно такое участие, что мне требуется не мало сил, чтобы не выдать своё шаткое положение сейчас.

— Да. Я что-то рассеянная сегодня. Извини, что так вышло, — показываю пальцем на свою голову.

— Если нужна помощь или дружеское плечо, то ты знаешь где меня искать, — он протягивает мне руку ладонью вверх, и я ни капли не задумываясь вкладываю в неё свою. Князев вместе с нашими руками притягивает меня к себе, к своей груди, приобняв другой свободной ладонью за спину и, уткнувшись в мою макушку, произнёс:

— Хорошо, Лин?

— Хорошо.

Мне так нужны были эти слова прямо сейчас. Я не одинока.

Глава 29. Испанский сериал

Лина

Случайности не случайны: оказалось, Михаил тоже направляется к Людмиле. Думала, подруга просто хочет показать мне свою картину, а на самом деле художественное полотно является лишь предлогом для организации куда менее возвышенного мероприятия. Впрочем, чему я удивляюсь? Это вполне в стиле Ажиновой. Скорее странно то, что я сама не догадалась о двойном смысле её приглашения. Со своим бардаком в личной жизни совсем уже перестала замечать какие-то мелочи вокруг себя и вообще быть в курсе последних событий. Не удивлюсь, если я воссоединение Князева и Хомякова со своими возлюбленными пропустила. Я бы сошла с ума, если бы мне сейчас кто-нибудь подтвердил эту информацию.

Ажинова живёт на пятом этаже, и лифта в этом доме нет. То ещё наказание, когда ты при этом в объёмной зимней одежде. Стараюсь не показывать усталости от бесконечных ступенек при виде очень даже бодро шагающего Князева. Позориться перед ним? Вот уж нет. Людмила отворила нам дверь; бегло осмотрела нас обоих, а затем засияла улыбкой.

— Ого! Сразу двое! — втягивает она нас в квартиру за рукава наших курток, как бы поторапливая. — Осталось только хомяка дождаться: он в магазине докупает всё то, что я не купила. Мих, ты заказал?

— Доставка через час, — отвечает он, раздеваясь.

— Почему все что-то купили, а я даже не в курсе, что планировалось целое мероприятие? — чувствую себя максимально неловко. — Я ведь никак не вложились даже...

— Ох, Лина, — Ажинова непринуждённо машет рукой, отмахиваясь от моих слов, как от комариного писка. — Спасибо, что пришла вообще. Я знаю, ты занята обычно, и мне очень приятно, что у тебя нашлось немного времени. Так что не переживай!

Чувствую укол вины, хотя Людмила говорит совершенно искренне, без осуждения.

— Итак, что же вы все задумали на сегодняшний вечер? — спрашиваю, увлекаемая подругой в комнату, где сразу в глаза бросается два дивана: один угловой и другой раскладной. Второй был в собранном состоянии, чтобы не мешал, видимо. Князев, тоже осматриваясь, идёт следом.

— Просто дружеские посиделки в качестве моральной подготовки к сессии! Мих, — обращается уже не ко мне, — перенеси сюда, пожалуйста, стол из кухни. Он жуть какой тяжёлый!

Он уходит, оставляя меня один на один с любопытством подруги. Слишком давно я начала увиливать от разговоров о Пожарском. Чувствовала, что терпения Ажиновой хватит не надолго и оно вот-вот лопнет. Правда, после столкновения с Михаилом на улице и его поддерживающих слов, потребность высказать всё, что я на самом деле думаю о Глебе, поутихла. Я будто успокоилась в объятиях Князева, хотя ни слова о своих проблемах не сказала. Надолго ли со мной это внутреннее затишье?

— Так как он тебя отпустил? — сразу спрашивает Людмила.

— У нас на сегодня никаких планов не было, — отвечаю, нисколько не обманывая. Какие могут быть планы после всего, что произошло с нами сегодня? — У тебя уже гирлянда висит, — киваю на мигающую нить с маленькими лампочками на гардине.

— Конечно! Уже почти неделя декабря прошла!

— Угу. Что-то я потерялась совсем в числах и не задумываюсь о всякой мишуре, хотя уже везде всё украшают, а Васильева даже новогоднее праздничное печенье едва ли не каждый день учится печь. Всё время теперь в квартире выпечкой пахнет...

— Мне показалось, что я видела тебя на остановке сегодня после пар... Обозналась? — похоже, что этот вопрос зудел у Людмилы в голове весь день и начать другую тему разговора у меня никак не получится. От ответа меня спасает звонок домофона, к которому Ажинова и бросается. В то же время и Князев тащит стол, бросая на меня взгляд не менее любопытный, чем я видела у Ажиновой только что. Он услышал её вопрос. Только в его глазах помимо желания узнать ответ, я вижу нотки непонятного мне недовольства.

Ладно, Беляева, что такого страшного случится, если ты просто скажешь им, что поссорилась с Глебом? — мысленно говорю сама себе. Честно говоря, не думаю, что получится теперь делать вид, что у нас с ним всё в порядке. Рано или поздно все поймут, и тогда с меня будет спрос: почему молчала? Друзья же. Да ещё и прямо в лоб, как говорится, вопрос задали. Придётся отвечать, чтобы потом не чувствовать себя ещё более неловко. Так что моя игра в молчанку окажется лишь напрасным упражнением, которое приведёт к ещё более неприятным последствиям.

И вообще... Я веду себя так, словно у меня нет друзей. Словно нет никого, с кем я могла бы поговорить про Глеба, никого, кого бы не шокировало то, как я чувствую себя на самом деле. Потому что я играю в каком-то странном спектакле и даже не понимаю, когда это всё началось и почему вообще так произошло. Что привело меня к этому? Я веду себя так, словно я примерная девушка. Стараюсь так себя вести. Не жалуясь на своего парня, оберегаю тот образ, что восхищает окружающих. Не это ли привело меня к ощущению изоляции? Я сама помогаю Пожарскому формировать ощущение одиночества внутри меня. Да, отстаивала своё желание иметь больше свободы. Да, это даже привело к ссоре. Но какого чёрта я лишаю себя права говорить об этом?

Ведь я не одинока. Вот же они — мои друзья. Прямо передо мной: ходят, разговаривают, смеются. Вот стол благополучно поставлен перед угловым диваном, способным уместить всех нас. Вот на пороге уже шуршит пакетом Антон, жалуясь, как только что едва не упал на незаметном под слоем снега льду. Вот оно всё. Всего одно предложение, и я разорву этот замкнутый круг.

Вскоре начинается приятная суэта, предвещающая ещё более приятный вечер: подготовка посуды, телефонные разговоры с двумя разными курьерами, сервировка, важные решения о том, кто где хочет сидеть. Я в какой-то момент было забеспокоилась при виде двух небольших бутылок тёмно-зелёного цвета в руках Хомякова, но Людмила веселится при виде моей реакции и заверяет, что помнит обо мне и Михаиле: мы бы предпочли какой-нибудь сок или чай, нежели что-то иное. Поэтому это «что-то иное» исключительно для неё и Антона. И то: совсем лёгкое в знак солидарности и по причине предстоящих завтра пар.

И ведь было весело. Гораздо веселей, чем если бы мы просто были вдвоём и рассматривали ещё пока незавершённую картину. Наелись всего так, что совсем не хочется двигаться. К счастью, Антон, помимо всего прочего, принёс с собой свой ноутбук. Так у нас теперь их два, и это позволило нам поделиться на две команды, чтобы посоревноваться в том, кто больше наберёт очков в игре, в которую можно играть с двух разных устройств. Я с Людмилой с её ноутбука, а Антон соответственно с Михаилом со своего. За всеобщим хохотом и взаимными подколами не сразу слышим, как активно разрываются наши

телефоны от звуковых оповещений.

— Да что там такое-то! — восклицает Антон, хватаясь за свой телефон.

— «Заключённые 549 камеры» пылает от сообщений, — говорю, видя на своём экране как раз за разом всплывают окна оповещений с названием нашего чата.

— Что-то мне страшно даже читать, — усмехается Князев, шаря по карманам в поисках своего мобильного. — Надеюсь там не объявление о том, что сессия переносится и начинается уже завтра.

— Ого! — громко удивляется Людмила, уставившись во все глаза на меня после прочтения сообщений.

«Ого» это даже мало сказано. Это «Ого-го!». Одна из наших одноклассниц так удачно оказалась в удачном месте и в удачное время: видео, с которого началось бурное обсуждение в чате, демонстрирует ту самую недавнюю сцену, где я лишаюсь своей шапки. Отчётливо видно как я и Глеб, явно злые друг на друга, активно выясняем отношения. Третий раз подряд гипнотизирую взглядом зацикленное короткое видео и каждый раз удивляюсь тому, как киношно выглядит вся сценка. Со стороны это выглядит совсем иначе: вот Пожарский страстно хватается меня за руку, вот я пытаюсь её вырвать... вот он стягивает с меня шапку, а я в порыве эмоций ухожу, получая в спину от обеспокоенного, но всё ещё злого возлюбленного свой головной убор назад... Мимо проходит бабуля, которую в моменте я не заметила, и умилительно качает головой, словно вспоминая свою собственную молодость, подхватив из-за нас ностальгическое чувство. И в чате, поддерживая пожилую женщину, все пишут что-то вроде: «Это слишком романтично! Ребята, снимайте про себя сериал!». Романтично? Я совсем ничего не понимаю в этой жизни...

— Что за испанские страсти, Лина? — продолжает удивляться Ажинова.

— Ладно, — решаю всё же признаться, осматривая лица друзей с такими разными на них эмоциями, — мы поссорились сегодня. Дважды.

— Ну наконец-то! — засвистел и неуместно громко захлопал в ладони Хомяков, словно отмечая что-то очень радостное. Он даже неуклюже ударил коленом стол с загремевшей на нём посудой от того, как радостно подпрыгнул на диване. Только вот кроме Антона никто даже не улыбался. Особенно Михаил. Тот вообще мрачнее тучи сидит, плотно сжав губы.

— Чего ты хлопаешь, идиот! — одёргивает Людмила Антона.

— Так давно им пора было поругаться, — оправдывается он в ответ. — Нельзя же такими идеальными и ванильными быть!

Жаль, что нельзя. Начиналось всё хорошо, и мне даже казалось, что я влюбляюсь. Поразительно, как всё меняется спустя время.

— Забывчивая ты, Лина, — ледяным голосом тянет Князев, заставляя всех затихнуть от того холода, что в один миг окутал нас. — По весеннему забывчивая. А ведь зима только началась.

«Но, Беляева, врать нехорошо». Он снова указывает мне на мой, хоть и безобидный, но обман. Михаил по какой-то причине стал очень зациклен на том, чтобы я говорила ему только правду. Не замечала за ним ранее такого пристального внимания к подобным мелочам. Чего так злиться? Мне кажется, он сейчас испепелит меня взглядом.

— Какого чёрта вы все слюни пускаете? — продолжает «замораживать» Князев теперь уже Людмилу. — Ему бы челюсть сломать за такое, а вам лишь бы сериалы выдумывать!

Даже у Хомякова после такого пропало желание шутить — так ведь и до него очередь дойдёт. Похоже, веселье на сегодня закончилось.

Глава 30. Новые правила игры

Михаил

У альпинистов есть перчатки со специальным покрытием против скольжения. Я думаю о них, когда обнимаю Беляеву, борясь с желанием «заскользнуть» и сжать её ещё крепче. К счастью, мы стоим посреди улицы с её вечерним холодом и уставшими прохожими; ещё нужно спешить к Ажиновой — уже почти пять. К ней и направились. У неё и провели последние три часа, в течение которых я смог убедиться, что у Лины и Бутча действительно что-то происходит. Во-первых, я сам лично видел сцену в буфете. Во-вторых, Людмила увидела Беляеву на остановке в полном одиночестве, когда как обычно её до дома подвозит невероятно раздражающий меня котяра. Поссорились и ладно — с кем не бывает? Но видео в чате «Заклочённые 549 камеры» в корне поменяло моё отношение к происходящему. Если сначала это было любопытство и желание убедиться, что всё в порядке, то теперь я просто зол. На Лину: за то, что выбрала его. На Бутча: за то, что перешёл мне дорогу. И на себя: за то, что не был достаточно внимателен к этой парочке. Что за истеричные выпады с отбиранием шапки? Третьекурсник, блин. Мне такое баловство разве что в школьные годы в голову могло прийти.

— Уже темно совсем, — говорю Беляевой, когда мы втроём высыпали на улицу, перед этим тепло попрощавшись с Людмилой. — До тебя вместе поедем.

Она удивлённо посмотрела на меня, как если бы у меня вдруг вылезла вторая голова. Что-то я не пойму: я похож на человека, который спокойно будет смотреть, как она по темноте одна домой добирается? Но промолчу. Я уже едва не испортил вечер, когда меня обуяла злость при просмотре видео, но смог собрать остатки здравомыслия, чтобы не выплеснуть её на друзей. Я взвесил все «за» и «против» того, что собирался высказать всё, что думаю об увиденном в чате и решил, что Ажинова с Хомяковым мне при этом рядом не нужны. Говорить я хочу только с Линой.

— А меня никто не проводит? — встречается, веселясь, Антон. Всегда немного несуразный, он даже снегом сейчас шуршит громче всех. Его дешёвые ботинки как-то странно поскрипывают, то и дело вызывая у меня внутреннюю улыбку.

— Да и меня не обязательно... — бормочет Лина, но какое мне дело одна она хочет садиться в автобус или нет. Ещё прицепится какое-нибудь животное хвостатое и теперь уже мою шапку у девчонки отнимет. Обломится.

— Я не спрашиваю, а перед фактом ставлю, — отвечаю. Ещё один удивлённый взгляд со стороны Беляевой. Ещё одна усмешка от Хомякова.

— По всем фронтам облом, — жалобно стонет Антон. — Картину не показали, налили мало, домой не провожают! Хнык-хнык!

— Ты где видел чтобы художник картину до завершения показывал! — пихаю его в плечо.

— А я ведь повелась, — добавляет Лина с усмешкой, выдыхая струю тёплого воздуха. Она не спорит с моим намерением сопроводить её.

Совсем скоро мы разминулись: я и Беляева сели на нужный автобус, а Хомяков остался ждать свой. В окно видим, как он на прощание машет нам рукой, переминаясь с ноги на ногу — замёрз. Сам автобус вдруг показался мне длинным, просто невероятно длинным и полным людей, а загустевшая темнота, едва разбавленная слабым освещением совсем не

могла скрыть эту толпу. Не ожидал, что в девятом часу вечера так много людей всё ещё не дома. Многие смотрят в окно, кто-то в телефоне, а я обратил своё внимание на Лину, севшей напротив меня. Колени в колени. Оказалось, она смотрит на меня.

— Тебе идёт моя шапка, — говорю.

— Я верну тебе её завтра, — отвечает с тихой улыбкой. — Только новую куплю, и сразу верну.

— Не торопись. Можешь не возвращать.

— Спасибо, что снова выручил. Ты как волшебная палочка.

— Фея — крёстная.

— Точно. Фей — крёстный.

Автобус слегка дёргается, останавливаясь на светофоре, и колени девушки толкаются в мои.

— Лина, — говорю без тени улыбки, — не позволяй кому-то плохо относиться к тебе, просто потому что любишь.

— Я не... — она резко замолкает, оставляя рот приоткрытым, ровно в тот момент, когда движение на дороге снова возобновилось, и мы продолжили свой путь.

— Ты «не...»?

— Я не позволяла, — заканчивает. — И не позволю. Не знаю, что на него нашло.

— Я мог бы поговорить с ним, — говорю, откидывая голову на спинку сиденья, чтобы попытаться расслабить мышцы, но не прерываю контакт глазами. — Объяснить, как решают вопросы взрослые цивилизованные люди.

— Не нужно, Мих. Всё нормально — говорю же, — Беляева пальцами одёргивает край шапки ниже. Есть что-то трогательное и незащищённое в этом её жесте.

— Можешь меня больше не убеждать в этом. Я твоё «всё нормально» видел своими глазами. Ты игнорируешь мои слова о том, что я мог бы поддержать тебя, как друг. Я не подхожу тебе в качестве жилетки?

— Ты хочешь быть моей жилеткой? — усмехается. — Надо быть полным безумцем чтобы по своей собственной воле подписаться на такое!

— Да! — не поддерживаю её смех. — Мне важно знать, что ты в порядке.

— Пойдём, Мих, — встаёт с сиденья. — Наша остановка.

Мы вышли из автобуса и направились к её дому. Глубоко вдыхаю холодный воздух, силясь сказать что-то важное. Что-то, что нельзя проигнорировать и не воспринять всерьёз. Я не Людмила со слюной в уголке рта и восхищённым придыханием. И я не Антон, смеющийся над тем, как забавно наблюдать чью-то ссору, чьи-то переживания. И мне надоело, что все мои слова просто игнорируются.

Снег блестит под светом фонарей, отбрасывая блики и переливаясь маленькими вспышками света. В знакомых окнах кухни тоже горит свет, у подъезда стоят и курят двое мужчин пятидесяти лет. Они замолкают, когда мы проходим мимо и заходим внутрь. Прикрываю за нами дверь во избежание громкого лязга из-за плохо работающего здесь механического доводчика. Лина поворачивается ко мне и тоже хочет что-то сказать, но передумала, поджав губы и неопределённо покачав головой. Что же... Помолчим ещё немного.

Уже у самой двери её квартиры я обрываю тишину:

— Не просто жилеткой, а бронированным жилетом с длинными острыми шипами. И

даже уговаривать, просить и спрашивать не буду. Увижу, что Бутч дерьмо творит — сдеру с него шкуру и устрою райскую жизнь.

Рот девушки приоткрывается, обнажая край зубов, но Лина в итоге ничего не отвечает. Только растерянно хлопает ресницами, держась за ручку двери, как за последний спасительный пруттик в бурном течении реки.

— Спокойной ночи, Мих, — шепчет она в итоге и скрывается в квартире.

— Спокойной ночи, — отвечаю закрытой двери.

Уже сидя в автобусе на обратном пути, думаю о том, что так и не просил, а из-за чего вообще они повздорили. Уж слишком сильно меня зацепило поведение Бутча. Я беру телефон и пишу Лине в «ВКонтакте», но она отвечает мне, что не хочет их личные вопросы выносить на обсуждение. Ауч. Ну, посмотрим. Я в любом случае предупредил.

Вторник отличился от всех прошлых дней: Беляева зашла в аудиторию одна и вовсе не за минуту до звонка. Прямо как в старые добрые сентябрьские времена! Вся группа ахнула, но мы быстро взяли Лину «под своё крыло», уединившись своим скромным квартетом в одну привычную кучку за аудиторным столом, не давая расспросам о видео и одиночном приходе достать её уже с самого утра. Но всё равно то и дело слышу как наша женская половина норовит узнать побольше о вчерашнем, не забывая потирать ручками в предвкушении интересного сюжетного поворота в любовном сериале под названием «Беляева и Пожарский — идеал отношений». Слушать противно. Получается, если таскаешь цветочки, шарики, шоколадки, то потом уже любая выходка с рук сойдёт? Если этот «идеальный» парень продолжит в том же вчерашнем духе, то и я вынужден буду сменить правила игры. Никакого доброго и терпеливого Муха больше не будет. По-плохому, так по-плохому.

Глава 31. Решение

Лина

Неожиданный порыв ветра пронёсся по улице, подхватил и взметнул редкие падающие снежинки. Я невольно задержала дыхание на несколько секунд пока всё не успокоилось. В этот самый момент мне показалось, что меня ждёт беспокойное время. Предчувствие или интуиция — называть можно как угодно. Что бы это не было, но именно это чувство заставило меня поднять голову наверх и посмотреть на окно кухни. Что я ожидаю там увидеть? По средам у Дианы мало пар, и она уже два часа как должна быть дома. Хочется замедлить шаг и идти максимально неторопливо, оттягивая что-то неведомое мне. Уже рефлекторно одёргиваю шапку ниже — я всё ещё не вернула её Князеву. Так и хожу, не находя времени или желания купить новую. Да и Михаил уже в новой ходит...

Что меня так встревожило сейчас? Непривычная свобода или молчание Пожарского? Он исчез из поля моего зрения: не возит на своей машине, не пишет, не звонит. Даже в вузе случайно не натыкаюсь на него. словно ничего и не было: ни отношений, ни ссоры. Всего два дня тишины, а словно целая неделя прошла. Меня будто машиной времени перенесло в сентябрь, где я снова болтаю с одноклассниками во время перемен, вместе с друзьями иду в буфет обедать, езжу на автобусе, как простые смертные... Всё, как раньше, но только не я сама. Я другая. Во мне зреет напряжение в ответ на комментарии окружающих о моей личной жизни. Мило улыбаюсь им всем, но моя внутренняя пружина сжимается всё плотней. Продолжаю играть какую-то странную роль, но вот-вот настанет момент, когда я просто сброшу сценический костюм и скажу, что больше не хочу. И не буду.

Я не люблю его. Мне просто хотелось верить в это, чтобы угодить общественности — это так глупо. Что же мне теперь делать? Я обманула не только себя и всех остальных, но и самого Глеба. Как бы меня не раздражала его ревность и стремление плотно окружить меня собой, я и сама «хороша». Заслужил ли он такой подлости с моей стороны? Заслуживает ли хоть кто-нибудь? Может, Пожарский так ведёт себя просто потому, что чувствует себя уязвимым, не получая от меня такой же любви, какую испытывает он сам по отношению ко мне?

Я люблю Михаила. Мне больше никуда не сбежать от этого признания. Эти слова отчётливо горят неоновой вывеской в моей голове с вечера понедельника. С той минуты, когда он вызвался проводить меня до дома. С того касания коленями, жёстко сказанных слов, после которых я увидела, что Князев тоже стал другой. Он всё время где-то рядом, я всё время имею возможность вдыхать его запах, ощущать кожей воздух, который он выдыхает. Михаил будто сторожит меня: не стесняюсь, садится ближе ко мне, смотрит более упрямо. Даже не думала, что Князев может быть ещё более привлекательным, чем был. Не знаю, что в нём изменилось, но это будоражит, оголяет нервы ещё больше.

Делаю глубокий вдох и выдыхаю белый пар. Я должна идти, а не морозить ноги посреди двора. Шаг, другой, и я прикладываю магнитный ключ, отворяя тяжёлую дверь подъезда. Раз ступенька, два...

В квартире стоит запах выпечки — Диана ищет идеальный рецепт новогоднего печенья. Сегодня уже третья попытка. В первый раз у хрустящих с виду «звёздочек», посыпанных сахарной пудрой, оказалось сырое тесто внутри. Во второй раз всё печенье просто сгорело, вызвав самую настоящую депрессию у «повара» на целый вечер. Жуткое зрелище: она

надулась, как обожравшийся хомяк и перестала разговаривать со мной, словно это я навела порчу какую! Вот смешная. Что же у Васильевой получилось сегодня? Пахнет очень даже вкусно, и моё настроение сразу поползло вверх от предвкушения ощутить тёплую и хрустящую сладость у себя во рту.

Снимаю обувь и слышу, как подруга стучит посудой в кухне и с кем-то разговаривает при этом. По телефону болтает? Но затем я слышу и второй голос — мужской. В крайнем изумлении бросаю рюкзак на пол прихожей и несусь в кухню. Все мысли о печенках, как ветром развеяло: как посмели они вести светские беседы в моей зоне комфорта? Как посмел он? А она? Вот он, стоит. Кот в сапогах. Смотрит на меня, восторгнулся, вытянулся во весь рост, теребя в руке ярко-оранжевый фирменный пакет какого-то магазина. Очередной подарочек, после которого я должна буду на шею ему броситься, забыв обо всём? А Диана улыбается, наивная, не зная, кого приютила. Печенье с противня в чашку перекладывает да на кипящий чайник поглядывает. Милота!

— Привет, рыбка, — здоровается со мной самым обычным тоном с самым нейтральным лицом.

— Ты как здесь оказался?

— В домофон позвонил.

— Лучше бы мне позвонил и сказал, что припрёшься, чтобы я домой не возвращалась. Уходи, пожалуйста.

— Лина! — восклицает крайне удивлённая Диана. — Какой уличный снеговик тебя морковкой клюнул?

— Конечно, уйду, но сначала ты меня выслушаешь, — парирует Пожарский спокойным голосом и с ещё более миролюбивым выражением лица. На Васильеву никто из нас внимания не обращает, и она просто вертит головой то в мою сторону, то в сторону Глеба.

— И не подумаю! Мог бы и предупредить о своём визите! Ни сообщения, ни телефонного звонка!

— Чтобы ты меня на порог не пустила потом и Диану на то же подговорила? Я не дурак.

— Ты, похоже, забыл всё, о чём я говорила. Мне ужасно надоело, что никакого проходу от тебя нет. Два дня передышки и опять?

— Я не пойму: ты хочешь чтобы я совсем из твоей жизни пропал? Я дал тебе эти два дня, но больше так не могу. Я хочу поговорить и всё наладить. Хочу, чтобы мы снова стали прежними, хочу поработать над нашими взаимными упрёками и обидами. Не один, а вместе с тобой. Ты же поможешь нам, надеюсь?

— Что ты от меня хочешь сейчас? — вздыхаю устало.

— Просто поговорить, Лин. Ничего сверхъестественного, — он выглядит таким нормальным сейчас, что сердце дрогнуло. Что я в самом деле кусаюсь? Человек с хорошими намерениями пришёл, не ругается, в отличие от меня, не делает ничего непозволительного. Сама же только что, стоя во дворе под окнами кухни, думала о своём сомнительном поведении по отношению к влюблённому парню.

— Хорошо, я тебя слушаю, — сдаюсь в итоге. Пусть говорит. Даже Васильева, смотрю, будто расслабила плечи и снова ожила где-то отдельно от нас, разливая кипяток по чашкам.

— Я не смог найти точно такую же, — протягивает мне Глеб пакет, державший в руке всё это время. — но эта шапка очень похожа на твою прежнюю.

Принимаю из его рук попку, сделанную для меня в качестве компенсации. Заглядываю внутрь пакета, отмечая, что шапка действительно похожа на ту, что я потеряла в понедельник.

— Прости меня, — этот проникновенный голос окончательно лишает меня сил и возможности злиться. — Если она тебе не нравится, то я куплю любую другую и даже десять, сотню других.

— Всё нормально, Глеб, — останавливаю его. — Эта вполне подойдёт.

— Я дурак, — качает головой, — и задолжал тебе целый фургон таких шапок.

— Ребят, — вмешивается Диана, — вижу, у вас уже всё хорошо. Как насчёт чая?

И мы в самом деле садимся пить чай. Невероятные метаморфозы произошли с Пожарским за прошедшие дни — совсем другой человек сидит; он осторожно прихлёбывает из чашки, аккуратно шутит с Васильевой, с невероятной мягкостью касается моей ладони, которую я так неосторожно оставила на столе.

— Лина, — говорит он в какой-то момент, — нам правда нужно поговорить. Наедине.

— Ой, я же это... могу в комнате скрыться, — заволновалась Диана вместе со своими всколыхнувшимися кудрями, — или погулять выйти.

— Не нужно, — останавливает её Глеб. — Я хочу пригласить Лину к себе в гости на эту ночь, — поворачивается ко мне. — А утром сразу вместе поедem на пары. Ты ведь ни разу у меня ещё не была, — на этих словах я разглядела непривычную мольбу в его глазах.

— Ни разу, но... — как подобрать слова, способные всё объяснить, но не обидеть? Куда я влипла, дура.

— Эй, — понижает он голос, — я не имею ввиду ничего такого. Просто хочу показать тебе, как живу. И поговорить хочу. Всерьёз. Без ругани, без криков, без всего лишнего. Хочу ещё раз извиниться и всё объяснить, став более понятным и менее враждебным для тебя. Ров между нами увеличивается, и мне страшно. Это просто свидание, как и раньше. И если хочешь — это моё второе желание. Так много времени прошло с момента первого желания и так много произошло с тех пор.

Пожарский поглаживает мою руку, говоря всё это. Желание. Я уже и думать забыла о этих его трёх желаниях. Он обещал, что они будут во имя нашего общего блага, а не по его прихоти. Он искренне думает, что смена обстановки на более интимную поможет нам сблизиться и вернуть то, что начинало зарождаться. Но нам уже ничего не поможет. Потому что я не могу любить его.

— Нам действительно нужно поговорить, — соглашаюсь.

Ощущается ли прыжок с обрыва так же остро и отчаянно, как решение, которое я только что приняла?

Лина

Я открыла окно в гостиной, опёрлась на подоконник, вглядываясь в заканчивающийся день. Солнце почти село, делая горизонт едва различимым. Всё ещё с неба опадали редкие снежинки, что от порывов лёгкого ветра летят мне прямо в лицо. Под окном двумя этажами ниже мужчина паркует машину, а затем немного неповоротливо из-за выступающего живота и лишнего веса выходит из неё, обходит полукругом, чтобы после нырнуть с головой в багажник за огромными пакетами с известными логотипами. Продуктов накупил, видимо.

— Долго ещё у окна зависать будешь? — голос Глеба тих, но в миг оглушает меня. Я почти забыла, что нахожусь у него дома, и он вообще-то маячит где-то у меня за спиной.

Мы мало разговариваем и в основном всё наше общение до этой минуты сводилось к тому, что Пожарский показывал что и как устроено в его огромной квартире. Она имеет три комнаты и почти вся оформлена в серых тонах. Строго и дорого на вид. Но я бы хотела оказаться сейчас в совсем другом месте — там, где была лишь однажды.

— Хочу подышать прежде чем мы начнём разговор, — поворачиваюсь к нему лицом и вижу беспокойство в его глазах. Он ведь всё понимает? Он догадался, о чём я буду говорить.

— Да, разговор будет трудным, — криво усмехается. — Я бы хотел начать первым, если позволишь.

— Почему именно три желания, а не два или пять? — перебиваю. Мне нужно ещё немного времени. Совсем чуть-чуть.

— Это самое сказочное число: три богатыря, три поросёнка, три медведя, три дочери, три жениха...

— А у золотой рыбки может быть хотя бы одно желание? — я вижу, как мелькнул испуг в его глазах. Только одного рыбка и может желать: свободы.

— Конечно, — соглашается Пожарский, скрепя руки на груди в защитном жесте. — Я всегда старался предугадывать твои желания. Делал всё, что обычно нравится девушкам, пытался угодить тебе во всём. Разве нет? Я водил тебя на свидания и зачастую в разные места, чтобы не повторяться, и тебе скучно не стало. Я знаю какой шоколад ты любишь, какие цветы для тебя пахнут приятней всего. Я из кожи вон лез всё это время. Да, я не идеал и где-то что-то испортил. И я ещё раз прошу у тебя прощения, обещаю исправиться и меньше показывать свои собственнические замашки.

Он говорит, а я сама не замечаю, как отзеркалила его движение и тоже скрестила руки. Глеб умеет говорить красиво — этого у него не отнять. Когда он говорит таким тоном, как сейчас, то напрочь отбивает желание как-то задеть его, ответить чем-то неприятным. Я понимаю почему он вызвался начать разговор первым. Именно для того, чтобы успеть создать такую атмосферу, сломать которую было бы ужасно некрасивым поступком с моей стороны. Или я снова просто ищу подвох, а парень просто искренне переживает сейчас за наше совместное будущее? Что меня так заставляет всё время злиться на него или искать причину разозлиться? Иногда я даже испытываю враждебность по отношению к нему, но есть ли в том и его собственная заслуга? Говорят, он классный. Все так думают, кроме, разве что, Михаила.

— Я люблю тебя, Лина, — продолжает Глеб свой монолог, садясь в кресло. — Поэтому так много времени хочу проводить с тобой. Больше и ещё больше, но этого всегда мало. Мне

всё время тебя не хватает и думается порой, что ты ко мне стала совсем равнодушна. Или меня просто должно стать чуть меньше, и тогда всё станет в порядке? Даже окно в моём присутствии уже открываешь — настолько задыхаешься от меня.

Пожарский горько усмехается, наклонившись так, чтобы опереться подбородком в переплетённые в замок пальцы. Я продолжаю стоять у окна, но не закрываю его, не смотря на холод, который ощущаю своей спиной. Он помогает мне держать свою голову в здравомыслии. Или мне хочется в это верить.

— Ведь я много раз говорила тебе, Глеб. Ты не слышишь.

— Да, согласен. Я просто не хотел слышать. Ведь это не самые приятные слова, — вздыхая, потирает лоб. — Но теперь до меня дошло и я готов пойти тебе на уступку. Я не буду беспокоить тебя в учебное время. Согласна?

— Глеб, я хочу теперь уже о другом с тобой поговорить.

«Нам нужно расстаться». Мне нужно. А ком в горле всё равно парализует, и чувство вины сжимает плечи. «Давай же, Лина!». Ну что я мямлю в самом деле?

— Подожди, подожди! — Пожарский вновь забеспокоился, почти вызывая у меня сочувствие, которое уже скребётся где-то у меня за рёбрами. — Я также хотел прояснить ещё один момент. Я не буду сейчас грузить тебя рассказами о своём непростом детстве и холодности родителей. Просто хочу понимания и прощения. Прости, что так цепляюсь за тебя, душу, как хватался за родителей, когда они отмахивались от меня и рассказывали, что слишком заняты зарабатыванием денег. А ты своими друзьями. Но я не маленький — верно? Поэтому буду исправляться.

— Глеб... Я всё понимаю, но...

— Но я всё равно болван. Я знаю это. Да и в последнее время слишком загружился своими проблемами. Умер отец, и я немного потерялся в попытках успокоиться рядом с тобой.

— Когда? — выдыхаю, совершенно оглушённая его последним признанием. Будто снегом засыпали с головой — и сквозняк из окна тут вовсе не при чём.

— Месяц назад.

— Почему только сейчас говоришь?

— Не хотел грузить. Хотел быть романтичным, весёлым и приятным.

— Соболезную.

Он молча кивает головой с самым несчастным видом. Так выглядит разбитый на осколки человек. Под всем этим фасадом с тату и пирсингом в носу скрывается обычный ранимый человек.

— Так что ты хотела сказать? Извини, что там много эфирного времени занял, — прерывисто вздыхает, поднимая на меня тяжёлые глаза. В их глубинах плещется что-то сильное и не поддающееся определению.

Я стала осматривать гостиную, пытаюсь что-то придумать. У меня нет плана «Б». Я была жестока с Глебом всё это время, но я не настолько пала, чтобы говорить ему сейчас, после таких откровений, что не люблю его и хочу уйти. Просто невероятно. Этой ночью я собиралась прекратить наши нелепые отношения. Как же я ждала этого момента сегодня, тысячу раз проигрывая в уме сцену своего ухода! А теперь что? Всё пошло совсем не по моему сценарию.

— У тебя ведь три комнаты? В какой из них я могу лечь сегодня спать?

— Можем вместе.

— Хочу одна, — а вот это принципиально.

— Выбирай любую, — не стал спорить. — Приставать не буду.

Я почти не спала. Утренние синяки под глазами сообщили мне о том, что чуда не произошло, и рыбка не оказалась на свободе. Невод по-прежнему держит меня в своих жёстких неприятных объятиях, вызывая желание скрести по коже, разорвать эти путы. Приставать Глеб и правда не стал, ограничившись быстрым поверхностным поцелуем. Боялся, что я разозлюсь и разрушу хрупкое перемирие.

Мне тягостно. Мы едем на пары вместе, как и договаривались вчера. Поддерживаем ничего не значащий разговор о наших преподавателях, которые знакомы нам обоим. Глеб поглаживает моё колено, а я даже смотреть на его руку не могу, упрямо провожая глазами прохожих, мимо которых проезжаем. Хочется быть с ними, среди шустрой толпы. Где угодно, но только не в тесноте этой машины. Думала, сегодня всё изменится к лучшему и я начну новую главу своей жизни, но в итоге всё обернулось таким образом, что стало только хуже. Я всё испортила. Ещё в самом начале, когда под влиянием толпы вступила в эти отношения.

— После пар отвезу тебя, как обычно, — проникает сквозь мысли голос Пожарского.

— Ладно, — нет никакого желания спорить с ним.

— Все перемены твои, как и обещал, — он чуть крепче сжимает моё колено, выдавая скрываемое напряжение.

— Отлично.

Вскоре мы оказываемся во внутреннем дворе вуза, и Глеб уверенно, как опытный водитель, паркуется на своём излюбленном месте. Отстёгиваю ремень безопасности и сразу хватаюсь за ручку двери.

— Люблю тебя, — опадают слова парня в повисшей тишине, как дешёвый плохо растворимый кофе на дно стакана.

Не знаю где нахожу силы, но поворачиваюсь к нему лицом и киваю, улыбаясь. Я не буду врать. Не могу. Пусть мы не расстались сегодня, но это неизбежно случится в любой другой день. Потому что так больше нельзя. Потому что я устала.

Выходим из машины и расходимся в разные стороны, каждый в свой корпус. Я на секунду закрываю глаза, делаю глубокий вдох, впуская в лёгкие морозный воздух, а когда снова поднимаю веки, вижу бодро шагающего Князева с Хомяковым. Они тоже видят меня и видели то, как я покидала машину Пожарского. Мне вдруг стало совсем неловко за себя и стыдно, хотя эти парни ничего не знают о закулисые моих отношений с Глебом и не могут осуждать меня.

Это я сама себя осуждаю. И поэтому мне всё ещё нужен план «Б». Срочно.

Глава 33. Поцелуй неизбежен

Михаил

Лина повернула голову и уставилась на нас, оставляя позади машину своего парня и его самого, идущего к третьему корпусу. Тёмная фигура Бутча на фоне заснеженной улицы сегодня по особенному сильно раздражает органы зрения, вызывая желание просто взять ластик и, как в «Paint» удалить ненужный фрагмент, что портит весь рисунок.

— Рано я радовался, — говорит мне Антон. — Помирились.

— Тебе какое дело, — меня аж передёргивает.

— Так за тебя же волнуюсь.

— За себя волнуйся, а от меня отвали.

— Как отвалить? С чего это?

— С того, что ты здесь.

Беляева меняет траекторию своего движения, направляясь прямо к нам. Я вижу, на ней всё ещё моя шапка, и это обстоятельство делает меня на каплю счастливей. Девушка не выглядит по уши влюблённой после перемирия, но и несчастной назвать её не могу. При виде нас улыбается, здоровается, как обычно.

— Какая у нас сейчас пара? — спрашивает она.

— Любимая дисциплина Антона, — спешу ответить, — с его любимой женщиной во главе, которую отделяет от него деревянная трибуна для выступлений и их социальные роли.

— Вот идиот, — возмущается Хомяков, смешно скривив лицо.

— Понятно, — смеётся Лина, — философия значит.

Её смех всегда был заразителен для меня. От одной только улыбки девушки хотелось улыбнуться в ответ. Но не сейчас.

— Хомяк, — обращаюсь к другу, — иди без нас.

Он понимающе хмыкает и без какого-либо сопротивления оставляет нас одних, поскрипывая своими ботинками к корпусу. Беляева удивляется моей просьбе, но терпеливо ждёт пока я начну говорить. Когда огромный рюкзак Хомякова оказался на достаточном от нас расстоянии, я спрашиваю:

— Помирились?

Беляева как-то странно шарит глазами по сторонам, выдерживая паузу едва ли не в целую минуту.

— Вроде того, — отвечает, наконец.

— Как это понимать?

— Помирились мы, — вздыхает почти раздражённо.

— Почему сейчас врозь? Обычно, как пластилиновые слеплены в кучу.

— Это условие нашего перемирия.

— Чьё оно?

— Моё.

— Почему? — не отстаю, не обращая никакого внимания на прохожих, на ускользящие минуты до звонка на первую пару.

— Зачем так много вопросов? — вижу, как начинает нервничать, раззадоривая во мне ещё большее желание докопаться до сути.

— Надо так. Так почему ты поставила такое условие?

— Хочется больше личного пространства, — беспечно пожимает плечами, которые хочется обхватить руками и слегка потряхнуть, чтобы слова посыпались, как спелые яблоки с дерева.

— Он извинился за шапку?

— Да.

— А за остальное?

— Тоже.

— Сейчас снова не скажешь, что произошло у вас в понедельник?

— Может тебе ещё докладывать какого цвета трусы я ношу? — спросила и сама же сразу смутилась. Мне даже смешно стало от вида розовеющих щёк. Главное теперь не представлять подругу в белье. «Не представлять, Мих!», — одёргиваю себя, а образ так и просится в голову, дразня своим нечётким, туманным изображением.

— Я не против, — усмехаюсь, не сдерживая себя. Уж больно мило Беляева жуёт губу, пряча глаза куда-то в сторону. А ведь раньше шутили так и ничего... Что же изменилось?

Удовлетворяющих меня ответов я в итоге так и не получил, но это вовсе не значит, что я сдамся и не буду наблюдать за ними в оба глаза. Мы вместе направились к дверям корпуса в безмолвном согласии на временное прекращение темы. Уверен, Лина и сама понимает, что мы к этому вопросу ещё вернёмся. А пока погружаемся в учебный четверг. Конечно, в аудитории нас ждали всё те же приколы: непрерывная какофония голосов, хаотичные списывания домашки, секретные перешёптывания в самом дальнем углу, чьи-то дурацкие шутки и громкий хохот, подражающий гиенам. Антон как раз прямо сейчас среди этих «гиен», а Людмила в полном одиночестве сидит, уткнувшись в свой телефон, и загадочно улыбается. Переписывается с Андреем — не иначе.

Во время пары с почти азартным энтузиазмом подкалываю Антона, доводя его почти до бешенства. «Хороша, но не твоя, да?» — незаметно толкаю его, когда влюблённый взгляд Хомякова зависает на молодой преподавательнице, старательно объясняющей нам суть стоицизма. «Какая жалость, что вы не вместе», — шепчу, с каким-то садистским удовольствием, за что получаю кулаком в колено. Да, я несправедлив. Не знаю откуда столько агрессии во мне и почему так сложно её удержать, не расплёскивая на другого. Я ещё пожалею о своём издевательстве над другом. «Будет знать, как ко мне лезть!» — тут же защищается мой внутренний голос, и та сторона меня, которая всё это затеяла. А над Хомяковым ли я сейчас издеваюсь? Все эти слова, произносимые мной сейчас, применимы и в мой собственный адрес...

Но есть и один хороший момент. В течение всего учебного дня я совсем не наблюдаю Бутча. Просто райское наслаждение — по-прежнему не видеть котяру. Лина всё время проводит с нами и даже в буфет мы сейчас пришли все вместе. Позволив себе чуть больше свободы, не сдерживаюсь в своём желании сидеть рядом, ближе, с тихой радостью отмечая, как стул подруги и сам будто специально оказывается в каких-то жалких немногочисленных сантиметрах от моего. Снова. Ведь так происходит весь сегодняшний день.

— В понедельник зачёт у Аркадия Евгеньевича, — пользуюсь моментом, пока мы одни за столиком в ожидании Хомякова с Ажиновой, что ещё стоят в очереди за своим обедом. — Завтра у меня тренировка, а вот сегодня я свободен. Как ты смотришь на то, чтобы я сегодня приехал к вам?

— А суббота? — Беляева отвлекается от потрошения любимой булочки, удивлённая

моим вопросом.

— И в субботу тоже. Подстрахуемся, так сказать. Хотя я за тебя больше не переживаю в этом плане — зачёт уже у тебя в кармане.

— А хотелось бы в зачётке, — улыбается.

— Будет и там, — рефлекторно, не задумываясь, тяну руку к её тонкому запястью и тихо сжимаю его на пару секунд в поддерживающем жесте.

— Хорошо, — Лина провожает немигающим взглядом мою исчезающую под стол руку. — Только... — Она вдруг нахмурилась, став задумчивой, и я немного напрягся.

— У тебя сегодня свидание? — аж зубы заломило от того, как сильно я их сжал. Показалось, что даже бумажные снежинки, украшающие окна буфета, заколыхались от волны возникшего напряжения в моём теле.

— Нет, насколько мне известно, — улыбка подруги выходит какой-то саркастичной. — Но давай я сама к тебе приеду?

Сердце пропускает удар, и я из последних сил сдерживаю глупую улыбку. Я серьёзный взрослый мужчина — никаких глупых улыбок!

— Да, конечно, — отвечаю максимально ровно, нейтрально.

Итак, Лина Беляева сегодня снова приедет ко мне в гости. Эта мысль не даёт мне покоя весь оставшийся день. Тысячу раз прокрутил в голове, как именно я отворю ей дверь, что скажу при новой встрече, как буду одет при этом. Обдумал и множество вариантов того, чем буду угощать свою гостью: каким чаем, каким десертом. Конечно, заранее вдохновенно представил, как буду провожать её, сидя в автобусе. Не менее сильно меня волновал такой вопрос: бок о бок мы будем при этом сидеть или напротив друг друга, как в прошлый раз? Будут ли вечерние огни от уличных праздничных гирлянд отбрасывать свои блики в светлых глазах Беляевой? Будет ли улыбка украшать её лицо? Буду ли улыбаться я сам или меня ожидает жёсткое приземление после своих возвышенных фантазий непонятно о чём?

Так или иначе, но в магазин после окончания пар я ворвался по-прежнему вдохновлённый с чётким намерением купить что-нибудь этакое к чаю. Очередь на кассе, состоящая в основном из пожилых тучных женщин и семей с шумными детьми, показалась бесконечной; мне не терпелось скорей вырваться на свежий воздух, а затем к себе домой, чтобы убедиться, что мне не нужно наводить срочный порядок перед приездом подруги.

Вскоре оказываюсь дома, и далее время вдруг начинает лететь с огромной скоростью. Связано это с моей нервозностью и хаотичными попытками начистить своё логово дочиста? Возможно. В любом случае, оно бежит, приближая тот самый час всё ближе до тех пор, пока не раздаётся заветная трель домофона.

Когда я отворяю Лине дверь, сразу, в ту же секунду, понимаю: поцелуй неизбежен. Я не могу не поцеловать её сегодня. Слишком красивая. Слишком желанная. Не настолько я наивен, чтобы верить в то, что смогу быть пайнкой весь вечер, не смея коснуться, поддаться влечению. А что до Бутча... Отобью, переманю девушку на свою сторону.

— Привет, — освещает пространство прихожей тёплый голос Лины.

— Привет, — и всё же глупо улыбаюсь.

Лина

Зачёт по экономической социологии мне теперь и правда обеспечен. И всё благодаря Михаилу. Вот не зря он возился со мной все последние недели в один из выходных, когда мог бы заниматься другими своими делами, не утруждая себя этим «репетиторством». Меня, признаться честно, всё ещё удивляет его готовность помогать мне, тратить на меня своё свободное время. «Друг же!» — скажет кто-то, но ведь далеко не все друзья относятся к той категории друзей, что с тобой не только в моменты успеха, но и при неудачах никуда не исчезают. Князев, к моему счастью, оказался именно тем самым настоящим другом. Зря та загадочная незнакомка отвергла его, ох зря. Мне её совсем не понять.

Уже идёт шестой час вечера. Я в квартире Князева и мне снова легко и волнительно одновременно, как было при моём прошлом визите к парню. Мы сидим в комнате, где есть удобный диван и стол; мы только что закончили копаться в своих тетрадях, а учебник захлопнут и убран в сторону. Можно облегчённо выдохнуть — что я и делаю.

— Ну всё, — говорю, — теперь до субботы никаких Аркадиев Евгеньевичей.

— Да, время чаепития, — соглашается Михаил.

Мы направляемся в кухню, где должны быть обещанные другом вкусняшки. Он говорил, что купил ореховый рулет и какое-то очень необычное печенье, которое должно меня удивить, но, к сожалению, не захотел признаваться в чём же его необычность.

— Ну, показывай своё печенье, — осматриваю всю кухню, но никакого свёртка или яркой упаковки не нахожу.

— С этим подожди, — ухмыляется Михаил, открывая холодильник и извлекая из него картонную коробочку в эмблемой одного кондитерского магазина. — Начнём с рулета, а главный козырь оставим напоследок. Обещаю: рулет вкусный. Даже привередливый Тимофей от него без ума.

Мне дана разделочная доска и нож, а Князев ставит чайник и гремит посудой пока ищет чашки, а также подходящие для десерта тарелки. Искоса наблюдаю за ним, в который раз замечая, как красивы руки человека, что регулярно ходит в тренажёрный зал. Или дело лишь в том, что это руки Михаила? Но тот факт, что я обожаю его чёрную спортивную майку, не скрывающую рельеф мышц, совершенно точно неоспорим. Да, многие заявят мне, что Глеб тоже не отстаёт от моего друга в своей привлекательности, но что мне с этого? Его привлекательность меня больше совсем не трогает. Если раньше я ещё могла смотреть, где-то даже любоваться, и думать, будто могу быть влюблённой в него, то теперь и от этих крох ничего не осталось. Лишь усталость и чувство вины перед ним и собой за то, что я нас обманула.

Поддеваю ножом рулет и осторожно перекладываю его из коробки на разделочную доску. Беру в руку нож и вдруг замираю с ним над посыпанным ореховыми крошками рулетом. А что значили сегодняшние слова Глеба о том, что ему стоило бы немного освободить место в шкафу? Днём, когда он отвозил меня после пар домой, я пропустила его высказывание мимо ушей. Он рассчитывает на то, что я перееду к нему насовсем?

— Ты чего такая задумчивая? — прерывает Михаил мои мысли. — Что-нибудь случилось?

— Ты так часто задаёшь мне этот вопрос в последнее время. Жаль, мне за него не

платят каждый раз, а то разбогатела бы уже.

— Может быть не на пустом месте такие вопросы возникают?

— Их только ты и задаёшь. Может быть это у тебя что-то не в порядке?

— Может быть. Но не сейчас, когда ты здесь.

В замешательстве отворачиваюсь к столу, снова беру в руку нож и принимаюсь разрезать рулет на тонкие ломтики. Мелкие кусочки арахиса сыпятся на разделочную доску, но основная их масса остаётся приклеенной к глазури сверху. Пальцем цепляю осколки орехов и отправляю себе в рот — привычка, оставшаяся с детства. Всё время водила хороводы вокруг кухонного стола пока мать что-то готовила, а я нагло «воровала» вкусные ингредиенты. То сахарная пудра посыпется мимо, то шоколадные дропсы останутся лишние. Беззаботные светлые времена! Слышу как Михаил подходит ко мне сзади, а затем вижу мужскую руку, что легла сверху на мой сжатый кулак с рукояткой ножа. Мы вместе заканчиваем разрезать десерт, застыв после на минуту. Я пытаюсь разжать пальцы, чтобы освободиться и убрать нож, но Князев не даёт.

— Вкусные орешки? — его бархатный голос раздаётся прямо над моим ухом.

— Угу.

— Сейчас проверю врёшь или нет, — свободной рукой тянется к доске с рассыпанным арахисом, окружив меня собой теперь уже с обеих сторон, и цепляет подушечкой пальца ореховую крошку. Рука исчезает, но справа всё ещё чувствую тяжесть мужской ладони на своей.

— Надо же: не врёшь. Хоть в чём-то, — усмехается, вынуждая меня пихнуть его локтем в живот. — Ай! Убьёшь же! — смеётся гад, освобождая, наконец, мою правую руку.

— Наливай чай, Мих, чайник вскипел, — упираю руки в бока, строя из себя весьма грозную даму.

— Слушаюсь и повинуюсь... — и он действительно принимается разливать кипяток по нашим чашкам. Я наблюдаю за всплывающими на поверхность чайными пакетиками, мечтая о том, чтобы этот вечер не кончался. — Жаль только что того самого чая у меня нет, который я тебе в «Вконтакте» показывал.

— Зато у тебя есть какое-то особенное печенье, — принимаюсь раскладывать бисквитные ломтики с ореховой глазурью по тарелкам.

— О, да. Ты даже не представляешь.

За пустой болтовнёй и время быстро летит. Не успеваю моргнуть глазом, как мы уже и рулет доели, и чай выпили. Михаил собирает всю посуду и сгружает её в раковину, не подпуская меня к ней, чтобы даже не смела предпринять попытку всю её перемыть. «Ничего не хочу слышать о том, кто там что из нас должен!», — заявил мне друг и отправил меня в комнату. А я всего-то предложила помощь в благодарность за его гостеприимство. Так уж и быть: ухожу, сажусь на диван, прислушиваясь к шуршанию в кухне. На секунду прикрываю глаза и делаю глубокий вдох. Мне просто так хорошо и спокойно сейчас, что даже самый обычный по сути диван кажется невероятно удобным. Открываю глаза как раз в тот момент, когда шум в кухне прекращается.

Князев с широченной улыбкой входит в комнату и протягивает мне глубокую чашку, куда высыпал... песочное печенье в форме рыбок. Хорошо хоть не всем известные солёные крекеры.

— Мих, вот где ты их нашёл? — беру одно печенье и пробу на вкус.

— В магазине на соседней улице. Сколько раз там бывал, а ни разу не видел чуда такого, — он плюхается на диван рядом со мной, коснувшись моего плеча своим, а чашку с тихим стуком ставит на стол.

— Это даже вкусно, — говорю с набитым ртом под насмешливые взгляды друга. Он не ест, а просто смотрит на жующую меня.

— Ты сейчас на Антона похожа, — широко улыбается, показывая ряд белых зубов.

— Чем это? У меня волосы в разные стороны торчат? — провожу руками по своей голове, в попытке навести порядок.

— Вот этим вот, — понижает он голос и совсем неожиданно для меня обхватывает пальцами одной руки мои щёки, заставляя губы вытянуться в подобии утиного клюва.

— Князев! — отскакиваю от него, не понимая, что за странное чувство сейчас во мне встрепенулось.

— Беляева! — пародирует он меня, а затем резким движением обхватывает руками за талию и притягивает к себе, усаживая на свои колени так, чтобы мы оказались лицом к лицу.

И он целует. Целует глубоко, сильно, без шанса оставить равнодушной. Я слышу свой пульс, я задыхаюсь не в силах остановиться или остановить его. Всё произошло так стремительно, что я не успела сделать вдох, прежде чем мужские губы впелись в мои. На секунду отрываюсь, делаю судорожный вдох, а затем снова увлекаюсь Михаилом в наш страстный танец. Он тяжело дышит, как и я, но ещё больше я схожу с ума от его ладони, что судорожно поглаживает мой затылок. Хочется захныкать, как маленькая, когда его лицо отдаляется от меня, покидая, а губы шёпотом произносят:

— Мне не нужно печенье, чтобы узнать какова рыбка на вкус.

А глаза тёмные-тёмные, как два глубоких океана с отражающимся в нём ночным звёздным небом. Я теряюсь, не знаю, что сказать, но мои слова и не нужны. Потому уже в следующее мгновение Михаил поворачивается и опрокидывает меня на спину, а затем целует, целует, целует... До пожара на губах, до дрожи во всём теле. Не сдерживаюсь, шаря ладонями по его спине, шее, волосам. Мы тонем, мы потерялись, мы вне этого мира — где-то далеко, в своём собственном.

Не знаю как долго мы целовались, но это оглушительное чувство будет со мной ещё долго. Оно не покидает меня, когда мы стоим в прихожей и одеваемся. Оно по-прежнему со мной, когда мы стоим на автобусной остановке посреди уже тёмной улицы с зажженными фонарями и праздничными гирляндами на здании напротив. А затем это чувство, помимо самого автобуса, в котором я и Михаил сидим бок о бок, согревает меня, вселяя надежду на что-то светлое и доброе.

Слова нам всё ещё не нужны. Не хочется нарушать нашу общую тишину. Единственный способ общения сейчас между мной и Князевым — глаза. Мы просто смотрим друг на друга, и нам обоим не хочется говорить. Одно неправильное слово, и всё сломается. Лишь перед входом в подъезд я прощаюсь с ним:

— До завтра, Мих.

— До завтра, Лина. Спокойной ночи, — голос спокоен, в глазах светится тепло или просто блик от уличного фонаря.

— Спокойной ночи, — решаюсь улыбнуться.

Тяжёлая дверь подъезда разделяет нас, я поднимаюсь по лестнице и бреду к своей квартире. В прихожей привычный запах роз и выпечки, в кухне голоса. Что-то странное опять.

— Где ты была? — не успеваю даже толком удивиться, как слышу вопрос Глеба. Он выходит из кухни и направляется ко мне, грозно нахмутив брови. За его спиной маячит Диана с кухонным полотенцем на плече. Ей я сказала, что пошла к Людмиле. Меня совсем не вдохновляла идея того, чтобы Михаил вновь пришёл к нам. Не хочется повторения прошлого раза с истерикой Васильевой. Поэтому и решилась пойти к нему сама.

— У подруги, — пожимаю плечами.

— Я тебе сообщения шлю и звоню, а ты не отвечаешь! — я вижу, как он пытается сдерживать себя в присутствии Васильевой.

— Сейчас прочитаю, — не раздеваясь и не снимая с себя обувь, вынимаю из кармана давно позабытый телефон. Семь пропущенных звонков и три сообщения в «Вконтакте». Я открываю нашу переписку, молча читая набор гневных предложений:

— *«Ты где?»*

— *«Я у вас дома, жду тебя.»*

— *«Куда ты подевалась? Что за чёрт? Моё терпение уже на исходе! Почему я как полный идиот сижу и жду тебя, пока твоя подружка выносит мне мозг своей болтовнёй?»*

Сегодня. Мы должны расстаться сегодня — ни днём позже.

Глава 35. Страшно

Лина

У меня дежавю. Я вновь сижу в машине Пожарского и еду к нему в квартиру сквозь тёмные вечерние улицы. Мимо проносятся фары машин, ярко горящие светофоры, фонари, всевозможные уличные светящиеся украшения, приуроченные к приближающемуся новому году, и горящие окна зданий. Глеб полностью занят дорогой, а я сижу, погрузившись глубоко в свои мысли. Снова представляю сценарии того, как может сложиться наш разговор. Как и вчера, хочу раз и навсегда покончить со всем этим, но сегодня как будто-бы даже ещё больше. Я уже не поддаюсь чувству жалости, так как вина моя сильнее. Особенно после проведённого с Михаилом времени. Мне уже даже всё равно, если Князев целовал меня просто чтобы не думать о той самой девушке, с которой не сложилось. Пусть так. Зато нам обоим было хорошо вместе. Зачем сопротивляться?

Глеб, словно всё прекрасно понимая, сидит мрачнее тучи. Он всё ещё зол на то, что меня пришлось ждать, хотя ни разу не предупредил о своём приходе — решил, что я итак пойму его без слов. Раз ночевали один раз, то и все последующие разы должны ночевать вместе. Конечно, конечно. Но ещё сильнее его злит, что я вместо извинений демонстративно не взяла с собой рюкзак с вещами на ночь.

— А вещи? — спросил он, когда мы уже одетые стояли и прощались с Дианой. — С пустыми руками поедешь?

— Мне не нужны вещи, — ответила я, осторожно подбирая слова. — Я просто поговорить еду, так как вчера у меня не получилось сказать тебе кое-что важное.

— Ты не?.. — Глеб оборвал себя на полуслове, помня, что Васильева здесь, в одном коридоре с нами и всё слышит. Я понимаю по его голосу как недовольство растёт и множится, в то время как Диана смотрит на нас обоих с задумчивостью и явно чувствует себя немного не в своей тарелке. Даже она ощущает напряжение между мной и Пожарским.

— Отлично, — пробурчал он в итоге, первым переступая порог квартиры.

— Пока, ребят, — машет рукой Васильева исчезающей мужской фигуре. — Значит, тебя ждать? — растерянно обращается ко мне.

— Да, Диан, я вернусь.

Видела в её глазах множество немых вопросов, но не имею пока возможности отвечать на них. Подруга закрыла за мной дверь, с характерным щелчком поворачивая ключ, а я обнаружила, что пока ещё мой парень не стал меня ждать и уже резво спускается вниз по лестнице. Быстро догнала его, поравнявшись, и далее в напряжённой тишине вместе продолжаем свой путь. Долго в молчаливом гневе Глеб не держался, а сразу, как только вышли на улицу, заговорил:

— Почему не хочешь переехать ко мне? Разве я тебя обижал вчера? Места в квартире много и даже больше, чем у вас с Дианой.

— Вот об этом мы и поговорим, Глеб.

Мы шли к его машине в полной мере ощущая, что сегодня нам будет совсем непросто. И это ощущение нарастает сейчас, когда заветная многоэтажка всё ближе и ближе, как и слова, что я должна произнести. Ещё каких-то пара минут и мы уже на месте. Заезжаем на парковку, отстёгиваем ремни безопасности, выходим из машины, идём к дому... Меня бросило в жар, не смотря на морозный воздух. Следуя за напряжённой спиной Пожарского,

ещё раз прокручиваю в голове все имеющиеся варианты начать разговор. Каждый из них казался неудачным: не достаточно доброжелательным или наоборот слишком тёплым, а мне совсем не хочется оставлять надежду на скорое воссоединение. Нет, мы расстаёмся, а не просто делаем паузу или в очередной раз ссоримся.

Заходим в тёплый подъезд, поднимаемся наверх. Я так пристально смотрю в затылок парню, что чуть не споткнулась. Кажется, Глеб этого даже не заметил. Подходим к двери его квартиры, Пожарский отворяет её, пропуская меня вперёд, и нажимает на выключатель. Яркий свет после слабого уличного освещения неприятно бьёт по глазам, но это сущие пустяки в сравнении с душевными переживаниями.

— Чай будешь? — спрашивает совершенно безэмоционально, стягивая шапку со своей головы.

— Нет, давай сразу перейдём к делу, — мне, честно говоря, даже раздеваться не хочется. В идеале я бы просто выпалила всё, что нужно, и пулей вылетела на лестничную площадку, а затем попрыгала бы по ступеням вниз, навстречу свободе. Но так неправильно. Поэтому я тоже снимаю с себя верхнюю одежду и разуваюсь, пока Глеб проходит в гостиную и включает свет и там.

— Ну, проходи, гостя дорогая, — мне неприятна ирония в его грубоватом голосе и этот насмешливый приглашающий жест.

— К чему этот тон, Глеб? — прохожу вслед за ним в гостиную и сажусь в кресло, чтобы разозлённый на меня парень не мог сесть рядом со мной. Сам он занимает диван, недовольно поджимая губы.

— Какой ещё у меня может быть тон, если моя девушка вдруг принимается меня динамить и явно сторонится? Мне казалось вчера, что мы решили всё наладить.

Сейчас я смотрю на него и понимаю: даже физически привлекательным он мне больше не кажется. Нет, он бесспорно по-мужски красив, но я настолько устала от него, что совсем не в силах этого замечать.

— Мне тоже казалось вчера, что ты услышал меня. Но вот не прошли и сутки, а ты снова язвись из-за моего похода к подруге.

— Я бы не язвил, как ты выразилась, если бы ты заранее меня предупредила, что тебя не будет дома.

— На каком основании я всё время должна тебя оповещать обо всех своих передвижениях?

— Ты издеваешься надо мной, Лина? На том простом основании, что я твой парень!

— Это не даёт тебе права быть моим тюремщиком!

— Какая тюрьма? Ты вообще о чём?! Я совсем тебя не понимаю в последнее время! Ты простую человеческую заботу воспринимаешь как что-то неадекватное. А на моё предложение о совместной ночёвке реагируешь так, будто я тебя насилую систематически и планирую теперь оторваться как следует! Мне, знаешь ли, очень неприятно слышать от тебя все те вещи, что ты говоришь! Даже шапку из какого-то своего детского протеста не меняешь на ту, что я тебе купил! — Глеб распаляется всё больше, говоря громче и эмоциональней.

— Знаешь что? — тоже повышаю голос, израсходовав весь запас своего терпения. — Ты всё время говоришь мне о том, какая я ужасная и как сильно тебя обижаю, бедного и несчастного! Так найди себе другую, Глеб! Ту, что будет в рот тебе заглядывать и ручки целовать! Найди такую, чтобы ежеминутно рапортовала тебе о том как чихнула, сходила в

туалет, попила водички, поговорила с кем-то из своих друзей и вообще отпрашивалась у тебя каждый раз, когда хочет куда-то пойти! О, а ещё лучше найди такую, которая вообще никого кроме тебя видеть не захочет! Чтобы только на тебя ненаглядного и смотрела, не смея даже дышать в сторону других людей!

— Ты сейчас специально меня выводишь? — Глеб вскакивает с дивана и стремительными широкими шагами оказывается прямо напротив кресла, в котором я сижу. Его ладони цепляются на боковые подлокотники, окружая меня и вызывая лёгкую панику. — Ты, — выдыхает мне прямо в лицо, приблизив своё так близко, что хочется не просто вжаться головой в спинку кресла, но и провалиться в него полностью, исчезнув. — Как ты можешь делать это со мной? После всего, что я для тебя сделал?

Как в тумане, слышу все перечисляемые им подвиги в виде подарков, цветов, конфет, внимания, свиданий и много другого, а сама вдруг вспоминаю, как мы в первый раз пошли в кино, а после обсуждали сюжет романтической комедии, показавшийся Пожарскому несправедливым по отношению к казалась бы отрицательному герою, которого бросила героиня ради того, кто её по-настоящему ценил и любил. И я тогда сказала что то вроде: «Хорошо что Таня бросила Никиту и замутила с Владом». А Глеб в ответ: «Чем же хорошо? Никита ей в любви признался, она молча крутила с ним шашни, а потом собрала чемодан и свалила в закат». Я после возразила, заметив, что тот самый Никита совсем не ценил главную героиню фильма. И Глеб начал возражать ровно теми же словами, что говорит мне сейчас в лицо, шумно дыша, как разъярённый бык. «А как же походы в рестораны и цветы с конфетами?» — были его слова и тогда и сейчас. После этого я искренне возмутилась позиции Пожарского: «Которыми он лишь покупал её, чтобы затем манипулировать этим? То есть, по-твоему, если ты сводил меня сегодня в кино и в это кафе, то я автоматически перестаю иметь право порвать с тобой?». Но наша перепалка закончилась простым отшучиванием со стороны Глеба: «Ну, прям в любви я тебе ещё не признавался...». Но прошло время и он признался. Я не придала должного внимания этому простому и, казалось бы, безобидному разговору, а зря. Пожарский же ещё тогда ясно дал понять своё видение отношений и теперь почти полностью повторяет поведение того самого «Никиты»...

— Глеб! — упираюсь ладонями в его грудь, с силой надавливая в попытке сдвинуть с места. — Отодвинься хотя бы на метр и давай успокоимся.

— «Отодвинься», значит, — он совсем никак не реагирует на мою просьбу, оставаясь возвышаться надо мной неподвижной скалой. — В то самое время, когда я так нуждаюсь в твоей поддержке, после моего вчерашнего признания, — он говорит шёпотом, но шёпот это почти вселяет в меня ужас, так как глаза горят настоящим гневом, и смотрят они прямо в мои.

— И я очень сочувствую тебе. Потерять одного из родителей — большая травма.

Моё сердце стучит, как ненормальное. Хочу, чтобы парень отодвинулся и дал плотнуть мне больше воздуха. Уже убрала свои ладони с твёрдой мужской груди, понимая, как ничёмны мои силы в сравнении с его. Говорю успокаивающим тоном в надежде сбавить градус напряжения, от которого мне становится совсем нехорошо. Хочется надеяться, что и Пожарский хочет того же, но он, видно, всё ещё не может остыть.

— Ты тоже травмируешь меня, рыбонька.

— Я не хочу этого, — судорожно вздыхаю. — Поэтому... Давай расстанемся.

Тишина. Беснующееся сердце где-то за рёбрами — я чувствую его и слышу ритмичные удары в своей голове. Чувствую кожей своего лица рваное дыхание Глеба. С волнением

отмечаю, как вспотели ладони. Со страхом наблюдаю тьму, рождающуюся в глазах напротив. Она топит, всасывает в себя, разрушает жестокой холодной волной.

— У тебя кто-то есть? — слышу, как сквозь вату, тихий вкрадчивый голос.

Открываю рот, чтобы что-то сказать, но ком в горле парализует. Я не могу выдавить ни звука. И эта моя беспомощность ощущается тем сильнее, чем громче кажется наше дыхание — настолько тихо в квартире. Тихо так, что я резко вздрагиваю и подпрыгиваю на месте от резкого звука, с запозданием понимая, что мою щёку обожгла мужская ладонь.

Я плохо слышу, но и слушать нечего, так как вновь воцаряется тишина. Я плохо вижу из-за выступивших от потрясения слёз. Глеб отошёл от меня, ритмично сжимая и разжимая кулаки, расхаживая туда-сюда по гостиной, как маятник. Я напугана и я ненавижу. Ненависть это плохое чувство, но только благодаря ему я отмираю от ступора и вскакиваю с кресла. Бегу, просто бегу в прихожую, в панике хватая в руки обувь и одежду. Пожарский смотрит на меня из гостиной, ничего не выражающим взглядом, не пытаюсь остановить, а мне так плохо, что я со всеми своими вещами, не одевшись и не обувшись, выбегаю из квартиры, несусь по лестнице, а затем на улицу.

Я его ненавижу. Просто ненавижу. И до жути боюсь. Настолько, что не чувствую холода и промокающих ног.

Лина

Вечер прошлого четверга запомнится мне надолго. Только покинув внутренний двор, я смогла прийти в себя и, наконец, одеться. Ноги были уже вымокшие, холод покусывал каждый сантиметр тела, а в голове молоточками стучала медленно стихающая паника. Трясущимися руками надела шапку и пуховик, затем ботинки. Мне было всё равно, что на меня смотрят люди, осуждающе или насмешливо качая головой. Не их только что ударили по лицу и не них смотрели зверем, запугивая до потери контроля над собой. Не так я себе представляла наше расставание. Сколько бы не придумывала различных сценариев, но ни один из них и близок не был к тому, что произошло. Глеб ударил меня. Он, блин, на самом деле сделал это. Да какого вообще чёрта? «Не трать на него время и любуйся сверкающим под фонарями снегом, потому что Пожарский больше не заслуживает твоего внимания. Не разрешай этому придурку разрушать свой внутренний покой», — как мантру повторяла раз за разом, пока ехала обратно домой. Однако, это мало помогало. Тогда я стянула со своей головы шапку Князева и принялась вертеть её в руках, рассматривая, поглаживая мягкий трикотаж. Пусть не сильно, то становилось легче.

Дома меня встретила Диана и один единственный вопрос:

— Вы снова поругались? Или не до конца помирились?

— Мы расстались, — и откуда столько спокойствия в моём голосе?

— Как расстались? — а вот подруга задала вопрос таким упавшим голосом, словно это у неё произошла драма, а не у меня.

— А вот так: давай расстанемся говорю, а он мне пощёчину в ответ. Надеюсь, это означало согласие, так как видеть я его больше совсем не хочу.

Васильева округлила глаза в ожидании, что я добавлю что-то ещё, но из меня словно всю энергию высосали, и я напрямую поплелась в свою комнату. Спиной упала на кровать, закрыла глаза, не зная точно плавать мне или с облегчением выдохнуть.

— Кот ударил тебя? — ворвался в мою зону комфорта голос Дианы. Она стояла на пороге, но когда я открыла глаза, тихонько прошла в комнату и присела рядом на кровать. В этот момент я вдруг поняла, что совсем не против выговориться. Вывалить всё, что копила в себе целыми неделями. Рано или поздно водопад моих слов пролился бы, так как выносить бесконечное переживание своих внутренних проблем в полном одиночестве невозможно.

— Да, он ударил меня, — приподнялась, усаживаясь напротив подруги. — На самом деле наедине со мной он не настолько приятный человек, каким его видят другие. Чем больше и дольше я проводила с ним время, тем сильнее видела в нём негативные моменты. Он собственник, стремящийся контролировать каждый мой шаг и делающий всё, чтобы мои контакты с другими людьми были как можно реже и короче. А ведь с самого начала чувствовала некую долю враждебности по отношению к Глебу, но игнорировала это ощущение, заталкивая голос интуиции куда поглубже.

— Ты меня сейчас удивляешь, Лина. Со стороны вы выглядели очень счастливо и гармонично. Мне, глядя на вас, казалось, что вот она — настоящая любовь. Я прямо расстроена.

— А я так долго не хотела расстраивать кого-либо, — усмехаюсь, — что совсем не думала о себе. Вы все были счастливы от красивой картинки, а я поддерживала ваше счастье,

хотя сама с каждым днём всё больше страдала от одиночества. Вот я дура.

— И правда, — Диана не стала убеждать меня в обратном. — А с Михаилом что?

— А что с ним? — меня удивило, что речь зашла о нашем бывшем однокласснике.

Казалось, что тема уже закрыта, а сцена в кухне с едва не случившимся поцелуем забыта.

— Не знаю, мне показалось, между вами что-то есть.

Я не стала рассказывать ей о моей тяге к Князеву и вообще постаралась сменить тему разговора на менее скользкую и опасную. Слишком мало у меня уверенности в том, что здесь можно было бы сказать. Михаил со мной просто дружит? Или уже нет? Странно это всё и не понятно. Но мы совершенно точно не пара, а значит и говорить не о чём. Вместо этого ещё немного поговорили о текущих проблемах самой Дианы, а вскоре отправились спать, так как время было уже позднее. Засыпая, я вновь чувствовала тяжесть мужской ладони у себя на щеке: она с размаху ударялась о кожу снова и снова до тех пор, пока сон не овладел моим сознанием.

Пятница встретила меня звонком от мамы. Еле разлепила глаза и нащупала телефон на прикроватной тумбочке. Я проболтала с ней целых полчаса, в основном рассказывая о том, какие зачёты и экзамены мне предстоят и с покорностью обещала, что буду сообщать о результатах наступающей сессии. После завершения разговора встала, потянулась до хруста костей и подумала: «как же прекрасно утро, в котором нет сообщений в «ВКонтакте» от Пожарского. Только от Людмилы, где она жалуется на неудачный комплимент Андрея и обещает рассказать подробности при встрече, от Михаила, где он спрашивает актуален ли мой приезд к нему завтра, в субботу или давать зелёный свет Тимофею, который уже с самого утра просится в гости к старшему, а также привычная гора сообщений в нашем групповом чате «Заключённые 549 камеры». Никаких котов в сапогах. Это ли не счастье? Пятница действительно оказалась на удивление спокойной, лёгкой и местами мечтательной, когда мой взгляд случайно ловил задумчивое и тёплое выражение в глазах Михаила.

Субботу я ждала. Она наступила, вызывая у меня улыбку одним своим существованием. На завтрак оставшееся ещё с вечера четверга печенье, а после утоления голода мне предстоит генеральная уборка по квартире. И да, конечно, я снова печатаю Князеву сообщение, что мой приезд к нему сегодня вечером актуален. Но договорились мы всё же на три часа дня, чтобы, как написал сам Михаил, мне не пришлось идти по уже тёмной улице.

За уборкой и время пролетело незаметно. Немало минут ушло и на принятие трудного решения: что надеть? Отчего-то это кажется очень важным. Даже на свидания с Глебом никогда так не собиралась, мучаясь от попыток подобрать идеальный наряд, который не будет слишком сногсшибательным и «палевным» и в тоже время излишне скучным и непривлекательным. Та ещё задачка, как оказалось. Остановилась на светло-голубых джинсах и молочного цвета свитере — просто и мило.

— Я специально не стал съедать печенье в форме рыбок, — заявляет мне Михаил, когда я уже стою у него в прихожей дёргая молнию ботинок вниз и освобождая ногу.

— Лучше бы съел. Слишком много печенья в моей жизни в последнее время. Диана с ума теперь сходит в попытках испечь его ещё вкусней, чем прежде. Я так скоро сама, как ты, стану колобком.

— Вот все труды насмарку, — шутливо хлопает ладонями по своим бёдрам. — Хожу, значит, качаюсь, физкультурой занимаюсь, а ты меня всё «колобком» величаешь.

— Ох, не строй из себя обиженного, — смеюсь, доставая из рюкзака тетрадь по экономической социологии. — Колобком я называю тебя гораздо реже, чем ты меня рыбкой.

— Лина, а почему мы занимаемся теперь у меня дома, а не у тебя? Из-за Дианы?

Вопрос повис в воздухе, преследуя нас, пока мы идём в гостиную. Если раньше это действительно было из-за Дианы, то сегодня я могла бы без угрызений совести пригласить Князева к нам в гости. Ведь никакого парня у меня больше нет, и Васильева не станет зудеть о том, что правильно, а что нет. Разве что следить бы пристально за нами начала в надежде уловить нотки чего-то романтического, а не дружеского.

— Ты против? — кладу тетрадь на стол и сажусь на диван стоящий напротив.

— Ты же знаешь, что нет. Просто интересуюсь, — он тоже садится рядом, и от нашей близости у меня снова что-то щекочет внутри. — Это как-то связано с Бутчем?

— Мы расстались! — выпаливаю с такой энергией, которой сама от себя не ожидала. Словно это лозунг, который хочется прокричать в митингующей толпе.

— Когда? — Михаил весь подобрался и даже подался ко мне чуть ближе.

— В четверг.

— Почему? — Князев хмурит брови, выглядя слишком напряжённым.

— Не сошлись характерами, — отшучиваюсь, пожимая плечами. — Так что я теперь в свободном плавании. Забавно, что никто даже не заметил вчера моего нового статуса.

— Неужели Антон был прав, — кривит губы в усмешке. — Он предсказывал ваше расставание до конца года.

— Надеюсь, ты не соглашался на спор с Хомяковым?

— Я не дурак, — отрицательно качает головой. — Мне сразу Бутч не понравился. Так что я рад такой новости. Не понимаю, как вы все могли пускать на него слюни. Он кот, а ты рыбка — слопаёт и не подавится. Как вообще могла на него клюнуть?

— Не знаю, любовь слепа, — снова пожимаю плечами. А что я ещё могу сказать? Что просто глупенькая девочка пошла на поводу у толпы? Стыд какой. И себя развела, и «кота», и всех остальных. Диана вчера вот долго ещё спрашивала не обманываю ли я её своей исповедью. Нет, напротив: обманывать перестала. Вот вам и невинная рыбка.

— Всё ещё любишь? — глаза друга вцепились в мои и не отпускают.

— Нет. Поэтому и расстались.

— Разве можно так резко разлюбить? Может и не было никакой любви?

— Может и не было, — соглашаюсь.

— Снова крохотные и скромные ответы, как только речь зашла о нём. Ты не доверишь мне?

— Мих, зачем мы постоянно говорим о Глебе? — не скрываю усталости в голосе.

— Затем, что он твой парень. Бывший.

— Вот именно, что бывший. Хватит о нём, — тянусь рукой к тетради на столе, но Князев останавливает меня, удерживая руку в своей, чтобы дать понять, что разговор вовсе не окончен.

— Просто меня не покидает чувство, будто ты что-то скрываешь, — он опускает наши руки к себе на колени, мягко сжимая в своём плену.

— Что я скрываю? — поднимаю глаза с клубка из наших ладоней на мрачноватые глаза друга.

— Не знаю. Пытаюсь выяснить и всё никак не получается. У меня не выходит из головы то видео с шапкой. Мне не показалось это романтичным, как вам, девчонкам. Скорее очень

настораживающим.

— Мих, блин. Давай уже социологией займёмся! Хватит.

— Ты любишь его, — припечатывает с горькой твёрдостью в голосе.

— Нет.

— Да. Иначе бы не охраняла его так от меня и моих вопросов. Это он тебя кинул? — пальцы парня мягко поглаживают мои, как бы приглашая на откровение.

— Что ты несёшь... — меня охватывает странное волнение от настолько искажённой версии происходящего, а также злость от того, что не могу найти смелость и рассказать некрасивую правду.

— Почему он это сделал? Вы снова поссорились? — Михаил продолжает напирать, повышая градус напряжения между нами.

— Ох, да нет же!

— Он узнал про нас и решил, что ты ему изменяешь?

— Чушь несёшь! — я по-настоящему разозлилась от его напора и особенно от последнего вопроса.

Это была последняя капля. С силой выдёргиваю свою руку из мягкого захвата и толкаю Михаила ладонями в грудь. Слишком свежа рана под названием «вина за обман влюблённого в меня парня, у которого совсем недавно ещё и умер отец».

— Или ты сейчас же заткнёшься, — почти шиплю, — или я уезжаю заниматься экономической социологией самостоятельно!

Глава 37. Одна ускользящая деталь

Михаил

В пятницу утром, едва на дисплее телефона загорелось «07:00», Тимофей уже строчил мне сообщения в «Вконтакте». Просился в гости, чтобы снова халявить за просмотром развлекательных видео без родительского присмотра. Он, конечно, забавный парень и всё такое, но у меня были иные планы. Я сразу написал Лине с вопросом, не передумала ли она ещё приехать ко мне завтра вечером. Девушка, к моей великой радости, подтвердила, что всё в силе. «Прости, малой, но ты в пролёте в этот раз» — послал я ему мысленное сообщение. Я знал, скоро позвонит мать, чтобы снова задать мне этот же самый вопрос от Тимофея, поэтому не стал писать ему ответ. Мой прогноз сбился: совсем скоро я услышал характерную вибрацию телефона.

Сегодня я с самого утра я вспоминал тот самый вчерашний телефонный разговор с матерью. Если в самом процессе нашего общения я не счёл его каким-то особенным по содержанию, то сегодня, вспоминая, мой мозг зацепился за одну маленькую деталь, хотя я до конца понять ещё не мог, за какую же именно. Она ускользает от меня сразу, как только начинает казаться, что я вот-вот ухвачусь за неё. Так бывает, когда в самый ответственный момент пытаешься вспомнить нужное слово, которое знаешь, но оно никак не приходит к тебе. Что я упустил? Вроде, ни о чём особенном не говорили...

— Тимофей, кажется, к тебе сегодня собирается, — говорила мать в трубку, — Говорит, позвони да спроси. Что мне ему сказать?

— Передай, что я очень занят и мне сейчас не до гостей. У меня сессия в понедельник начинается.

Я в этот момент наливал себе кофе, нарезал бутерброды и тихо зевал под материнское щебетание в ухе. Настроение было хорошим, так как всё ещё находился под впечатлением от поцелуев с Беляевой прошлым вечером. Скоро на пары, в вуз, где я снова увижу девушку, к которой меня так влечёт. А впереди ещё и сегодняшняя суббота была, в которую ожидал приезд Лины и надеялся, что мы отлично проведём время вместе.

— Значит к дяде так и не сходишь? — мать мне вновь напомнила про Ивана Ильича.

— Схожу, как время будет, — переключил на громкую связь и положил мобильник рядом на стол, чтобы он не мешал мне нарезать ломтики сыра поверх хлеба.

— Ты так постоянно отвечаешь, — услышал расстроенный вздох. — Отец всё интересуется у меня, говорит спроси, когда увидеться собирается сын-то наш с дядей родным. Ты же знаешь его: сам Ивану не позвонит и первый на перемирие не пойдёт. Хочет окольными путями — через тебя.

— Понял я, конечно, к чему это всё. Зато с дочерью его виделся, с Аней. Мы тогда в буфете случайно пересеклись, пообедали вместе, иногда переписываемся теперь. А студент это вообще-то человек с высокой степенью занятости! Пусть потерпит отец немножко, раз сам дядю Ивана боится!

Так я вчера с нескрываемым смехом отшутился, спешно попрощавшись, так как нам обоим нужно было собираться: мне на учёбу, а матери на работу. А сегодня вдруг понял, что упустил что-то очень важное. Что-то мелькнуло в моих мыслях во время телефонного разговора, как вспышка, и быстро забылось под гнётом обычных повседневных задач. То футболку отпарить нужно, то Хомякова задобрить и кинуть ему пару весёлых сообщений в

нашей переписке, чтобы не злился на меня сильно за мои подколы в его сторону. Ещё и на автобус опаздывал и пришлось буквально бежать за ним, так как он уже начал покидать остановку, когда я примчался. К счастью, водитель оказался порядочным и остановился при виде бегущего студента.

Немалое место в моих вчерашних мыслях занимал и один важный для меня вопрос: почему Лина хочет приехать ко мне? Раньше именно я был тем, кто приезжает позаниматься экономической социологией. Связано это с Дианой или нет, но мне всё равно было приятно. Даже начала крепнуть вера в то, что всё гораздо проще, и Беляева просто искренне хочет оказаться у меня дома. Особенно сильно я уверовал в себя и свои силы в вечер четверга... С его поцелуями и недвусмысленными взглядами. Почему она меня не отталкивает, а отвечает?

Я намерен задать ей этот вопрос сегодня, когда девушка окажется в моей квартире. Снова.

И она в самом деле в оговорённый час появилась у меня на пороге. И я едва ли не сразу, едва дождавшись пока она хотя бы снимет с себя верхнюю одежду, задал волнующий меня вопрос:

— Лина, а почему мы занимаемся теперь у меня дома, а не у тебя? Из-за Дианы?

Подруга выдерживает паузу, явно подбирая наиболее подходящие для ответа слова.

— Ты против? — услышал я, наконец, когда мы уже расположились на диване в гостиной.

Против ли я? Для меня вопрос весьма странный и нелепый. Естественно, я ответил, что вовсе не против. Тогда я сразу подумал о Бутче. Не в нём ли причина? Из скудной информации о нём мне известно, что парень он весьма ревнивый.

— Это как-то связано с Бутчем? — поинтересовался я.

Я ожидал услышать что угодно, но только не «Мы расстались!». Целая карусель эмоций внутри и одно большое недоумение: когда, блин, успели? Когда это произошло? Как это прошло мимо моих глаз? Оказалось, в четверг. С ума сойти.

— Почему? — спрашиваю.

— Не сошлись характерами, — отшутилась, пожимая плечами. — Так что я теперь в свободном плавании.

Она свободна. Никаких котов, никаких Пожарских. Невероятно! Только вот радости я не испытываю. Глядя на лицо подруги вижу, что сама она не сияет счастьем. Она явно чем-то подавлена — это кроется в её слегка грустных глазах. Что-то терзает девушку, и я невероятно расстраиваюсь от мысли, что причина тому всё тот же Бутч. Подозреваю, она всё ещё влюблена в него и, возможно, расстались они не по её желанию.

— Всё ещё любишь? — не выдерживаю и всё же задаю этот вопрос.

— Нет. Поэтому и расстались.

За этим простым ответом кроется что-то большее. Лине меня не обмануть — я слишком привык к ней за последние месяцы и не мог не научиться читать её по лицу.

— Разве можно так резко разлюбить? Может и не было никакой любви? — снова эта дурацкая надежда в моём голосе.

— Может и не было, — Лина согласилась, даже не подозревая, что делает со мной.

Только вот с маленькой скромной надеждой соседствует горечь понимания: Беляева защищается от меня односложными ответами. И чем дольше длится наш разговор, тем

сильней я убеждаюсь в том, как сильно она стремится отгородить от меня своего кота. Ей не нравится, что мы говорим о нём. Ей не нравится, когда я пытаюсь узнать причину их расставания. И ей не нравится моё предположение о том, что Бутч мог её обидеть. «Любовь слепа», — сказала Лина несколькими минутами ранее и была права. Я не верю в белоснежность и пушистость Пожарского. А ещё я не верю, что без испытываемых нежных чувств Беляева не стала бы выгораживать его. Но и не приснились же мне её ответные поцелуи в четверг!

Подруга в попытке отбрызнуть меня с моими вопросами тянется к тетради на столе, а я просто не могу этого допустить и останавливаю её, забирая ладонь девушки в свою. Как можно заниматься социологией, когда что-то происходит между нами, между ней и Бутчем? Мне просто как воздух необходимо понимание того, что вообще творится в последнее время. Потому что я ни черта не понимаю и это меня ужасно злит!

— Мих, блин, — она недовольно хмурит брови, но не пытается отнять свою руку. — Давай уже социологией займёмся! Хватит.

— Ты любишь его.

— Нет, — в её глазах, как пожар, разгорается злость на меня. Даже её рука, которую я держу своей, как будто стала горячей.

Я не верю, но хочу верить. А что мне вообще думать, когда Лина так рьяно и с таким отчаянием защищается сейчас?

— Да, — спорю я с ней. — Иначе бы не охраняла его так от меня и моих вопросов. Это он тебя кинул?

Грубый вопрос получился. В следующую секунду меняю тактику, принимаясь мягко поглаживать тонкие девичьи пальцы, как бы приглашая на откровение. Я же не ради ругани затеял это всё. Мне действительно важно, что девушка думает и чувствует. Мне хотелось бы знать горькую правду, даже если она сделает мне больно. Даже если все эти поцелуи в четверг и вчерашние обмены взглядами были лишь желанием насолить Бутчу. Я переживу. Только бы знать, как всё происходит на самом деле и чем я могу помочь. Или хотя бы не навредить. Может, я себе всё опять придумаю и начну вновь склонять подругу к тому, чем обычные друзья не занимаются. Что если тем самым я только порчу её личную жизнь? Что если именно моя вина в том, что они расстались? Не приревновал ли котяра свою девушку ко мне? Он мог решить, что Лина ему изменяет, а это вовсе не так... Ничего и не было...

— Он узнал про нас и решил, что ты ему изменяешь? — озвучиваю свои догадки.

— Чушь несёшь! — Беляева только ещё больше злится от моего предположения. Потому что я угадал?

Она вдруг с силой выдёргивает свою руку из моей и толкает меня ладонями в грудь. Настолько злой я свою подругу ещё никогда не видел. И вся эта злость адресована мне. Неприятно.

— Или ты сейчас же заткнёшься, или я уезжаю заниматься экономической социологией самостоятельно, — шипит, как змея, а смотрит волком.

— Я для тебя просто репетитор? — её злость и грубые слова провоцируют во мне ответную реакцию.

— Я не сплетничать пришла, а к зачёту готовиться. Ты сам пригласил меня именно для этого!

— Это не отменяет того факта, что я твой друг. Помимо учёбы у друзей и другие темы для разговоров могут быть.

— Ты снова говоришь мне о своей неудовлетворённости нашей дружбой. Так не дружи со мной! То обманываю тебя, то общаться на личные темы не хочу... Одно сплошное разочарование!

— Ты передёргиваешь, Лина.

— А ты нет? Что за вопрос про «репетитора»? Мы не умеем дружить, похоже, — Беляева распаляется всё больше, активно жестикулируя. — Не могли в детстве нормально подружиться, так как я обзывалась колобком, а ты за волосы дёргал, не можем и сейчас! То нормально общаемся, то вот такие выкрутасы начинаются. Не получается дружить, Мих! Не получается!

— Ты права. Такая себе дружба у нас. Я тоже тебя не устраиваю, знаешь ли: то на вечеринку вместе идти хочу, то вопросы задаю, интересуюсь, всё ли у тебя в порядке. Ужасный я друг! — неужели это мой голос звучит так громко сейчас?

— Наконец-то мы к консенсусу пришли! — Лина тоже не сдерживается и говорит на повышенных тонах. — Давай просто не дружить! Достало! Всё, Мих, отдыхай: больше никакого репетиторства и обмана. Я домой. Спасибо за дружбу!

Она хватает свою тетрадь и вскакивает с дивана. Я с минуту сижу, сторающий от большого сгустка эмоций, готовых разорвать меня изнутри на части. Хочется орать, ломать стены, а я только и могу, что стискивать зубы и наблюдать желание подруги перестать быть моей подругой. Встаю, выхожу в прихожую. Беляева уже оделась, и сейчас видеть на ней мою шапку было особенно горько.

— Прекрасно, — говорю вслух сам с собой.

— Замечательно, — отвечает она мне и уходит, хлопнув дверью.

А я вспоминаю, что за деталь ускользала от меня всё это время и беспокоила. Именно сейчас, в самое неподходящее время, когда это мне уже никак не пригодится. Как и всегда, когда нужное слово вспоминается слишком поздно.

Я вспомнил, что при нашей встрече с Аней в буфете, она много болтала нам о своих знакомых, и по описанию одного из них мне показалось, что это Бутч. Тогда не понял и лишь спустя время до меня дошло: так ли много людей в нашем вузе является третьекурсниками с тату на руке и пирсингом на крыле носа? Я мог бы разузнать о Пожарском у своей двоюродной сестры.

Но какое мне теперь до этого дело?

Лина

Волосы собраны в высокий хвост, лицо имеет строгое выражение, а в светлых глазах всё ещё тлеют искры вчерашней злости. Иронично усмехаюсь зеркалу и сплёвываю зубную пасту в раковину. Жаль нельзя и голову, как зубы, щёткой натереть, чтобы стало чисто и свежо.

— Лин, давай быстрее, пожалуйста! — стучит Диана в дверь ванной. — Я опаздываю!

— Уже выхожу! — включаю воду и ополаскиваю рот от остатков пасты с мятным привкусом и жжением на языке.

Васильева, пользуясь последним выходным, собирается пойти в антикафе со своими одноклассниками. Меня, признаться, это радует, так как её уход даёт мне возможность побыть наедине с собой и подумать над тем, как же мне теперь быть со всем, что творится в моей жизни. Совсем скоро все узнают, что я и Глеб больше не вместе. Поднимутся бурные обсуждения, будет куча неудобных вопросов, жалостливые взгляды и надоедливые советы по поиску нового парня.

И это ещё пол-беда. Ведь теперь я лишилась друга. Как теперь будет функционировать наша «четвёрка»? Разобьёмся на пары по половому признаку? Или будем делать вид, что ничего не произошло? Просто поверить не могу! Это так странно: Князев и я больше не друзья. И больно. Какая-то нелепая случайность, недоразумение привели к тому, что мы впервые так сильно повздорили. Нервы совсем ни к чёрту — вот до чего доводят отношения с неподходящим человеком. Пожарский довёл меня до того, что я срываюсь на человеке, который лишь спрашивает как же у меня дела. Что на меня нашло вчера? «Задел за живое», — мысленно отвечаю сама же себе. Жалею ли я теперь? О, да. Но не знаю: можно ли отмотать всё назад и снова быть друзьями, как раньше? «Друзьями!», — усмехаюсь.

Вчера, после возвращения от Князева, я велела Диане отныне и впредь больше никогда не впускать в гости ни Глеба, ни Михаила.

— А Михаила-то почему? — удивилась она моему требованию, наблюдая за тем, как я агрессивно уплетаю приготовленный ею суп. — Я понимаю, что Пожарскому тут больше делать нечего — сама бы ни за что не пустила на порог! Но Князь-то чем не угодил? Не поверю, что и он драчун!

— Нет, конечно, — ответила с набитым ртом, продолжая жевать. — Просто мы решили, что не устраиваем друг друга, как друзья.

— Ну ты даёшь! А я думала это у меня к концу года полный «джингл белс»!

Но нет, не только у неё. Сама себе удивляюсь, как такую кашу заварила. Именно об этом вареве я и хочу поразмыслить, пока подруга развлекается со своими одноклассниками. В целом чувствую себя более менее сносно и уже не так сильно горю от злости, как вчера. Грустно только. Больно. Но всё ещё улыбаюсь, подшучиваю над опаздывающей Дианой, смеюсь над падающими из её рук предметами из косметички.

Когда спустя полчаса Диана, наконец, покидает квартиру, я как-то сразу ощущаю смену своего настроения. Оказывается, оно несколько хуже, чем я предполагала. На деле же я просто «держала лицо» перед Васильевой, а сама расклеилась сразу, как только осталась одна. Ну и ну — неужели безнадёга? Должен же быть выход... Может, всё же помиримся? А слёзы бегут и будто шепчут мне: «может и нет...». Михаил гордый и в обиду себя никогда не даёт.

Погода, в отличие от моего настроения, сегодня прекрасная. Яркие солнечные лучи, заливающие всю квартиру, выманили меня на балкон. Перед тем как выйти на свежий воздух, натягиваю на себя толстовку, чтобы не продуло. Мне хватило лёгкого неприятного ощущения в горле после четверга, когда неслась от Пожарского с необутыми ногами по снегу. К счастью, заболеть мне так и не удалось, и я уже в полном порядке. Почти.

Внизу снег, тепло одетые прохожие, крики детей на игровой площадке. По воскресеньям у нас под окнами всегда довольно шумно. Стоило только подумать о воскресной громкости звуков, как сразу чувствую короткую вибрацию и слышу сигнал в кармане толстовки. Михал? Надежда загорелась лампочкой в ночи, но быстро поугасла при виде совсем другого имени. Глеб. Он написал мне сообщение в «ВКонтакте». Я кручу в руке телефон, не решаясь зайти в приложение и засветиться «онлайн». Он успокоился и решил завершить всё красиво? Он злится?

У меня есть одно наблюдение: после каждой ссоры Глеб выдерживает паузу в как минимум один день. Молчит, не пишет, не звонит и даже на глаза не попадается. А затем появляется неожиданно, как гром среди ясного неба, и начинает рассказывать какой он бедный и несчастный, обижаемый мною... Что на этот раз после своего молчания он мне выдал?

Всё же открываю приложение, а затем сразу читаю сообщение от Глеба:

— «Ты пожалеешь об этом».

— «О чём? О том, что мы расстались?» — пишу спустя минуту ответ.

Я ожидаю, что он сейчас примется печатать что-то ещё, но вместо этого мой телефон начинает вибрировать от входящего звонка. Пожарский решил позвонить, чтобы продолжить разговор голосом, а не набором букв. Принимаю вызов, слыша сразу же такой знакомый и уже опротивевший голос:

— О том, что ты выразила желание расстаться.

— Я не желание выразила, а уже рассталась с тобой, — спорю с ним.

— А я с тобой нет.

— Как это понимать? Я больше не считаю тебя своим парнем.

— Ты пожалеешь об этом, — он говорит это спокойно, а у меня перед глазами сразу картина, где Глеб стоит напротив меня, нависая сверху, и смотрит так агрессивно, что становится страшно. Совсем, как тем вечером.

— Ты мне угрожаешь? — нахожу в себе смелость продолжить разговор.

— Да, я тебе угрожаю, — от льда в его голосе меня не спасает даже толстовка. — Человеком надо быть, рыбка, а ты поступила со мной не по-человечески.

— Я понимаю, что у тебя горе, но не значит же это, что я должна из-за этого продолжать быть с тобой, когда этого не хочу.

— И чего тебе не хватало? — он будто не слышит меня сейчас, а ведёт диалог сам с собой. — Всё для тебя было.

— Любви. Не люблю я тебя.

— Быстро ты разлюбила. Не думал, что такая непостоянная.

— После нашей последней встречи тебе вообще должно быть стыдно упрекать меня.

— А тебе не должно быть стыдно? — спрашивает так вкрадчиво, что мурашки по коже.

— За что? — выдыхаю.

— За то, что бросила после всего, что у нас было.

— Мне стыдно только за то, что связалась с тобой. Но давай всё же расстанемся по-хорошему, Глеб. К чему нам эта ругань? Было и было, но теперь уже в прошлом. Время идти дальше и налаживать новую жизнь.

Какой бы осадок у меня не оставался после наших отношений, всё же хочется разойтись тихо и мирно. Причина ли тому вина, которая хоть и ослабла после четверга, но всё ещё оставалась внутри, или же дело в моём природном миролюбии? Не важно чем продиктовано моё желание закрыть вопрос мирно — важно лишь поставить сейчас окончательную точку. Чтобы больше никаких сообщений и звонков от Пожарского не было.

— Я предупредил: ты пожалеешь. Сама же прибежишь ко мне и проситься назад будешь. Никто, как я, любить тебя больше не будет. Запомни мои слова.

— Только рада буду, что «как ты» больше никто не будет меня любить. Глеб, я устала... Давай заканчивать. Мне очень жаль, что я тебя разочаровала. Ты меня тоже. Но так бывает — правда же? Это не повод продолжать портить друг другу жизнь. Пора заканчивать. Время желать удачи, счастья и здоровья.

— Тварь, — обрывает он меня.

Сразу пропало желание расходиться мирным путём. Ни секунды не раздумывая, сбрасываю связь и дрожащими пальцами быстро заношу его везде, где только можно, в чёрный список. Жаль и в жизни нельзя так сделать, чтобы одно нажатие некой волшебной кнопки приводило к исчезновению неприятного человека из твоей жизни. Мне только остаётся надеяться, что под своей угрозой Глеб не подразумевал что-то конкретное.

Глава 39. Больше не друзья

Лина

Говорят, понедельник самый тяжёлый день недели. Мне и в голову не приходит спорить с этим утверждением, ведь сегодня у меня первый в моей жизни зачёт. И это, к моему лёгкому волнению, экономическая социология Аркадия Евгеньевича, нашего с Людмилой «любимого» препода. Хотя он и не самый «любимый» из всего преподавательского состава, но всё же своей строгостью и принципиальностью нотки тревоги в наши души посеял.

Пока всё идёт хорошо: я вовремя проснулась с будильником, вкусно позавтракала омлетом с зеленью, обменялась пожеланиями удачи с Дианой, у которой сегодня вообще экзамен. Далее я успела сесть в автобус в нужную минуту и даже первая из «квартета» оказалась в коридоре возле пока ещё запертой аудитории на втором этаже. Неподалёку слоняются пока ещё немногочисленные одноклассники, с которыми обмениваюсь приветствиями, а затем иду и сажусь на свободную скамью у окна всего в паре метров от заветной двери. Обогревательная батарея с обычной для зимы интенсивностью поджаривает мне спину, но убежать от её настойчивого жара я не хочу. Он даже помогает мне сейчас выносить минуты одиночества перед началом первой пары, когда толпы студентов ещё не заполнили весь коридор и не навели шуму. Спустя долгие утомительные пять минут пишу Людмиле сообщение:

— *«Ты где? Я уже сижу тут одна, скучаю».*

— *«Скоро, Лина, скоро! Скоро буду, не скучай!»* — приходит спустя минуту.

Хочется, чтобы именно она первой пришла. Не Антон с его огромным рюкзаком, где он, согласно нашей шутливой легенде, прячет все свои странные и неудачные шутки, а также призы, выигранные в спорах у проигравших. И уж тем более не Михаил. С Князевым теперь совсем беда. Вообще не знаю как себя вести после нашей последней встречи. Я остыла и хотела бы всё исправить, а он? Как он посмотрит на меня сегодня? С какой интонацией поздоровается, и заговорит ли со мной вообще? Михаил всегда отличался своей воспитанностью, но я понятия не имею, как он ведёт себя после подобных ссор — всё-таки впервые так случилось. Вся извелась вчера на этой почве, бросаясь истерическими мыслями то в сторону экономической социологии с её зачётом, то в сторону Михаила.

Ещё и телефонный разговор с Глебом вымотал до невозможности, добавляя причин нервничать. Почему нельзя просто оставить меня в покое и вычеркнуть из своей жизни? Это его до боли острое «тварь» ещё долго будет выжжено у меня в голове. Кто же знал, что закончится вся эта безумно романтическая история таким простым прозаичным словом.

В общем, слишком много проблем на один понедельник. Мне срочно нужно дружеское плечо Ажиновой, отблески потолочных ламп в стёклах её очков и бесконечные рассказы об Андрее, почти завершённой картине и тупоголовых заказчиках. Вот всё это, а не та суматоха, что творится внутри меня. Поглядываю в сторону поворота с лестницей, ожидая фигуру подруги, но там всё не она, а кто-нибудь другой. Какой-то незнакомый парень с кудрявой лохматой копной на голове, какие-то девушки из другого факультета, Маша вот рукой машет и направляется к своей компашке. А затем появляется Михаил. Я сразу будто в камень превращаюсь и не знаю куда прятать глаза. Он идёт ко мне бодро и уверенно, без намёка на желание держаться от меня подальше. О, нет. Что сейчас будет? Что сказать? А что скажет он?

Тем временем Князев оказывается рядом со скамьёй, на которой я сижу. Высокий, красивый, розовощёкий с улицы. Одет почти во всё чёрное, на шее всем привычная стильная цепь, а дополняет образ едва уловимый запах по-мужски притягательных духов, которые особенно хорошо чувствуются, когда целуешься с ним...

— Приветтики, рыбка, — улыбается. У меня глаза, наверное, на лоб полезли.

— Привет, — говорю, удивлённая до невозможности. Даже голос, слышу, прозвучал почти испуганно.

— Мы первые сегодня?

— Угу, — киваю.

— Готова к зачёту? — подмигивает.

— Мих, а мы разве не перестали дружить?

Вся эта весёлая беспечность с его стороны настолько выбивает меня из колеи, что хочется напомнить Князеву о том, что вообще-то была суббота и был наш разговор, если обмен обидами на повышенных тонах вообще можно таковым называть. Потому что я ожидала чего угодно: от полного игнора до сдержанного «привет», но точно не «приветтики, рыбка!».

— Дай-ка подумать... — Михаил с задумчивым видом закатывает глаза вверх, как бы выуживая из своей головы позабытые моменты. — Перестали, если мне не изменяет память.

— Тогда почему ты ведёшь себя так, словно ничего не произошло? — у него даже глаза светятся хорошим настроением, говоря мне о том, что парень совсем и не думает играть в какую-то странную игру. Он просто искренне так себя чувствует.

— А что-то произошло? — или он всё же дурачка включил сейчас или я чего-то не понимаю...

— Не понимаю. Мы снова дружим? Мир, дружба, жвачка?

— Нет.

— Совсем ничего не понимаю, — усмехаюсь. — Ты не предлагаешь мне снова дружить? Мы теперь на уровне «просто одноклассники»?

— А ты дружить со мной хочешь? — Михаил иронично приподнимает бровь. — Мы уже были на грани того, чтобы стянуть одежду друг с друга. Дружба? Не смейся.

— Ох, — бегло оглядываюсь вокруг, чтобы убедиться, что рядом никого нет. — Тогда что ты хочешь мне этим сказать?

— Ты свободна, я тоже, — он садится на скамью рядом со мной, и теперь его особенный тембр голоса ещё ближе к моим ушам. — И целоваться нам друг с другом нравится. Так почему бы просто не продолжить в том же духе?

Хочется хихикать, прыгать от переполняемых эмоций, кричать и делать что-нибудь ещё странное. Михаил Князев мне сейчас встречаться предлагает? С ума сойти! А как же...

— А как же та девушка?

— Какая девушка? — он удивляется, слегка нахмутив брови.

— Ну, которая нравится тебе.

— Она сидит рядом со мной, — он говорит это таким тоном, словно маленькому ребёнку объясняет обычные природные явления, о которых рассказывал уже сотни раз.

— Ребята! — врывается голос Людмилы, приход которой я даже не заметила. — У меня почти руки трясутся, а у вас? Аркадий Евгеньевич тут не мелькал ещё?

На ней ярко красный свитер, удивительно красиво контрастирующий с чёрной оправой

очков и тёмными волосами. Щёки, как у Князева недавно, тоже розовые, глаза горят, а рот растягивается в широкой улыбке.

— Не мелькал, — отвечает ей Михаил. — Не трясись так из-за простого зачёта. На экзаменах трястись надо.

— Ты же опытная уже, — говорю подруге. — И сессия у тебя, в отличие от нас, не первая.

— Вот именно! — Ажинова садится рядом со мной, толкая в сторону, и я оказываюсь сидящей посередине между этими двумя. — И провальная, между прочим! А теперь на платном учусь! Мне никак нельзя прошляпить сессию, а иначе не смогу на бесплатное перевестись, если место освободится!

Раздаётся хорошо знакомый наш скрип Хомяковых ботинок, заставивший нас троих повернуть голову в сторону идущего к нам Антона.

— Ребятуськи! — здороваётся он. — Торжественно поздравляю с началом сессии!

Неизменно большой рюкзак за спиной, взъерошенные после шапки волосы, клетчатая рубашка и задор в глазах.

— Поздравлять с окончанием надо, а не с началом, — морщусь.

— А я классную идею придумал, — говорит Антон, усаживаясь рядом с Людмилой, прижимая её плотней ко мне, а меня к Князеву. — Надо будет отметить, когда всё закончится!

— Какой же ты любитель всё-таки, — усмехается Михаил.

— Так я же не просто так! У меня день рождения между прочим скоро! — тычет пальцем в воздух.

— Когда? — спрашиваем хором.

— Двадцать девятого декабря, — отвечает гордо.

— Так это же двойной повод! — тут же подхватывает Ажинова. — Тогда точно надо! Лина, — поворачивается она ко мне, — а ты сможешь договориться с Глебом, чтобы отпустил тебя к нам?

— А мы расстались, — пожимаю плечами. Вот и настал этот момент. Сначала мои друзья, а затем и все остальные узнают.

— Как? — Людмила выглядит ещё более поражённой, чем Диана до этого.

— Вот я же говорил, — довольно потирает руки Хомяков.

— Вот так, — отвечаю. — Позже расскажу.

— А мне послушать эту историю всё ещё нельзя? — вклинивается Князев, иронично дёргая бровь и губы в усмешке.

— Можно... — выдыхаю, глядя ему прямо в глаза, без сил оторваться, и почему-то краснею.

Я вдруг замечаю, что наши плечи с Михаилом всё это время соприкасаются, а нога чувствует тепло мужской ноги. У Князева есть возможность отодвинуться ещё, давая дополнительное пространство нам всем, но он этого не делает. Если бы на месте этого рыжеволосого парня был Антон, то не чувствовала бы такого щекотного трепета и почти детского восторга внутри. Мы больше не друзья — это правда. Я вижу это в глазах Михаила, а он, наверняка, в моих.

Глава 40. Вместе

Михаил

Аркадий Евгеньевич осмотрел каждого из присутствующих студентов с тем самодовольным видом, который может быть только у преподавателя в день сдачи экзамена. У нас же сегодня зачёт, однако, этому дядечке всё равно радостно наблюдать взволнованные лица перваков. Двигается он вальяжно, неспешно. То рукава рубашки поправит, то волосы пальцами причешет. В окно взгляд бросит, ручку возьмёт и что-то себе там в журнале рабочем напишет. Мы все сидим в ожидании указаний, переглядываемся между собой, корчим разные гримасы. В аудитории то и дело слышатся шепотки, кто-то тихо хихикает, а где-то даже нервно вздыхают.

— Ну, бедолаги, — заговорил Аркадий Евгеньевич, — по алфавиту будем подходить или по желанию?

— А как же автоматы? — зашумели отличники группы со старостой во главе. — У нас все баллы есть!

— А, автоматы хотите? — дразнится преподаватель.

— Вы обещали! — встречает наш до сих пор молчавший Антон, хотя ему-то как раз автомата никто не обещал.

— Ну, раз уж я сам обещал, то с автоматчиков и начнём. Подходите по одному с зачёткой, а остальные потом со своими докладами будете выступать.

Смотрю на Хомякова, сидящего по правую сторону от меня со скучающим видом. Перед ним та самая несколько помятая распечатка доклада, с которой ему предстоит выступление перед преподавом — у единственного из нас четверых.

— Тебе удачи пожелать или как? — спрашиваю, усмехаясь.

— Сейчас не нужно, — Хомяков отрицательно качает головой. — Пожелаешь перед зачётом по философии. Я подойду самый последний, когда вся аудитория опустеет. Затем получу подпись Анны Ивановны. А после... я к ней подкачу.

— Подлетишь, — смеюсь, бросая взгляд на Лину с Людой, что пересели на самый первый ряд вместе с остальными автоматчиками, — на крыльях любви!

— На себя бы в зеркало посмотрел, — пихает он меня. — Хотя нет, не смотри, а то ослепнешь от собственного сияния!

— Какого такого сияния?

— Ой, не начинай быковать только! Я лучше промолчу, а ты вставай и тащи свой зад отсюда. Там «твои» почти все уже разошлись.

«Мои» это те самые автоматчики, набравшие в течение семестра достаточное количество баллов, чтобы можно было сейчас просто протянуть зачётку и получить подпись. Люда, смотрю, уже довольная идёт к выходу, а Лина оборачивается на меня с вопросительным взглядом.

— Ладно, хомяк, сиди тут ещё миллионы лет эволюции, а мы на отдых, — треплю друга за плечо, а затем встаю и, размахивая зачёткой, иду к преподаву и оставшимся отличившимся. Довольный, «сияющий», как говорит Антон. Разве что не посвистываю ещё.

Беляева идёт вслед за Ажиновой, я тоже получаю свою подпись и иду к выходу, бросая последний насмешливый взгляд на Хомякова, подпирающего ладонью подбородок. Мы же втроём, уже стоя в коридоре, решаем, что сейчас самое время отправиться в буфет и

хорошенько перекусить раз уж выдалось столько свободного времени перед второй парой.

Оказалось, такая идея в голову пришла не только нам: половина из нашей группы, уже сдавших зачёт, всю занимала столики. Меня окликнули и позвали к себе парни, мол, что мне делать с двумя девчонками, но я отказываюсь в пользу Ажиновой и Беляевой. Потому что знаю: сейчас Людмила будет выуживать информацию у Лины, и я никак не должен это пропустить.

— Итак, начинает Ажинова, когда мы уже уселись за стол с тремя контейнерами «Цезаря», одной порцией макарон для меня и двумя пончиками для девушек. — Какого чёрта вы сломали мою веру в сладкую, как в кино, любовь?

— Ох, прости, что разочаровала, — коротко хохотнула Лина, — но в кино всё снимается по сценарию, а мы с Глебом и сами не очень далеко от этого ушли...

— Как это понимать? Вы всех разыгрывали что-ли? — Людмила прямо-таки по-настоящему возмущается сейчас.

— Поначалу нет, — мнётся Беляева, — но в последнее время у нас было не всё в порядке. То есть я хочу сказать, что никакой игры не было, но... хмм... так вышло, что я больше не хочу быть с ним.

— Так вы просто поссорились или что? — теряется Ажинова, и я, признаться, тоже хотел бы получить больше ясности.

— Мы действительно много ссорились последние дни и недели. Но мы расстались, а не в паузе после очередной ссоры.

— Он накосячил? — спрашиваю. Обе девушки так посмотрели на меня, словно успели забыть о моём присутствии. Может, мне стоило и дальше молчать? Глядишь и проболтались бы о чём интересном, позабыв про меня.

— Он чёртов манипулятор, — вздыхает Лина, обведя нас обоих глазами. — Глеб всегда одаривал меня цветами, подарками и прочим, но взамен я теряла право каким либо образом его расстраивать. То есть, любые мои желания, противоречащие его желаниям, сразу становились поводом для глубокой обиды. Мне даже с вами нельзя было много общаться. Я словно в клетке оказалась, и никак не выйти из неё без разрешения. А стоит только высунуть голову, чтобы посмотреть хоть одним глазком, что там в мире внешнем, как сразу ругань, а затем обиженный игнор и нежелание услышать меня даже во время разговора о перемирии. А чего только его шпионаж стоит! Он контролировал моё местонахождение с помощью Дианы! Выведывал у неё информацию о том дома ли я и чем занимаюсь... А она, не беря в голову ничего плохого, рассказывала, не выдавая, правда, лишнего... Но сам факт такой слежки за мной меня просто убил, когда я узнала об этом! А обижаться я права тоже не имею: он же, бедный, беспокоится за меня! Ходит потом, обижается... Нормально разве?

Просто зубы сводит от её рассказа. Как представляю эту наглую кошачью морду с кольцом в ноздре, срывающим с Лины шапку посреди зимней улицы и отчитывающим её за каждый лишний шаг в сторону, как сразу невольно натягиваются в напряжении мышцы и быстрее бежит по венам кровь. Вот же мудила.

— Мне вот теперь тоже обидеться на тебя хочется, — надула губы Людмила. — Могла бы и раньше рассказать. Я тебе про Андрея всё-всё рассказываю, кроме постельных сцен, а ты мне ничегошеньки! А ведь подруги, вроде!

— И я вот о том же! — поддакиваю Ажиновой.

— А ты, между прочим, — указывает Беляева на меня пальцем, — ни про каких своих

Андреев вообще никому не рассказываешь! Я о той девушке сейчас, если что!

— Как не рассказываю? — шутливо возмущаюсь в ответ. — Я тебе перед парой всё и рассказал, можно сказать.

— Так ты... — Лина запинается, обрывая свою фразу. Она вытаращила на меня глаза, дурёха. Вот же! Всё сказал, а всё равно не поняла!

— Ты только сейчас что-ли поняла? — усмехаюсь.

— Ребят, — вклинивается Людмила, переводя взгляд то на меня, то на подругу, — я для вас что шутка какая-то? Я вообще не могу понять о чём вы. Что за секреты? Если сейчас ещё и хомяк придёт, в полном понимании о чём вы говорите, то я вообще со стула упаду! Что происходит?

— Люд, — шутливо протягиваю ладони в успокаивающем жесте, — не нервничай так! Всё хорошо! Просто я рассказал Лине о девушке, которая мне нравится.

Вижу, как Лина начинает неловко ёрзать на своём стуле и совершать больше движений руками: то пончик подвинет ближе, хотя всё ещё ест салат, то рукава свитшота одёрнет. Но молчит, не думая меня останавливать. Да! Мне не показалось. Мне не показалась та скромно прячущаяся печаль в её глазах, когда Беляева, полыхая от злости, уходила от меня в субботу. А после я вспоминал и анализировал и другие странные моменты: не сильно-то и счастливый вид девушки в утро после перемирия с Бутчем, активное согласие идти со мной на физический контакт, когда отвечала на мои поцелуи... Мне всё это не привиделось из-за моего потаённого желания смешанного с надеждой. Это всё было правдой и теми сигналами, поверить в которые было достаточно сложно. А сейчас что? Она сидит, не зная куда деть глаза, и мило смущается, даже не подозревая о том, что я вижу, как подрагивают уголки её губ в сдерживаемой улыбке.

— Ты всё ещё сохнешь по ней? — интересуется Ажинова.

— Есть такой момент, да, — отвечаю, глядя только на Лину.

— Она, наконец, ответила тебе? — продолжает допрос. Быстро же мы перешли от темы Бутча ко мне!

— Не знаю, — пожимаю плечами, — надо у Лины спросить.

— У Лины? — Людмила в недоумении переводит взгляд на Беляеву, которая спешно наполнила свои щёки остатками салата.

— Долго жевать будешь? — спрашиваю у виновницы повисшей интриги за столом. — Мы тут с Людмилой, вообще-то, умираем от любопытства! — пародирую интонацию Ажиновой.

— Ну, — выдыхает Лина, проглатывая остатки пищи, — она ответила ему.

И сразу покраснела. Тяжело быть блондинкой, наверное. Чуть что — сразу розовые пятна по лицу. Усмехаюсь, наблюдая смущение девушки, не в состоянии сдерживать себя. Я просто безумно счастлив и ничего с этим не поделаешь.

— Так, а кто она? — Людмила хмурит брови, переводя взгляд на меня.

— Какие же вы обе непонятливые, — качаю головой. — Узнаешь скоро, когда моя девушка будет готова к такому откровению. Долой ваниль, а то скоро затопнит! Лучше вернёмся к нашим котам. Судя по твоим словам, — обращаюсь уже к Беляевой, — он тот ещё гад. Будь осторожна: такие, как он, просто так не сдаются.

— А такой хороший, вроде... — бормочет Ажинова.

— «Не всё то золото, что блестит» — слышала такое? — не скрываю своего раздражения.

— Слышала, конечно, но не ожидала, что это про Пожарского... Я вот расстроена теперь, ведь один из моих воздушных замков только что рухнул. Ещё и у вас какой-то общий секрет, который мне не известен. Твоя девушка это какая-то знакомая Лины?

— Не важно чья она знакомая, — отмахиваюсь под предостерегающим взглядом Беляевой, — главное, что мы вместе.

Глава 41. Взросление

Лина

Получается, вчера мы тайно стали парой. Вау. Я сплю или моя реальность настолько сильно изменилась за столь короткое время, что я сама за ней не поспеваю? Вдруг взгляды изменились на более откровенные, слова и движения стали смелей, голос веселей, а улыбки шире. Хотя ничего объявлено и не было, всё равно никакого стеснения и желания прятаться по углам. Даже странно, что никто из друзей и одноклассников за весь вчерашний день так ничего и не понял. «Ты думала, получишь тонны внимания и сочувствия к своей персоне? А не много ли возомнила о себе? Вот, смотри: никому и дела до тебя и твоего расставания с Пожарским нет!», — с облегчением смеюсь сама над собой. Всем стало известно про меня и Глеба, и всем оказалось всё равно. «Вы расстались? Ничего себе!», — поохали пять минут и тут же забыли, переключаясь на тему следующих зачётов. И вот из-за этого были мои переживания? Похоже, к концу этого года я усвою один важный урок: все слишком заняты собой, чтобы обращать на меня своё внимание. Никто не стал советовать искать нового парня или вернуть Глеба. Никто не заметил наших с Князевым гляделок. А между тем мы вместе, и мы пара. И ещё раз: вау!

Теперь это точно никакой не театр — я в самом деле уверена, что хочу этого. На этот раз мной руководят не чьи-то слова или взгляды, а мои собственные желания. А самое невероятное заключается в том, что и Михаил тоже хочет этого и, как оказалось, хотел давно. Как много времени упущено! И всё из-за моей собственной глупости и неуверенности в себе. Да какая разница, что там говорили подруги и одноклассники? Мне не стоило брать их мнение в учёт, ведь только я знаю, чего хочу на самом деле и как сделать себя счастливой. Какую же глупость я совершила, поддавшись чужому мнению... Да, они были восхищены моим бывшим парнем, его ухаживаниями и сладкими речами. Но сколь же быстро забыли о нём, когда как я мучилась неделями, лишь бы угодить непонятно кому и зачем.

Ещё большим вчерашним облегчением для меня стал откровенный разговор с Михаилом и Людмилой о Глебе и его странных методах манипуляций. Словно камень с шеи сняла. Зачем ходила с таким грузом всё это время? Очередная глупость! Ох, лишь бы ни в коем случае не подумали, что я несчастна! Просто ужасно глупо — больше нечего добавить.

— И знаешь, что ещё я поняла? — сказала я Людмиле, когда мы вдвоём решили уединиться во время большой перемены в одном из пустующих коридоров корпуса.

— Не знаю, уж просвети, подруга... Столько нового сегодня от тебя узнаю, что даже сессию бояться перестала!

— Помнишь ту сентябрьскую вечеринку, где я с ним и познакомилась?

— Помню, конечно, — подруга весело усмехается. — Мне Андрей всё ещё напоминает мою шатающуюся походку и неуклюжий стриптиз в стиле коровы на льду, когда домой на такси вернулась!

— Я тогда Золотой рыбкой оказалась, а он Котом в сапогах. В общем: появилась такая странная шутка, что он теперь может загадывать мне три желания. Казалось, просто шутка, но она воплотилась в реальность.

— Он загадал тебе три желания?

— Успел только два. Первое заключалось в том, чтобы я пошла с ним на свидание, а вторым желанием стала моя ночёвка у него в квартире. Но мои желания при этом не

исполнялись. Я просила свободы передвижения — это даже желанием не назовёшь! Это моё человеческое право!

Ко мне вдруг вслед за чувством вины пришла злость на Пожарского. И чем больше я рассказывала о нём, тем сильнее распалялась. Все подавляемые и не высказанные слова лились водопадом, желая подтверждения в том, что мои претензии не беспочвенны, и меня в самом деле, вообще-то, тоже обидели.

А позже, уже вечером, когда я и Михаил сидели у него дома и целовались за просмотром фильма, сюжет которого никто из нас не вспомнит, я поняла ещё одну вещь: мои собственные желания всё это время исполнял именно Князев. Хочешь помощь по экономической социологии? Я здесь, рядом. Негде переночевать? Дверь моей квартиры открыта для тебя. Лишилась шапки и теперь мёрзнешь на морозе? Держи мою шапку... Мой бывший одноклассник даже каким-то образом всё это время находил в себе силы не мешать моим отношениям с Глебом, считая, что я счастлива, и он не вправе моего счастья меня лишать. Более того: продолжал поддерживать со мной дружеские отношения, искренне дорожа ими. И охранял мой покой, следя за тем, чтобы у меня всё было в порядке. Вот они — мои три желания, а не чьи-то ещё. Три желания для меня. Не для Леночки Барановой, исполняющей роль старухи в школьном спектакле, не для Кота в сапогах, которому на меня словно плевать.

Тогда, в далёком детстве, я заявила, что больше не хочу играть роль Золотой рыбки, терпеть сети на своей голове и исполнять чужую прихоть. Тогда, в восемь лет, я заявила: «Пусть рыбкой в следующий раз будет Миша — он же рыжий! Золотой!». И он ею и стал. Без моих просьб, не прося ничего взамен. Не держал меня в неволе тогда, во время выступления, не держал и сейчас.

Неужели взросление только так и происходит? Через ошибки и боль. Видимо, да. Я бы хотела не расставаться врагами, а поговорить так же откровенно, как с Ажиновой недавно, но и на это моё желание Глебу всё равно.

После телефонного звонка с угрозой прошло уже два дня, сегодня наступает третий. Он не встречается мне в вузе, не пытается связаться через Диану или через Андрея, парня Людмилы. Но спокойствия мне это не приносит — Пожарский просто так словами не бросается. Слишком поздно я поняла, что даже его шутки — вовсе не шутки.

Наступило утро вторника, Михаил уже стоит и ждёт меня во дворе корпуса, прибыв на своём автобусе на десять минут раньше меня. При встрече улыбаемся теми загадочными улыбками, какие бывают у влюблённых после сладких поцелуев на кануне. Фильм? Мне так и не вспомнить, что за фильм мы вообще вчера «смотрели».

— Ну, что? — спрашивает Михаил, протягивая мне руку, пока никто не видит. — Сегодня мы заходим, как друзья или как пара?

— На мне всё ещё твоя шапка, — отвечаю, вкладывая свою ладонь в его. — Я давно готова. Просто растерялась вчера, и нужно было подождать пока стихнет ажиотаж по поводу моего расставания с Глебом.

— Ажиотаж был у меня, — усмехается. — На остальных забей. А если что, я поколочу, кого надо, за излишние эмоции!

— Так! Мих, никаких поколачиваний!

— Ну, посмотрим... — протянул он, криво усмехаясь.

Войдя в аудиторию, как пара, держась за руки, мы, конечно, привлекли немало к себе

внимания. Сначала все затихли, не зная, как реагировать. Затем Маша, староста, спросила: «Вас поздравить можно?», а парни начали громко шутить и улюлюкать. Князев в своём стиле обвёл всех присутствовавших предостерегающим взглядом, а затем ответил: «Можно». Посыпались поздравления, ещё более удивлённые лица смотрели на нас и наши скрещенные руки, как на нечто мистическое. Ажинова в полном шоке, а Хомяков единственный, кто никак не отреагировал. Словно он давно всё про нас понял. Что за великий провидец в нашем квартете? Всё знает наперёд, всё про всех понимает. А с виду нелепый неуклюжий мальчишка в странной одежде.

Сегодня снова был зачёт, который мы все сдали слишком легко и непринуждённо. Настроение на высоте, за спиной крылья. Говорят, затишье всегда перед бурей — я почти забыла об этом в свете сегодняшних светлых моментов.

А ночью, когда я уже крепко спала, мне позвонили с незнакомого номера.

— Ты была права, — услышала спокойный голос Глеба. — Нельзя расставаться злыми собаками. Я хотел бы поговорить с тобой. Нормально, как некогда близкие люди.

— Глеб, ты видел который час? — мой голос хрипит после сна, а глаза закрываются сами собой.

— Три ночи, — слышу смешок в ухо сквозь телефон. — Прости. Не могу уснуть, не поговорив. Хотел бы всё вернуть, если честно, но ты тверда в своём решении. Верно?

— Мы расстались, Глеб, — напоминаю, прикрыв глаза.

— А как ты смотришь на дружбу? — слышу мурлыкающие вкрадчивые нотки, не вызывающие во мне больше ничего.

Я бы, может, и не прочь дружить, но теперь уже прекрасно понимаю куда это всё приведёт впоследствии: к очередным манипуляциям, эмоциональным качелям. Да и та пощёчина так и останется неприятным воспоминанием о Пожарском, отравляющем весь его образ в моей голове. Больше вообще ничего не может быть между нами.

— Я смотрю положительно на адекватный взрослый разговор и мирное расхождение в разные стороны, — отвечаю.

— Разве нельзя мирно дружить?

— С тобой?

— А что со мной? Ты уж прости, что я так эмоционален. Мой отец... — ты же всё прекрасно понимаешь. Мне тяжело.

— Понимаю, — тихо зеваю. — Но дружить с тобой не могу: мой парень неправильно меня поймёт.

— Твой парень? — тон сразу заметно изменился, делаясь более напряжённым.

— Да.

— Так вот в чём на самом деле причина.

А после я слышу тишину оборванной связи и стук собственного сердца. Сна как не бывало.

Что-то назревает или Глеб просто молча уйдёт в закат?)

Лина

После звонка в ночь на среду вновь наступила тишина — очень похоже на Глеба. И если в среду я ещё ходила, как в воду погружённая, обдумывая возможные дальнейшие действия со стороны бывшего, то в последующие дни память о нём становилась всё тусклее под влиянием суматохи со сессией. Немалую роль сыграло в моём текущем спокойном состоянии и начало романтических отношений с Михаилом. На самом деле главенствующую роль. Так как настолько счастливой я себя раньше чувствовала разве что в те редкие моменты, когда ранее бывала с Князевым наедине. Теперь же такая возможность не только «официально» разрешена, но и стала ежедневной практикой. То мы вместе ходим в магазин выбирать новогодние подарки своим семьям, то гирлянду подбираем для украшения своих квартир, то вместе смотрим фильмы и дурачимся... Хотя, смотреть фильмы и вникать в их сюжеты у нас так и не получается, если признаться честно. Раньше я посмеивалась над Ажиновой, когда она рассказывала мне о трудностях с просмотром кино с Андреем, а теперь стала прекрасно понимать свою подругу. Как можно сидеть настолько близко друг к другу в ограниченном пространстве и не начать отвлекаться от экрана на желанного человека, что сидит так близко? Это же просто невозможно!

У нас с Михаилом даже свои шутки появились на эту тему, которые понимаем только мы вдвоём. Ха! Прямо сейчас вспоминаю, как вчера, в пятницу, после вуза поехали к нему, и по приезду я попросила налить мне чай.

— Ты получишь свой чай, но сначала мы вдвоём посмотрим один фильм... — ответил мне тогда Михаил с хитринками в глазах. Мы оба поняли, чем будем заниматься в ближайшие минуты.

Губы сам собой растягиваются в улыбке от щекотных воспоминаний. Зачем-то тянусь прикрыть улыбающийся рот рукой, забывая, что на руке резиновая перчатка и слой пены от средства для мытья посуды. Мокро и горько.

— Вкусно что-ли? — хохочет позади меня Диана, заставив вздрогнуть от неожиданности и загреметь посудой, которую перемываю.

— Да не то слово, — смущённо усмехаюсь и снимаю с руки горького вкуса перчатку, чтобы затем ополоснуть нижнюю часть лица водой из под крана.

— Чего это ты странная такая? А ну колись!

— Догадайся!

Всё Васильева на самом деле понимает. Просто дразнится и получает удовольствие от моего смущения. Я рассказала на днях ей о Князеве и о нашем с ним новом статусе в качестве пары. Не сказать, что Диана как-то сильно удивилась этому, скорее наоборот подумала что-то вроде: «ну, наконец-то призналась».

— А я уже догадалась! Хочу просто чтобы вслух сказала!

— Издеваешься?

— Радуюсь за тебя! Одно плохо: генералить тебе приходится сегодня, отдуваясь за вчерашний отдых.

— Оно того стоит, — не скрываю своего довольства.

— Ох, и загадочная ты! Боже, как это прозвучало сладко — прямо не могу!

— Только не завидуй, пожалуйста!

— И не подумаю! Никогда рыжих не любила, хотя наш бывший одноклассник ничего такой...

— Эй! — возмущаюсь шутливо и трясусь в сторону Дианы рукой, обрызгивая водой.

— Ладно-ладно, молчу! — прикрывает лицо руками в защитном жесте. — И знаю я чем вы вчера занимались — просто так вместе парень с девушкой не ночуют.

— Только не с Глебом, — спешу уточнить в попытке отстоять свою честь перед консервативной подругой.

— Верю я, верю. Успокойся уже.

Васильева наливает себе чай, достаёт из холодильника недоеденный с утра салат и покидает кухню, оставляя меня вновь наедине с моими воспоминаниями о вчерашнем дне. А вспоминать мне теперь точно есть о чём...

После «просмотра фильма», когда на часах была уже полночь, а всё пространство погрузилось в темноту, я и Михаил ещё долго лежали под общим одеялом и просто общались. Это было похоже на тот момент из детства, когда вы вместе с подружкой ночуете у неё дома и, лёжа в одной кровати, тихо шепчетесь, чтобы взрослые не слышали. Рассказываете всякие секретки, страшилки, хохочите, зажимая рот рукой... Такое же тёплое чувство и безграничное счастье от того, что ты сейчас находишься в этом моменте. Только я сегодня ночью была не с подружкой, а со своим парнем, и разговоры у нас были более взрослые, смелые, а местами очень серьёзные.

— Не уверен, что кровать является подходящим местом... — очень задумчивым голосом произнёс в какой-то момент Князев.

— Для чего?

Парень усмехнулся, видя моё полнейшее недоумение, и тихо толкнул мою ногу своей.

— Вообще-то, было бы здорово сделать это в кафе... — продолжает он. — Хотя нет — не достаточно интимная обстановка. Шум, гам, всё время что-то отвлекает...

— Ты бы ещё на улице предложил! — фыркаю.

— На улице слишком шумно, — в полумраке спальни едва заметно как он качает головой. — Нужна тишина.

— А присутствие людей для тебя не важный критерий?

— Важный. Поэтому, может, кровать не такое уж и плохое место...

— Да неужели?

— Да, думаю, кровать действительно подходит. Да и тянуть больше некуда.

— Тянуть что?

— Резину, — короткий мужской хохот.

— Так, блин, — теперь я толкаю его ногой, — Что за бред ты несёшь?

— Вовсе не бред, — делает вид, что прочищает горло. — Очень серьёзные вещи, между прочим, говорю. Точнее, собираюсь говорить.

— Пока звучит не слишком серьёзно.

— Лина, — Михаил с одеяльным шуршанием поворачивается ко мне всем корпусом, беря моё лицо в свои большие ладони. — Похоже, я люблю тебя.

— Похоже? — выдыхаю севшим голосом, остро ощущая тепло его кожи на своих щеках.

— Да, очень похоже на то, — от тембра этого голоса мой пульс ускоряется ещё сильнее, чем уже успел ускориться секундами ранее.

Это действительно происходит со мной? Хочется просто начать кричать от восторга и

прыгать на кровати в попытке пробить головой потолок.

— Похоже, я тебя тоже люблю, — слова сами собой льются из моего рта, не смотря на все эмоции, что копошатся в моей голове.

— Тоже очень похоже на это? — Михаил тихо усмехается где-то рядом у моего лица.

— Угу.

— Как здорово, что всё взаимно, — слышу улыбку в его голосе.

— И правда, — радуюсь темноте, что скрывает моё покрасневшее лицо. Более смущающего момента у меня в жизни не было.

И, похоже, скоро я совсем перееду к Князеву. Такая тема между нами ещё не поднималась, но мы оба понимаем, что этот вопрос вскоре возникнет сам собой. И я даже уже заранее знаю свой ответ... «Смотри, как бы сама первая не предложила...», — иронизирую сама над собой.

Так быстро и незаметно посуда ещё не мылась. За своими размышлениями я даже не поняла как управилась с ней. Теперь я понимаю, что влюблённость всё же окрыляет, делает счастье осязаемым, острым. А самое невероятное: к нему можно даже прикоснуться и почувствовать вкус. И это совсем не то, что я испытывала рядом с Пожарским. Этих парней и мои чувства к ним даже сравнивать нельзя: слишком разные, ничем не похожие друг на друга. Как можно было так обмануться в самом начале? Просто хотелось обмануться — вот и весь ответ. Нет больше смысла задавать себе этот вопрос. Хватит.

Однако, Глеб всё же не даёт о себе забыть, и снова, спустя четыре дня молчания, врывается в мою налаживающуюся жизнь.

— Лина, — в кухню заглядывает Диана, держа в руке свой мобильник, — кот, то есть Глеб, звонил... — У подруги растерянный вид, и эта растерянность передаётся и мне.

— Что он хотел? — спрашиваю.

— Говорит, стоит у нашего подъезда и ждёт тебя по очень срочному делу. До тебя не дозвонился, и вот...

— Ну, конечно. Я же посуду мою.

Подхожу в окну и действительно вижу знакомую машину и мужскую фигуру рядом. Когда же мы уже поставим последнюю точку в нашей истории?

Глава 43. Кто?

Лина

Вчера я снова дала нам шанс разойтись мирным путём. Быстро кое-как оделась, спустилась вниз и вышла на улицу. Горло обжёг морозец, а вспыхнувшее волнение ускорило пульс. С моим бывшим теперь совсем не понятно чего ожидать. Пожарский стоял прямо, засунув руки в карманы зимней пухлой куртки. По его лицу мне не был понятен текущий настрой парня, но я надеялась и всё ещё надеюсь, что это была наша последняя с ним встреча.

— Привет, — сказала, кутаясь в пуховик, который просто накинула на себя, не застегнув как следует. Потому что я не планировала находиться на улице слишком долго и хотела, чтобы Глеб тоже это понимал.

— Привет, — он никак не поменял выражение лица и позы при виде меня. — Разговор есть.

— Слушаю.

— Должок за тобой остался.

— Я ещё и должной тебе осталась? Чего ты хочешь?

— Забыла? Я не успел загадать третье желание.

— Уже не актуально, Глеб. Мы больше не пара. Никто больше никому ничего не должен.

— Звучит стильно, современно, — растянул губы в кривой и немного злой улыбке. — Но меня не проведёшь. Ты должна мне третье желание.

— Я сейчас просто развернусь и уйду, — ну почему он не может оставить меня в покое? Любовь? Какая-то больная она у него.

— Не спеши убежать, если не хочешь проблем, — прозвучало весьма раздражающе для моих нервов.

— Снова угрозы?

— Предупреждение.

— Говори внятно, или я уйду.

Пожарский, наконец, перестал стоять каменным изваянием. Он шумно и с раздражением выдохнул, делая два широких шага в мою сторону. Между нами теперь остался жалкий метр.

— Моё третье желание, рыбка: ты возвращаешься ко мне, и мы живём вместе в мире и согласии.

— Не смешно, Глеб.

— А иначе я отменю заказ картины у некой Людмилы Ажиновой. Знаешь такую?

— Ты...?

— Упс, — наглая ухмылка. — Сюрприз! Романтичный донельзя Глеб Пожарский решил не только своей девушке жизнь подсластить, но и её подруге. Представляешь?

— Я не могу вернуться к тебе. Я не люблю тебя.

— А рыжика любишь? — прищурился.

— Я уйду, — отвернулась и быстрыми шагами последовала к двери подъезда так, словно за мной гонится злая собака или даже целая стая зубастых бешеных псин.

— Уходи, — закричал мне в спину Пожарский, — но теперь не смей оборачиваться!

Назад пути нет! Ты слышала?

Лязг железной двери отгородил меня от назойливого мужского голоса, который в последнее время способен говорить только гадости. Даже все его попытки поговорить нормально оборачивались во что-то жуткое и неприятное.

А на следующий день я не знала, как смотреть в глаза Людмиле. Как назло, именно сегодня она пришла на пары в необычайно хорошем настроении, которое даже портить жалко. Я знаю, что выгляжу слишком отстранённой и замечаю, как Михаил пытается что-то разглядеть в моём лице. Я говорю: «всё в порядке», но его не проведёшь.

— Ты очень задумчивая сегодня, — сказал он мне во время перемены, пока мы стоим напротив открытой нараспашку аудитории, где уже собираются наши одноклассники.

— Про экзамены думаю, про беднягу Антона, — успокаивающе улыбаюсь своему парню. Даже всё ещё не верится, что теперь я Князева могу называть именно так.

— А что экзамены? Сдадим! А хомяк справится при любом исходе событий.

Через открытую дверь я смотрю на Ажинову с Хомяковым, сидящих за аудиторным столом. Сейчас у нас будет зачёт по философии, но никто о нём не переживает, кроме нашего Антона, решившемуся именно сегодня подкатить к Анне Ивановне.

— Надеюсь, она хотя бы его не пошлёт, а вежливо откажет, — говорю.

— Не представляю её в таком стервозном амплуа.

— Я тоже, но переживаю так, будто это я собираюсь ей в любви признаться.

Обсуждаю Антона, используя его, как прикрытие, а сама смотрю на подругу. Она выглядит такой беспечной, довольной собой и жизнью. Андрей ей вчера устроил романтический ужин, и картина, как сказала сама Ажинова, завершена и теперь только ждёт своего часа... Заказчик должен выкупить её тридцатого декабря... Но не выкупит. Потому что картину заказал мой бывший, желающий насолить мне как следует. Он реально верит в возможность счастья таким путём?

— На всю жизнь запомню твоё признание, — тепло в голосе Михаила согревает, как если бы меня укрыли одеялом.

— Как и я твоё, — отвечаю, улыбаясь.

Приятное воспоминание на минуту отвлекло меня от тревожных мыслей, но зазвевший звонок вновь возвращает меня в настоящее. Мы вместе с остальными заходим в аудиторию и расходимся по своим местам. Я подсаживаюсь к Ажиновой, Михаил следом за мной, а Антон, вставший до этого, чтобы пропустить нас двоих, привычно замыкает собой нашу четвёрку.

Молодая преподавательница заходит последней, и сразу принимается, опираясь на список наших фамилий, вызывать к себе по одному человеку. Подруга пойдёт второй. Я шепчу Людмиле, чтобы она ждала меня в коридоре, когда освободится, и та согласно кивает. В это время Антон с Михаилом веселятся, рассматривая в Яндекс картинках русский алфавит, чтобы понять получится ли вообще у Хомякова остаться в аудитории последним.

— Да! — громким шёпотом восклицает Хомяков. — После «Х» у нас больше никого нет в группе!

За буквой «А» следом сразу иду я. Получаю подпись в свою зачётку и выхожу в коридор, где уже всю расхаживает Людмила, болтая параллельно по телефону.

— Ну, что? В буфет? — подмигивает она, когда завершает телефонный разговор.

— Угу.

— Андрей прямо расстарался, — принимается щебетать подруга пока мы идём к лестнице, чтобы спуститься затем на первый этаж. — Говорит, пойдём сегодня сходим куда-нибудь. Даже подозревать его начинаю!

— В чём?

— Не знаю... В измене? В пакости? Чего это он такой классный стал?

— Ну, что ты сразу так, — смеюсь. — Может, новогоднее настроение у человека, хочется чуда и простого человеческого тепла.

— Надеюсь. Иначе руки-ноги ему поломаю!

— Кровожадно звучит, — хмыкаю.

— Я посмотрела бы на твоё звучание, если бы возникла угроза измены от Миха!

— Фу на тебя! — морщусь.

— Вот видишь, как неприятно! — смеётся.

— А картину показывать когда будешь? — перехожу на более волнующую меня тему.

— Сегодня точно не получится, — она на секунду замолкает, отвлекаясь на студентов, что вышли нам навстречу возле лестницы, а затем продолжила, когда мы уже начали спускаться по ступеням: — Но время ещё есть. Покупка тридцатого числа, а сегодня ещё только девятнадцатое.

— А кто заказчик? Я не помню говорила ли ты...

— Ой, имя не помню, Лин. Белоусов там какой-то. А чего спрашиваешь?

— Просто интересно... Вдруг фамилию узнаю.

— Так много Белоусовых-то на свете. Конечно, узнаешь.

Но нет. Не узнаю. Мы уже шагаем по первому этажу, где более оживлённая обстановка и уже не так тихо и пустынно, как на втором. Белоусов? Почему не Пожарский? Глеб действует от вымышленного имени? Через кого-то? Это точно он? Или кто-то другой? Кто этот чёртов заказчик?

— Люд, посмотри, пожалуйста, имя и отчество заказчика.

— Зачем? — её недоумение сквозь стёкла очков немного разбивают мне сердце. — Думаешь, это кто-то из знакомых тебе людей? Или что? Какая-то важная шишка города?

— Не знаю, но хочу узнать, — стараюсь не выглядеть беспокойной.

Но это показное спокойствие в любом случае временно. Совсем скоро у Ажиновой одним поводом для радости станет меньше. А ведь это не мелочь: картина действительно способна оплатить ей несколько месяцев учёбы... Это недели труда и веры во что-то хорошее.

Глава 44. Тот самый

Михаил

Началась последняя неделя сессии. Сегодня последний зачёт — философия. А далее... экзамены. Вот тут-то мы и вспотеем. Мы уже поняли, что зачёты не так страшны, но экзамены это же совсем другое дело. Даже само это слово звучит более солидно и устрашающе.

Хотя мне и Лине особо бояться нечего: мы оба неплохо учимся, ко всему, вроде как, готовы. Людмила даже ещё усердней старается, чем мы, ведь для неё хорошие оценки особенно важны для дальнейшего перехода на бесплатное обучение при освобождении бюджетного места.

Беспокоиться больше всего стоило бы Антону, который в нашем квартете единственный, кто не сильно парится об успеваемости. На троечку тяну? Ну, и уже хорошо! Гораздо больше Хомякова заботит философия. О, как она его заботит! Дисциплина, не вызывающая никаких опасений и переживаний даже у последних двоечников, вводит в мандраж нашего всегда оптимистичного юмориста.

Он ведь уже всё спланировал. Какой походкой подойдёт к преподавательскому столу, каким взглядом посмотрит, с какой интонацией скажет заветные слова... Но, как известно, у жизни всегда свои планы: Анна Ивановна вдруг решила вызывать нас по списку фамилий, а не по желающим. Антон хотел отсидеться до последнего, чтобы остался только он и преподавательница, а тут такая подстава сразу.

— Так, — говорю ему, — без паники. Ты же Хомяков. Буква «Х» далеко не самая первая в алфавите.

— Давай в поисковике алфавит найдём, — говорит он, сразу хватаясь за телефон.

Антон заходит в Яндекс картинки, пока одноклассники с фамилиями на букву «А» уже активно получают подпись Анны Ивановны в свои зачётки. Вот и Людмила уже пошла.

— Ну, смотри, — тычу пальцем в экран его мобильного, — в конце самом. У нас после «Х» же нет, вроде, никого.

— Сейчас в «Заключённые 549 камеры» глянем, чтобы уж точно убедиться.

— Нет никого, говорю же, — усмехаюсь.

— Да! — громким шёпотом восклицает Хомяков. — После «Х» у нас больше никого нет в группе!

— Как мало тебе сегодня для счастья надо, — уже откровенно веселюсь, провожая взглядом Лину. Вот и буква «Б» пошла.

— Мало? Я даже не знаю, «мало» ли.

— Если не пойдёт, уже хорошо. На многое не рассчитывай.

— Я не так уж и плох вообще-то, — почти обижается.

Есть в моём друге одна интересная особенность. Он немного нелепый, иногда кажется слишком несерьёзным и беспечным, но за таким непримечательным фасадом кроется гораздо более глубокая личность, чем кажется на первый взгляд.

Антон очень проницателен, из-за чего и выигрывает во всех спорах. Он очень внимателен ко всем вокруг. А ещё очень любит быть среди людей, веселиться, шумно проводить время. Периодически он наведывается с другими нашими активными одноклассниками в клуб, где в сентябре проходила студенческая вечеринка.

Я ничего особо личного не знаю о нём, но и я не из пустоголовых простачков, и кое-что всё же понимаю. Наш друг совершенно точно из семьи весьма скромного достатка и многих радостей жизни ему не доставало. Вот и рвётся теперь к веселящейся толпе, радуясь, как ребёнок.

— Удачи, хомяк, — говорю ему, когда прозвучала моя фамилия из уст молодой преподавательницы.

— Спасибо, князь, — он шутливо кланяется, но я уверен, что волнение съедает его изнутри.

Лину я нашёл в буфете. Как и добрую половину нашей группы. И почему я не удивлён? Моя девушка (ох, обожаю, как это звучит) сидит за столиком вместе с Ажиновой, и они вдвоём поедают пончики с чаем. Ничего себе не покупаю, так как плотно позавтракал дома и не голоден, а просто усаживаюсь рядом с Линой.

— Его полное имя Белоусов Николай Николаевич, — зачитывает Людмила с телефона. — Это тебе о чём-то говорит?

— Вообще ни о чём, — пожимает плечами Беляева.

— О чём это вы? — спрашиваю их.

— Обсуждаем заказчика Люды на картину, — отвечает Лина.

Не могу понять настроение своей девушки сегодня. Она кажется мне излишне задумчивой, а сейчас немного даже беспокойной.

— Ой, смотрите, Анька идёт, — Ажинова смотрит куда-то мне за спину. Оборачиваюсь и вижу свою двоюродную сестру. Она тоже замечает меня и широко улыбается, следуя к нашему столу.

— Мишаня, привет! Девчули привет! — здоровается с нами и садится рядом. — А тебя я ещё не знаю, — добавляет Аня Лине.

— Я Лина.

— Это моя девушка, — дополняю, не сдерживая улыбки. — А ещё бывшая одноклассница.

— Ого! — восклицает сестра. — Это с началки?

— Ага, — отвечаю одновременно с Беляевой, а затем, смеясь, мы переглядываемся.

Аня очень даже вовремя встретилась мне сегодня. Ведь в переписке её не достать, так как она довольно редко бывает «онлайн». Мне всё хочется спросить сестру о Глебе, потому что мне кажется, что она его знает. Но и здесь мы не наедине, а спрашивать при Беляевой не хочется. Поэтому я говорю:

— Всё в гости к вам наведаться хочу, встретиться с твоим отцом. Мама мне все уши прожужжала уже, встретиться, говорит, с дядей, а то уже почти семестр прошёл, а ты всё никак не соберёшься.

— Приходи, конечно, — кивает Аня головой. — Можешь хоть сегодня! Я дома как раз тоже буду.

— Тогда сегодня и приду, а то потом и некогда будет.

— Да, точно, — подтверждает сестра. — Там новый год, праздники и всё такое.

— Когда мне подъехать?

— Давай часов в шесть. Отец с работы как раз вернётся и отдохнуть успеет.

— Отлично, договорились.

Дело не в том, конечно, что я очень сильно горю желанием встретиться с Иваном

Ильичом. На самом деле я рассчитываю поговорить именно с Аней без посторонних глаз и ушей. Я должен разузнать о Бутче как можно больше. Потому что его сообщения в «Вконтакте» меня напрягают и злят. Я не говорю о них Лине, так как не вижу смысла втягивать её в это. Да и что тут говорить?

— «*Это ты?*» — написал он мне очень коротко вчера вечером.

— «*Я*».

Думал, мы оба поняли друг друга. Решил, что на этом всё, но котяра продолжил:

— «*Отвалить от неё не хочешь?*».

— «*А ты?*».

— «*Я её парень*».

— «*Уже нет, насколько мне известно*».

— «*Это мы ещё посмотрим*».

Лина говорит, что всё в порядке, и никто к ней не пристаёт, но даже если я верю в это, то всё равно продолжу следить за её бывшим.

Поэтому в оговорённое время я уже топтался на пороге у своего дяди. Я вдруг с удивлением обнаружил насколько мой малой похож внешне на Ивана Ильича. Уже давно ходит такая семейная байка про Тимофея, но я не придавал значения, не приглядывался. Да и дядю, правда, давно не видел.

— Ну, проходи, студент, — говорит он мне. — Рассказывай, как родители поживают, как отец твой.

Мы усаживаемся за кухонный стол: я, Аня, её родители. Накрыто скромно, но сытно. Запечённая курица с картофелем, овощной салат и вазочка с конфетами к чаю.

— Отец вот стеснительный у меня, — усмехаюсь, намеренно сдавая родителя — поговорить с тобой хочет, да всё боится.

— Кого боится? Меня? — хохочет Иван Ильич своим низким басом.

— Вдруг кусаешься, думает.

— Кусаюсь, конечно, — важно кивает, — ещё как кусаюсь! Студентов особенно люблю кусать. Ты-то как? Справляешься? Зря, может, на мою кафедру не пошёл?

— Справляюсь, конечно. Спросить, кстати хочу... Знаешь студента по имени Глеб Пожарский? — а сам и на Аню поглядываю.

— Это третьекурсник, — незамедлительно отвечает сестра. — Мы часто общаемся группами в общей компании. И тут я понимаю: да, описываемый ею ранее парень тот самый Глеб. Это он и есть. Она его знает.

— Да, припоминаю, — оглаживает подбородок дядя. — Почему спрашиваешь?

— И правда, — со смехом встревает его моложавая жена, — ели бы лучше активней!

— Он не даёт покоя мне и моей девушке, — отвечаю. — Угрозами сыплет.

Да, после пар, когда мы вдвоём прогуливались по снежной улице, я всё же смог расколоть Лину, и она призналась мне в выходках своего бывшего. Таким злым я не был даже после истории с шапкой. До чего прилипчивый урод! А Беляева ещё и жалеет его! Отец у бедолаги умер, родители были холодны, влюбился он бедняжка... Слушать противно.

— Глеб? Угрозы? — удивляется Аня.

— Да. Есть ли способ хвост ему прижать? — смотрю на дядю. — Хотелось бы без кулаков как-то обойтись.

— Мальчик-то это не простой, — задумчиво тянет Иван Ильич. — Богатенькая семейка...

Богатеев, против которых никакой управы нет, мне ещё не хватало!

— А что там с его семьёй, кстати? — спрашиваю, подозревая, что там есть что-то интересное.

И, как оказалось, не ошибся...

Глава 45. Всё плохо

Лина

День последнего экзамена. Прошлая неделя была самая напряжённая из всех студенческих недель, что были в моей жизни. Целая череда экзаменов. Они шли один за другим, и к каждому из них нужно было учить билеты, грызть ногти и нервничать. Но мы справились. Осталось пережить лишь строгий взгляд Екатерины Николаевны и её «методологию и методы социологического и маркетингового исследования».

— Самая жуть осталась напоследок, — жаловалась Людмила ещё с пятницы.

— Трудно с тобой спорить, — соглашался Михаил.

— Это точно, — поддакивала я.

А Антон молчал. И сегодня молчит. Он сидит, как и всегда, рядом с Князевым, замыкая нашу четвёрку, но ведёт себя непривычно тихо. Никаких шуток, улыбок — ничего.словно свет в квартире погасили. Ровно неделю назад, в предыдущий понедельник, был тот самый зачёт по философии, где Хомяков собирался подкатить к Анне Ивановне. Во вторник Антон уже не разговаривал с нами. Ходит тенью, и даже спрашивать не требуется о причинах — всё итак понятно. Отшила она его.

Мы его не трогаем, только шушукаемся по поводу его дня рождения, которое будет уже в этот четверг. Что если наш друг вообще откажется его отмечать? Что дарить? Как развеселить и поднять дух?

И пока все думают об Антоне, я продолжаю терзаться мыслями о картине Людмилы. Подруга сияет счастьем, а Глеб с незнакомого номера пишет, что любезно предоставляет мне время подумать. Каков добряк!

Михаилу пока ничего о картине не говорю. Достаточно было рассказов о попытках Пожарского «нормально поговорить», при которых всё скатывалось в истеричное сбрасывание звонка и последующее молчание.

— Он нормальный вообще? — негодовал Михаил, пиная ногами снег, словно пытаюсь этим умерить свою злость. Мы как раз прогуливались тогда после пар, и разговор таки зашёл о моём бывшем.

— Может... это я виновата?

— Ты здесь причём? Ещё выгораживать его начни! Сказано же: «расстаёмся». Никак понять не может? Где гордость в конце концов?

— У него непростая ситуация — проблемы в семье.

— А ты их ему решать что-ли должна?

— Поддержку оказать... — а мысленно продолжила: «не обманывать игрой в выдуманную любовь...»

— Сама же говоришь, что предлагала ему по-хорошему разойтись, мирно. Он отказывается. Так в чём твоя вина?

— Ни в чём, наверное, — сдалась. Когда-нибудь я смогу найти в себе силы признаться Князеву в своей великой глупости.

— «Наверное», — передразнил меня Михаил.

О пощёчине и угрозах я решила умолчать. И без того реагирует бурно, а новых проблем в виде мужских разборок мне совсем не хочется.

Проблем мне итак хватает, и новая не заставила себя ждать. Я потеряла свой флеш-

накопитель. И теперь, как и Антон, сижу мрачнее самой плотной тучи. Михаил косо посматривает то на меня, то на Хомякова, хмурится.

— Всё нормально? — не выдерживает мой парень, шепча мне на ухо.

— Нет, — отвечаю, глядя на Екатерину Николаевну, что раскладывает билеты на своём столе. Через несколько минут прозвонит звонок и начнётся мой ад. — Я потеряла флешку, где хранилась моя экзаменационная работа.

— Как? — услышала нас Людмила.

А вот так. Утром проснулась, начала собираться на экзамен, а вскоре обнаружила свою пропажу. У меня паника, я металась по всей квартире, нервно поглядывая на часы, рылась во всех карманах, в сумке, в рюкзаке, и никак не могла его найти. Страшно до слёз.

— Ты чего нервная такая? — удивилась Диана моему поведению. — Что ищешь?

— Флешку, — почти плача. — Я должна принести её на экзамен! Там моя методичка, над которой я работала почти месяц!

— Где ты оставила её в последний раз? — Васильева тоже начала шарить по всем местам в квартире, но ко мне вдруг пришло странное понимание: «мы её не найдём».

— Она всегда была в моём рюкзаке, — произнесла упавшим голосом, сдаваясь. — Я носила её с собой в вуз, так как это часто нужно для распечатки всяких файлов.

— Куда же она могла пропасть? Вспоминай, Лин!

— Это Глеб, — сказала твёрдым уверенным голосом.

— Кот? Почему ты так думаешь? — Диана всё ещё удивляется моим рассказам о нём, и в этот момент тоже растерялась.

— Он вчера поздно вечером снова писал мне, но я не придавала значения. Подумала, опять чушь какую-то несёт. Написал... Сейчас покажу.

Я пошла в свою комнату за телефоном, чтобы затем открыть вчерашние сообщения Пожарского. Хорошо, что удалить ещё не успела. Показала самое последнее из них Васильевой, что вошла в комнату следом за мной: *«Помню, у тебя экзамен завтра. Последний. Удачи с его сдачей, и, надеюсь, уже после, думать тебе станет легче и быстрее».*

— Думаешь... — с сомнением начала Диана.

— Знаю, — прервала я её. — Я ходила к нему в квартиру с тем самым рюкзаком. И Глеб знал про методичку, над которой я работаю. Так уж вышло, что изначально мы нормально общались, и тема учёбы у нас тоже в общем меню по разговорам была.

— Вот гнида, — поддержала меня подруга.

— Узнаю Пожарского, — продолжаю, — это его стиль. Просто так такое сообщение он бы мне не написал.

Я снова умалчиваю перед Князевым и Ажиновой о причине пропажи флеш-накопителя. Они смотрят на меня со смесью ужаса и сочувствия на лице. Особенно Михаил. Даже Хомяков на секунду отвлётся от своей депрессии и мельком глянул на меня. Мы все теперь понимаем, что мне конец. Без этой методички Екатерина Николаевна не примет у меня экзамен. Эта жёсткая угрюмая женщина с неряшливым пучком на голове сразу заявила, что без методичек нам на её экзамене делать нечего.

И она не обманула. Я намеренно пошла пошла одной из первых, чтобы скорей покончить с этим. Преподавательница уже наготове со своим рабочим ноутбуком, и следит за мной цепким взглядом. Тяну билет и одновременно с этим говорю:

— Я знаю, как это звучит, но я потеряла флешку с методичкой. У меня её украли.

— Не ожидала от вас, Лина, — лицо Екатерины Николаевны сразу сделалось холодным, а голос приобрёл ироничные нотки. — Большая часть баллов даётся именно за методичку. Я ведь предупреждала.

— Я отвечу на столько билетов, насколько надо, чтобы получить хорошую оценку. Хоть на все могу!

— Может ещё и местами поменяемся? — иронизирует женщина. — Вы сядете и будете принимать экзамен вместо меня, выдумывая свои правила, а я пойду домой. В деканате буду потом рассказывать, что рабочее место у меня украли, и я не при чём.

— Но...

Но Екатерина Николаевна слишком принципиальна. Какая ей разница знает студентка весь материал или нет? Главное, что её требование проигнорировано, что абсолютно недопустимо!

— Покиньте аудиторию, Беляева, — убивает она меня словами. — Пересдача завтра. Либо приходите с методичкой, либо экзамен снова будет не сдан.

Так я с позором и гулко бьющимся сердцем оказалась в коридоре. В глазах слёзы, руки дрожат, а на душе так плохо от чувства безысходности и отчаяния, что хочется просто пасть на колени и разреваться маленькой девочкой.

Ну почему он так поступает со мной? Да, не смогла любить, но разве это такое преступление? Неужели моё раскаяние и попытки быть доброжелательной ничего не стоят? Неужели я заслужила такой откровенной злобы в свой адрес?

Я ведь Глеба и жалела ещё, выгораживала перед Михаилом, чтобы только не подставить и не спровоцировать дополнительный конфликт. Только бы без махания кулаками и прочего. А в ответ что? Вот это всё дерьмо, что льётся на меня уже который день, неделю.

Могу ли я бесконечно оправдывать всё его личными и семейными проблемами? Я тоже могу злиться и обижаться, и мне есть за что. Меня никто не пожалеет?

Только Михаил, друзья. А Пожарский никогда.

Глава 46. Пасмурное время

Михаил

Что-то загрузили все. Первым начал Антон, и как раз ровно после зачёта по философии.

— Всё настолько плохо? Что она ответила тебе? — спросил я у него в тот же день, когда мы вдвоём стояли в очереди в гардеробную.

Но Хомяков явно был намерен игнорировать меня, не обращая на мои вопросы никакого внимания. Просто стоял столбом, угрюмо глядя сквозь толпу. Я приблизился и хотел ухватить Антона за полы клетчатой рубашки, но тому удалось выскользнуть.

— Это уже не имеет никакого значения, — только и сказал он.

Больше эта тема не поднималась. Прошла неделя, уже наступил новый понедельник, а Хомяков так и не засиял вновь своей широкой улыбкой. Малообщителен, задумчив, пассивен. Остальные одноклассники тоже удивлены новым поведением нашего друга, но им он, конечно, тоже ничего не говорит.

Теперь ещё и Лина пришла сама не своя. Она пытается улыбаться и делать вид, что всё нормально, но в какой-то момент сдаётся и перестаёт воспроизводить свою не очень-то и качественную актёрскую игру. Лицо сделалось почти таким же несчастным, как у Хомякова все последние дни. Заразно это что ли?

Случилось это в тот момент, когда мы все уже расселись в аудитории в ожидании звонка на пару, во время которой у нас будет сдача самого последнего экзамена.

— Всё нормально? — наклоняюсь к ней и шепотом задаю беспокоящий меня вопрос, не выдерживая неопределённости.

— Нет, — отвечает, глядя на преподавательницу, Екатерину Николаевну, что раскладывает билеты на своём столе. — Я потеряла флешку, где хранилась моя экзаменационная работа.

— Как? — включилась в наш разговор Людмила.

— А вот так, — с горечью отвечает моя девушка.

— Не хочу нагнетать, но тебе крышка, подруга, — с ошарашенным видом заключает Ажинова.

Я и сам удивлён. Лина слишком ответственна для того, чтобы допускать подобные казусы. Так проколоться на самом последнем экзамене? Да ещё и у Екатерины Николаевны...

Звенит звонок, и Беляева сразу словно окаменела рядом со мной, обратившись в неподвижную статую. Чувствую себя просто отвратительно, не имея возможности как-то помочь ей, сделать хоть что-нибудь, что могло бы спасти ситуацию.

Она идёт к преподавательскому столу одна из первых, а вскоре покидает аудиторию, гонимая самой строгой и принципиальной преподавательницей, что мы видели. Как можно незаметней беру телефон и набираю сообщение:

— *«Сейчас Маша сдаёт, я сразу после неё пойду. Дождись меня, ладно?»*

— *«Хорошо, я подожду, Мих», — сразу приходит ответ от Лины.*

Вскоре, получив заслуженную пятёрку, выхожу в коридор и вижу свою девушку прямо на скамье напротив аудитории. Она поднимает на меня свои несчастные глаза, и мою грудь сжимает так, словно случилось что-то непоправимое.

— Думал, ты в буфете, — сажусь рядом с ней.

— Что-то аппетита нет совсем. Пересдача завтра. Мне не добыть флэшку, Мих, — говорит дрожащим голосом.

— Давай вместе подумаем, где она может быть, — стараюсь успокоить.

— Думать нечего, к сожалению, — отрицательно качает головой. — Я знаю где флэшка. И мне её не вернут. Если только...

— Если только что? У кого твоя флэшка?

Она не отвечает, но так нервно кусает губу и смотрит на меня с такой эмоцией на лице, что я всё сразу понял. Чёртов Бутч.

— Бутч? — уточняю на всякий случай.

— Его зовут Глеб, — Лина иронично усмехается. — Да, она у него.

— Так, у нас теперь два выхода: оторвать Бутчу хвост и забрать флэшку или разработать тебе новую методичку.

— У нас?

— Конечно, у нас! А ты думала я брошу тебя с этим?

— Только давай без Глеба, — морщит нос. — Не хочу больше никак с ним контактировать и тебя к тому же призываю. Лучше новую методичку разработать. Но как мы сделаем это за день?

— Вдвоём справимся. Да и вся ночь впереди, — подмигиваю. — Я могу всю ночь...

Прозвучало весьма не двусмысленно. И хоть я не это имел в виду, но всё равно невольно хихикаем, как дети малые. Беляева шлёпает меня по руке, призывая к серьёзности.

— ...Работать, — заканчиваю. — Даже если ты сама заснёшь. В школьные годы я и не с такими марафонами справлялся!

— Она ведь не маленькая должна быть... — тянет с сомнением.

— Всё есть в интернете. Часть, где можно, у меня скопируем, у Люды, у Антона. Екатерина Николаевна склейки и не заметит даже, если источников много возьмём!

— Думаешь? — вижу, как глаза девушки загорелись надеждой. Кажется, мне удаётся внушить ей, что ещё есть за что бороться.

— Знаю.

Тянуть было нельзя. Поэтому сразу, как только освободились, поехали после вуза к Лине домой за её ноутбуком, а затем сели в автобус, который домчит нас ко мне. Сидя в городском транспорте, я не переставая думал о Пожарском. Лина просила: «Давай без Глеба». Но без него уже никак не получится. Он меня конкретно достал. Я знаю и чувствую, что Беляева не рассказывает мне обо всём, скрывая самые неблагоприятные моменты связанные с её бывшим.

Я тоже хорош: выведал такую информацию о нём у своего дяди и Ани, что и озвучивать Лине неловко. Да она же мне просто не поверит! Решит, будто я из ревности болтаю или ещё чего хуже — из-за неуверенности в себе. Ну, уж нет, добытую информацию я приберегу исключительно только ради того, чтобы поставить на место уroda, не вмешивая в это свою девушку.

Совсем скоро мы уже оказались у меня в квартире. Быстро проглотили чай и расселись на диване, каждый со своим ноутбуком для оперативности. Прошёл час, другой, и вот уже наступил глубокий вечер. Поворачиваю голову в сторону Лины и вижу, что та уже не работает, а невидящим взглядом сверлит стену. Устала.

— Есть хочешь? — потягиваюсь всем телом, разминая затёкшие мышцы.

— Хочу, — кивает. — Мне кажется, что у меня уже всё тело дрожит от голода.

— Это от нервов. Не нервничай, мы уже сделали одну треть. У нас ещё ночь есть — помнишь?

— Угу, — вздыхает. — Хорошо, что хомяк и Люда свои методички скинули нам, а то бы совсем тяжело было.

— Всё нормально, Лин, мы успеваем.

— Мих, — вдруг меняет она тон, глядя на меня как-то иначе, чем минуту назад — Есть ещё кое-что, что беспокоит меня.

Она убирает ноутбук с колен и ставит его на стол, что стоит напротив дивана. Следуя её примеру, поворачиваясь затем всем корпусом к девушке, чтобы дать знать о своей полной готовности слушать.

— И что же это? — спрашиваю.

— Флэшка не единственная моя проблема. Есть ещё одна... Она связана с Людой.

— С Людой? — невольно хмурюсь. Ажинова вызывает проблемы? Что?

— Глеб каким-то образом связан с заказчиком её картины. Он сказал, что покупка будет отменена, если...

— Если что?

— Если не вернусь к нему.

Я не сдерживаю короткого ругательства. Я найду его завтра. Всю шерсть ощипаю, усы оторву и лапы поломаю!

— Ты же не думаешь всерьёз о его словах? Может, вернуться думаешь? Потому жалеешь всё время? — срываю вдруг свою злость. Само вылетает.

— Вот как тебе рассказывать что-то, если ты сразу всё выворачиваешь наизнанку! — обижается. — Я совета хочу: что мне Люде теперь говорить?

— Извини, Лин, — делаю глубокий вздох. — Мне просто неприятно, что ты так долго носила это в себе и не хотела говорить мне. Как будто не заслужил доверия или... А о другом и думать не хочу.

— Ты идиот? После всего, что у нас было, ты всерьёз меня спрашиваешь не думаю ли я вернуться к Глебу?

— Да, я идиот, я понял, — поднимаю руки в знак капитуляции. — Я помню, ты у Люды про заказчика спрашивала тогда в буфете. Что она говорит?

— Заказчика зовут Белоусов Николай Николаевич.

— Это... — вырывается у меня, прежде чем я успеваю подумать.

— Ты знаешь его? — глаза девушки становятся шире от удивления.

— Не лично.

— Кто он?

Мне и в самом деле придётся это сказать?

— Отец Глеба, — отвечаю.

— Но он же...

— Нет, — говорю твёрдо.

— Драматичная история оказалась выдумкой? — Лина саркастично усмехается. — Вау! Но почему фамилии разные? И откуда ты всё это знаешь?

— У Бутча фамилия матери — ничего особенного. А узнал от дяди. Он заведует кафедрой, на которой котяра учится. Ну, и Аня твоего бывшего неплохо знает, так как в

общей компании вертятся.

— Я же... сочувствовала ему, блин! — она и в самом деле расстроена. Жаль ли мне? Ни за что не признаюсь в этом самой Лине, но я чувствую удовлетворение от того, что девушка потеряла повод жалеть своего бывшего. Или хотя бы один из них.

— Самое время перестать это делать, — говорю, беря руку Беляевой в свою. — Пойдём есть, заодно и решим, что с Людой делать. А потом снова за методичку. Договорились?

— Угу.

Я целую её в кончик носа, чтобы внести хоть капельку чего-то светлого в это пасмурное время. Столько проблем, и всё из-за одного жалкого человека. Как такое вообще возможно?

Глава 47. Острые когти кота

Лина

И всё же пришлось потратить всю ночь на доработку методички для Екатерины Николаевны. Хорошо хоть поздно вечером вспомнила о Диане и позвонила ей, чтобы подруга не беспокоилась и не теряла меня, а то в такой запарке и не о таком забудешь. Всю ночь щёлкать по клавиатуре, склеивать в единый документ лоскуты информации, найденные на просторах Интернета, а иногда... целоваться. Ну, как тут не забыться?

На утро в зеркале ванной я увидела тёмные тени у себя под глазами, что было весьма ожидаемо, так как на сон оставалось лишь два часа. Ночевать, конечно, осталась у Князева, и в вуз в итоге собирались вместе. Совместные сборы оказались приятным занятием, хотя и неловким местами, так как подобное всё ещё непривычно для меня и вообще в новинку. Многие кажутся смущающим, заставляющим меня стесняться, но я старательно отмахивалась от этого чувства, скрывая неловкость смехом. Михаил тоже старался поддерживать шутивную атмосферу, и я на время, благодаря ему, даже забыла о существующих проблемах.

Но память о них вернулась, когда мы прибыли в вуз. Совсем скоро звонок, что объявит начало пересдачи экзамена. В аудитории, кроме меня, ещё пять одноклассников, потерпевших вчера неудачу. У всех, как и у меня, помятый вид, нервные улыбки, показные шутки.

Раздаётся звонок. Михаил желает мне удачи и обещает ждать меня в коридоре. А я, как и другие пять неудачников, остаюсь отрезанной от мира захлопнувшейся дверью. Только мы и плотно сжатые губы Екатерины Николаевны.

Иду первой, как самая смелая и отчаянная. К тому же, держу в голове, что Князев сидит там и ждёт меня. Нет никакого смысла тянуть резину. Протягиваю преподавательнице флэш-накопитель, что одолжил мне Михаил, и тяну билет. Пока мысленно готовлюсь к ответу, мимолётно поглядываю на Екатерину Николаевну, что щёлкает клавишами на своём ноутбуке, изучая мою методичку. Или, верней сказать, мою и моего парня... Но преподавательнице знать об этом не обязательно.

С облегчением вижу, как она молча извлекает флэшку и возвращает её мне. Если ничего не говорит, значит всё в порядке.

На билет я тоже отвечаю успешно. В зачётку мне ставится отметка «4», так как после вчерашнего провала претендовать на более высокий балл не могу.

В коридоре, как и обещал, сидит Михаил. Хотела было пошутить над ним: скорчить грустное лицо и сказать, что, похоже, меня вскоре отчислят. Но не могу удержаться от широкой улыбки при виде волнения в глазах парня. Плохая из меня актриса, да и играть совсем не хочется, когда видишь искреннее участие другого человека.

— Сдала? — улыбается он мне в ответ.

— Сдала. И всё благодаря тебе. Снова ты меня спас.

— А как иначе?

— Мог бы спать и выспаться, а не решать мои проблемы.

— Наши проблемы, — поправляет меня.

— А ведь я даже не просила тебя... — качаю головой, всё ещё иногда удивляясь тому, как всё обернулось между мной и Князевым.

— Проси, что хочешь, — улыбается почти горделиво.

Влюблённые парни всегда такие?

— Всё-всё?

— Кроме невозможного, например, ловли белоснежного пегаса. А остальные желания без проблем!

— Обычно рыбка исполняет желания, а на её собственные всем плевать, — вроде и шучу, но понимаю, что просто озвучиваю наболевшее.

— Только не мне, — смотрит с такой серьёзностью, что хочется запеть от счастья и начать танцевать.

Но радоваться мне не долго пришлось. Уже вечером, когда ходила по квартире под дружеские колкости Дианы и собирала свой рюкзачок для ночёвки у Князева, мне звонит Людмила. С минуту гипнотизирую телефон, боясь, что воплотилась ещё одна угроза Пожарского, и только потом принимаю входящий вызов.

— Лина! — Ажинова произнесла моё имя таким плаксивым голосом, что я в миг напрягаюсь всем телом. — У меня такое произошло! Ты бы знала...

— Что случилось, Люд? Ты плачешь?

— Моя картина... — подруга всхлипывает мне в ухо, а я чувствую, как образуется горький ком у меня в горле.

— Сорвался заказ? — спрашиваю, уже заранее зная ответ.

— Да! Как ты догадалась? Неужели это было очевидно? Я послала ему фото готовой работы, а он мне в ответ про расторжение договора говорит. Я же не плохо пишу картины! Что могло пойти не так? Мы всё чётко обговорили ранее, был утверждён эскиз. Всё выполнено с точностью до мельчайшего мазка кистью!

— Люд, дело не в твоём недостаточном уровне мастерства. Этот Белоусов — отец Глеба. Блин, прости, но, похоже, это всё из-за меня.

— Ты здесь при чём? Глеб здесь причём? Ничего не понимаю... — подруга даже всхлипывать перестаёт от удивления.

— Он мстит мне, Люд. Думаешь, почему я вчера вдруг экзамен провалила? Глеб выкрал у меня флэшку с моей методичкой. Твоя картина тоже инструмент для манипуляции мной. Даже про отца наплёл мне, как видишь, чтобы лишний раз надавить на меня, мою жалость. А теперь от взрачивания чувства жалости перешёл к откровенным угрозам в мой адрес, и уже даже реализует их. В общем, это из-за меня покупка твоей картины сорвалась.

— Если бы я знала заранее, — понуро отвечает Ажинова, — то ни за что бы не склонила тебя к знакомству с этим сказочным придурком, уж прости мне мои выражения...

— Не извиняйся, — усмехаюсь. — Ты только не волнуйся. Я обещаю, что твою картину купят.

— Как ты можешь обещать мне это?

— Могу, — загадочно улыбаюсь в динамик, хотя и понимаю, что Людмила не может видеть моей улыбки.

Что же. Худшее уже произошло — на большее Глеб не способен. Я боялась, что бывший сотворил что-то ещё помимо картины, но, кажется, на этом всё, и можно облегчённо выдохнуть. И даже улыбнуться.

И я продолжаю улыбаться, когда уже сижу в автобусе, что везёт меня к остановке неподалёку от дома Кязева. Сессия успешно сдана, проблема Людмилы почти улажена (но я

держу от неё в секрете, как именно), а ещё Антон, по словам Михаила, всё же согласился послезавтра отмечать своё день рождения. Надеюсь, у нас получится его хоть немного растормошить и отвлечь от несчастной любви к молодой преподавательнице.

Ну а сейчас я еду к своему любимому человеку, у которого проведу целую ночь. Завтра некуда спешить: можно спать допоздна, совершать покупки ко дню рождения Хомякова, на котором мы одновременно ещё и сессию отпразднуем. Неужели наступает белая полоса?

Меня ждало разочарование.

Выхожу на нужной остановке, бодро вышагивая в направлении заветного дома, где меня уже нетерпеливо ждут, засыпая сообщениями на телефоне.

— Ну, ты где там? Чайник уже вскипел, — пишет мне Князев с дразнящим смайлом в конце сообщения.

— Уже вышла на твоей остановке, иду.

— Иди, иди. Мы с чайником ждём тебя, как безумные!

— Пять минут всего, Мих! — пишу на ходу, а сама тихонько посмеиваюсь.

Убираю телефон в карман пуховика, и не успеваю надеть перчатку на оголённую руку, как меня за неё дёргают назад. У меня спёрло дыхание, и я едва не падаю, но сохраняю равновесие, слыша в ушах бешеный пульс. Мгновенный испуг заставляет в панике обернуться на напавшего. Глеб.

— Обязательно было сопляку своему жаловаться? — спрашивает он с грозным рыком, удерживая за руку мёртвой хваткой.

— Что? — выдыхаю с паром изо рта.

— Только дуру не включай! — Пожарский снова дёргает меня на себя, заставляя почти столкнуться с ним. — Какого чёрта язык свой распускаешь обо мне?

— Я не понимаю... — я вдруг превращаюсь в маленького испуганного ребёнка.

— Тебе более доходчиво объяснить что-ли? — он наклоняет своё лицо к моему, как тогда перед пощёчиной.

Вот откуда только взялся? И как теперь остаться целой и невредимой морально или даже физически...

Глава 48. Столкновение

Михаил

Прошло уже десять минут, затем пятнадцать — я не могу понять, почему Лина так долго идёт до моего дома. Смотрю в окно, и не вижу знакомого силуэта на горизонте. Она всё ещё не свернула во двор? Как такое может быть? «Уже вышла на твоей остановке, иду», — написала она, но не похоже, чтобы это действительно оказалось правдой.

— *Ты точно вышла на остановке, или просто заранее написала, а сама в пробке стоишь?* — отправляю ей сообщение в «ВКонтакте».

Но проходит минута, другая, а ответа всё нет.

Я бы подумал, что девушка решила заскочить в магазин по пути, но до ближайшего идти пятнадцать минут — зачем задумывать подобное мероприятие? Да ещё и без предупреждения. Я ведь беспокоиться начал! Нет, как придёт, сразу посоветую в следующий предупредить о подобных вещах, а не писать вместо этого: «Пять минут всего, Мих!».

Не поругаться бы только на этой почве, а то помню я рассказы Беляевой о её бывшем, что каждую минуту считал и каждый шаг девушки. Мерзость! Усатая и хвостатая.

Мой поход к дяде оказался всё же очень продуктивным. Мало того, что узнал о живом и вполне здравствующем отце Бутча, так ещё и контакты этой семейки у Ивана Ильича имеются.

— Мальчик-то это не простой, — сказал тогда дядя. — Богатенькая семейка...

— Совсем никакой управы? — спросил я с растущим разочарованием.

Неужели придётся в откровенные разборки ввязываться? Это не совсем в моём стиле, и Лина бы вряд ли оценила...

— Ну, отчего же. Есть одна у меня мыслишка...

— Какая?

— Я товарищ принципиальный. Твой-то отец знает, — насмешливо хмыкнул. — Белоусов звонил мне на мой личный телефон. Откуда только достал... Но такие, как он, всё достанут, если захотят. Так вот: Белоусов Николай просил меня за сына, чтобы я посодействовал успешной учёбе, а я возьми да и откажись! Я же экзамен принимаю у них один.

— А твоим коллегам тоже звонок поступал?

— Не знаю. Думаю, да. Я переговорю с одним товарищем, узнаю. Он мог и согласиться на взятку — знаю я этого хитреца.

— А экзаменов ещё ни у кого не было... — задумался я.

— Именно, — подтвердил Иван Ильич. А значит можно всё обернуть не на пользу твоего Пожарского.

— Отлично. Посодействуй уж, пожалуйста.

— Ради племянника уж посодействую. А отцу привет передавай, — подмигнул.

И дядя выполнил своё обещание. Завтра у Бутча тот самый экзамен, по которому гарантия отличной оценки больше не работает. Я сам сообщил ему об этом. С большой радостью и злорадством. Написал ему в «ВКонтакте», рассказал что и как, а котюра молча прочитал и вышел из сети. Теперь он либо оставляет Лину в покое, либо препод возвращает деньги и ставит ту оценку, которую Пожарский заслужил.

Вряд ли Бутч хорошо подготовлен к предстоящему экзамену, раз давно уже оплатил

оценку за него. Надеюсь, это станет весомым аргументом в пользу того, чтобы забыть о Беляевой и тяге портить ей жизнь своим идиотизмом.

Я снова и снова обновляю страницу с диалогами, но никаких изменений не вижу. Лина всё ещё ничего мне не ответила и даже в сеть больше не заходила. Тогда я принимаюсь звонить ей, но звонок она мой тоже не принимает. Напряжённые протяжные гудки, и больше ничего.

Самое настоящее беспокойство начинает закрадываться в мою голову. Может, пойти в тот самый ближайший магазин? Может, там её встречу? Или по дороге столкнёмся...

Не раздумывая больше ни секунды, принимаюсь спешно одеваться. Куртку застёгиваю уже практически на ходу, выходя из квартиры, из подъезда, шурша ботинками по снегу и вдыхая морозный воздух.

Я иду, преодолевая метры, подмечая про себя, что на улице уже темнеет. Вынимаю из кармана куртки телефон — там по-прежнему тишина. Звоню — по ту сторону лишь гудки.

Сердце радостно и с облегчением застучало о рёбра, когда я узнаю знакомый силуэт впереди, но тут же тревожно сжалось. Потому что вижу, как её насильно удерживает мужская фигура и трясёт за плечи, нависая над Линой угрожающей башней, что готова придавить.

Подбегаю, уже понимая, кто этот мужчина, и дёргаю его за шиворот назад, отрывая от Беляевой. Бутч пошатывается, едва не падая, но быстро приходит в себя, прищурив со злостью безумные глаза.

— А вот и смельчак припёрся, — цедит он, глядя на меня.

Лина, кажется, при моём появлении только ещё больше пугается. Стоит растерянная с приоткрытым ртом и смотрит на нас обоих так, словно прямо сейчас вершится судьба всего человечества.

— Уж ты-то, конечно, много знаешь о смелости, — парирую. — Почему на девочку нападаешь, а не на меня? Ведь это я подставу тебя устроил.

— Какую подставу? — спрашивает Лина дрожащим голосом.

— Слабо по-мужски вопрос решить? — встаёт в стойку Бутч прямо напротив меня.

— Слабо завтра экзамен сдать своими силами?

— Давай так: если я набью тебе морду, то экзамен я завтра сдаю. А если ты мне (что просто невозможно), то я забываю о вас двоих!

— Я тебе уже писал: либо оставляешь Лину в покое и успешно сдаёшь экзамен, либо ты его завтра проваливаешь.

— Значит, всё же слабо? — ухмыляется Пожарский и замахивается на меня кулаком.

Беляева испуганно охает. Я успеваю увернуться, а затем сразу, пользуясь удобным углом, при помощи ноги и рук опрокидываю Бутча на снег. Сейчас я благодарен тому, что внимательно слушал одного парня в качалке, что хорошо владеет приёмами рукопашного боя, которым он любит всех обучать, как бы между делом.

— Ты только ещё не забывай, — говорю, пока котюра встаёт на ноги, — что тебе ещё почти целых два года учиться на кафедре и потом диплом писать.

— Как такая сопля, как ты, может быть таким самоуверенным? — Пожарский уже стоит на ногах и изо всех сил старается изобразить из себя бесстрашного, но он определённо точно уже успел оценить мою физическую подготовку.

— Самоуверенность там, где есть деньги, — выразительно приподнимаю бровь, — или

связи, — намекаю уже на себя.

— Я набью тебе рожу, рыжий.

— Набей. Только помни про два года обучения под надзором моего дяди. И моим, — нагло добавляю.

Поворачиваю голову в сторону напряжённой фигурки Лины, застывшей, как ледяная статуя на морозе. Она смотрит на меня в ответ расширенными глазами.

— Всё нормально? — спрашиваю у неё.

— Да, — выдыхает, косясь на своего бывшего.

— А у тебя? — поворачиваюсь к Бутчу. — нормально всё? Как твой завтрашний экзамен поживает? Сдашь его или завалишь? Ответь сейчас. Я должен позвонить дяде и сообщить с твоём решении сегодня вечером.

— Всё подвязал уже, смотрю, — огрызается он.

Лина вдруг подходит вплотную ко мне и крепко обнимает, глядя на бывшего. Очевидная демонстрация. Словно подтверждая мои слова, она говорит:

— Всё бесполезно, Глеб. Я в любом случае не буду с тобой.

— Быстро ты разлюбила... — со злой иронией отвечает он ей.

— Я не любила. Я обманула всех: тебя, себя, друзей и всех остальных. Я ошиблась. Прости.

Она говорит это всё, по-прежнему обнимаю меня за талию обеими руками, и я воспаряю духом, слыша эти слова.

— Это правда? — шепчу я ей возле уха.

— Да, Мих. Мне просто стыдно было признаться... — говорит тихо, запрокидывая голову и глядя мне прямо в глаза.

Где-то на заднем плане фыркает Бутч и что-то ворчит, но нам нет никакого дела до него. Даже в такой странной ситуации я умудряюсь начать плавиться от своих чувств к девушке в моих руках. Мы обмениваемся улыбками понятными только нам.

— Эй! — как сквозь вату врывается голос Пожарского. — Смотреть противно!

— Мне всё равно что там тебе противно или приятно, — отвечаю.

Беру Лину за руку с полным намерением пойти уже, наконец, ко мне домой.

— Звони и говори, что у меня завтра должна быть пятёрка в зачётке! — говорит Бутч с максимальной грубостью в голосе, на которую способен. — Понял, сопля?!

Молча киваю. Пусть продолжает считать себя крутым, а у меня есть и более важные дела на сегодня — и имя им Лина.

Глава 49. День рождения новой жизни

Лина

Я открыла дверь в «Князевскую» кухню. Там всё по-прежнему: хаотичные движения рук, шелест подарочной бумаги, беспокойный шёпот, приглушённые хихиканья и прочая суета, развернувшаяся на кухонном столе.

— Почему вы раньше этим не занялись? — шиплю я тихо Ажиновой, её парню и Михаилу. — мне уже надоело развлекать Антона, пока вы тут подарок готовите! В день рождения, блин!

— Минуту! — говорит Людмила, не глядя на меня, занятая подрезанием ножницами лишней бумаги. — Подождите ещё одну минуту!

— Мы уже не знаем о чём болтать, — вздыхаю. — Или уснём, или весь праздничный стол вдвоём съедим!

— А вы о погоде говорили уже? — посмеивается Андрей, которого подруга почти насильно притащила с собой в нашу компанию.

— Мы обсудили погоду всех стран мира, — отвечаю. — Давайте быстрее.

Закрываю дверь кухни и возвращаюсь в гостиную, где в полном одиночестве на диване восседает виновник торжества. Антон приподнимает брови при виде меня, и я отрицательно качаю головой. Мы оба друг друга поняли, так как уже изрядно утомились ждать начало праздника.

Отмечать решили в квартире Михаила, так как она способна вместить больше людей, чем какая-либо из наших. У Людмилы однокомнатная, а в моей Диана, не любящая вечеринки с незнакомыми ей лицами. Вся комната украшена воздушными шарами, стол щедро накрыт едой и питьём.

Не смотря на постоянно хмурое лицо Хомякова в последние дни, сегодня он улыбается и выглядит почти обычным. Возможно, дело в постоянных звонках, что поступают ему на телефон. «Спасибо» от него сегодня слышится гораздо чаще, чем какое-либо другое слово.

Так или иначе, вечер обещает быть неплохим.

— Я бы обиделся, — говорит Антон, пока я сажусь рядом на диван, — не будь вы моими друзьями.

— Подарок больших габаритов, и им пришлось обежать несколько магазинов, чтобы найти подходящую упаковку, — защищаю Михаила с Людмилой, а заодно успокаиваю Хомякова.

Самой мне было поручено закупить воздушные шары и украсить стену надписью «С днём рождения!». С последним, правда, я не справилась, так как все имеющиеся в магазине были больше похожи на поздравление появления нового человека на свет. Что-то вроде: «С новорожденным!» или «Счастье новой жизни!». Я едва не купила подобную, помня о юморном характере нашего друга, но в последний момент передумала. После провала на любовном фронте Хомяков несколько изменился в настроении, и не известно, как бы он отнёсся к подобной шутке сейчас.

Не успеваем мы начать очередную тему, лишь бы скрасить ожидание, как дверь кухни медленно отворяется. В проёме никого. Только скрипа разве что не хватает для полного антуража.

— Это приглашение? — усмехается Антон.

А я и сама не знаю, что они задумали. Вдруг решили отклониться от оговорённого плана? Но в следующую секунду показывается часть подарка, а затем ноги и руки наших друзей, несущих прямоугольное, метр в длину, нечто. Они тащат этот плоский прямоугольник с предвкушающими улыбками на лицах, а затем все трое выстраиваются прямо перед именинником... и мной.

Вскакиваю с дивана, становясь рядом с ребятами, чтобы присоединиться к общему поздравлению.

— Дорогой наш Антошка! — торжественно начинает Ажинова. — Мы знакомы с тобой всего четыре месяца, но за такой срок ты уже успел полюбить нас своими вечно лохматыми волосами, коллекцией клетчатых рубашек, шутками-прибаутками. Даже твой талант, разводить нас во время своих споров, покори нас. Но мы ещё посмотрим, кто кого... Хомяк, а спорим, что наша дружба с тобой продлится ещё не один год?

— А вот в этом я с вами спорить не буду, — с прежним весельем отвечает Антон, щуря глаза от удовольствия.

— Значит, и спорить не о чём! — восклицает Михаил, стоящий рядом со мной. — Хомяк-то точно знает на что стоит спорить, а на что нет. И это ещё одна причина ценить такого друга, как ты. С твоей помощью мы можем предсказывать будущее, не прибегая к услугам шарлатанов в Интернете!

— Мы поздравляем тебя с твоим днём рождения, — подхватываю я. — И надеюсь, что наш подарок окажется для тебя очень ценным и памятным.

— Я тебя не знаю, — вставляет Андрей, — но Людмила притащила меня сюда, а значит и я должен поздравить тебя. Ну, с днём рождения, что-ли!

Антон произносит очередное на сегодня «Спасибо!», и сразу с нетерпением принимается развязывать ленты на подарке и праздничную бумагу. Мы не помогаем ему, лишь поддерживаем пока секретное нечто руками, чтобы оно не свалилось на пол.

Вскоре перед нами предстаёт картина. Та самая, что писала Ажинова для Белоусова. Есть лишь небольшие изменения: поверх морского пейзажа теперь красуются аккуратными буквами наши пожелания Хомякову для мотивации, сил, веры в лучшее, себя и мир.

Антон кидает очередную свою шутку про ожидаемо кривые буквы у Князева, но видно, что подарок парня впечатлил и даже растрогал.

Михаил был прав в своём решении выкупить работу у Людмилы. И подругу спасли, и Хомякову радость. Ведь такой подарок прочно будет ассоциироваться со всеми нами. Его можно повесить на стену, смотреть на море, читать пожелания и вдохновляться.

— Денег мы отвалим не мало... — сказала я Михаилу во время того нашего разговора в вечер, когда делали мне новую методичку для экзамена.

— Новые заработаем, — пожал плечами. — Зато друзьям счастье.

Теперь же я понимаю, что решение было верным.

Чем дольше сидим, тем громче разговоры за нашим столом. Наш именинник совсем расслабился, став, как прежде. Только и возмущается шутливо, что Ажинова специально своего парня привела, чтобы Антона в неловкое положение поставить.

— Вы все парочками, а я, как ворога белая тут сижу! — негодует он.

— Будет и на твоей улице праздник, хомяк, не дрейфь! — отвечает Михаил и, как назло, демонстративно обнимает меня и клюёт в щёку.

— Телефон! — завертелась суетливо Людмила. — Чей телефон звонит?

— Ой, это мой! — вскакиваю к мобильнику, забытому где-то в кухне.

— Мой! — вторит мне Антон и тоже спешит в том же направлении, что и я.

Оказалось, мы оба правы. Оба одновременно принимаем звонки на своих мобильных и принимаемся разговаривать со своими собеседниками, косо поглядывая друг на друга так, будто в шпионаже подозреваем

— Привет, мам, — отвечаю знакомому голосу.

— Я тут подумала, знаешь... После того, как ты сказала, что не приедешь на новый год домой. Может, хоть рождество семьями справим?

Мне пришлось рассказать ей о Михаиле, как о главной причине моего нежелания отмечать новый год дома. Мы уже решили с Князевым, что в этот предстоящий праздник хотим быть вдвоём. Ведь это наш первый совместный новый год.

— Ты же знаешь, что родители Миха в другом городе, — тяну с сомнением.

— Так, а я уже с Тamarой обговорила всё, она очень даже «за» приехать, познакомиться заново. Столько лет не виделись! Уже и забыли каково вместе на родительские собрания ходить!

— Ну, я обговорю с Михом, и мы вместе решим.

— А чего решать? — хмыкает мама. — Вы встречаетесь, ваши матери дружат и всё ещё помнят старое знакомство и дни, когда их дети в один класс ходили. Мы всё за вас уже решили! Они хватают Тимофейку, и к нам в гости приезжают!

— Ха! Понятно, — усмехаюсь. — Ладно, я передам Миху. Позже ещё свяжемся и обговорим.

На самом деле мне жутко не хочется встречи семьями. О, жуть! Мы же только начали встречаться, а наши матери уже создали свою собственную команду и строят какие-то свои планы за нашими спинами. Весело, похоже, нам с Князевым теперь будет...

Вскоре завершаю разговор, Антон следом за мной. Мы вновь с ним переглядываемся и с каким-то странным хихиканьем обмениваемся подмигиваниями. А ему кто звонил?

Этот же вопрос волнует всех остальных.

— А вы чего это оба застряли в кухне? — восклицает Андрей при виде нас входящих в гостиную.

— Я с мамой по телефону говорила, — отвечаю, глядя на Михаила, и сажусь на своё место рядом с ним.

Князев считает по моему взгляду, что это каким-то образом касается его.

— А ты с кем? — спрашивают все хором, тоже садящегося за стол Антона.

— Вы не поверите... — отвечает он, глупо улыбаясь при этом.

— Снегурочка? Дед Мороз? — дразнятся все по очереди.

— Анна Ивановна! — удивляет Хомяков. — Поздравила меня с днём рождения!

Достаточно долго разговаривал он по телефону для простого поздравления. И по виду парня тоже понимаю, что новая жизнь у него всё-таки сегодня рождается, и зря я не купила ту ленту с буквами на стену.

Она, похоже, актуальна теперь для всех нас. Антон на пороге чего-то невероятного. Людмила продала таки картину и сможет оплатить учёбу. Я и Михаил вместе, а Глеб оставил меня в покое, и со вчерашнего дня показывает в «Вконтакте» фото с новой девушкой.

Ну, и Диана тоже не в обиде: все свои экзамены сдала на «отлично», и ходит теперь гордится тем, какая умная. Печенье, кстати, она тоже научилась печь так, как надо. Я за неё

очень рада — насмотрелась на страдания подруги со стряпнёй.

И вообще за всех друзей рада. И за себя с Михаилом.

И за то, что вовремя до меня дошло понимание важности умения услышать свои собственные желания, игнорируя посторонние голоса, что твердят обратное. Я Лина Беляева, а не только «рыбка», и я больше не хочу исполнять чужие желания!

Больше книг на сайте - Knigoed.net